

DOI:10.52340/lap

ISSN 1987-5533
e-ISSN 2958-2148

LAW AND POLITOLOGY

INTERNATIONAL SCIENTIFIC JOURNAL

Право и политология

Международный научный журнал

№ 40
2025

2025

ISSN 1987 – 5533

e-ISSN 2958-2148

DOI: 10.52340/lap

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 40

Supreme Council on Science and Technological Development of the Academy of Sciences of Moldova and the National Council for Accreditation and Attestation of Moldova, recognized “Law and Politology” as a journal in law, political science, making part of „B” scientific journal (Decision no. 151 of 21 July 2014).

The journal “Law and Politology” is the periodical-scientific edition of the following academic partners:

INSTITUTE OF LEGAL AND POLITICAL RESEARCH OF ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA
GELATI ACADEMY OF SCIENCES (GEORGIA)
HIGHER SCHOOL OF SECURITY AND ECONOMICS (BULGARIA)

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of CSC (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of CSC (**Republic of Moldova**)
Kamal Makili-Aliyev - doctor of Legal Sciences, Ass. Professor - co-chairman of CSC (**Sweden**)
Georgi Manolov - doctor of Political Sciences, Professor (**Bulgaria**)
Zurab Khonelidze - doctor of History, Professor (**Georgia**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafazade - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, Ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Lev Spivak - Professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) - academic secretary

EDITORIAL BOARD

Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**) – **Editor in-Chief**
Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Lala Ahmadova - doctor of Philological Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Tatyana Poloskova - doctor of Political Sciences (**Russia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, Ass. Professor (**Georgia**)
Emin Hajinski – PhD, doctor of History, Ass. Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Eliko Tsiklauri-Lamich - doctor of Legal Sciences, Professor (**Germany**)
Teodor Detchev – PhD, doctor of Sociology, Ass. Professor (**Bulgaria**)
Leszek Sykulski – PhD, doctor of Politology (**Poland**)
Ruslan Shevchenko - PhD, doctor of History (**Republic of Moldova**)
Kairat Osmonaliev – doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Kyrgyzstan**)
Yury Bocharov – PhD, doctor of Politology (**Israel**)
Tamerlan Hajiye – master of International Law (**Republic of Azerbaijan**) - **executive editor**
Aynur Karimova – master of International Law (**Republic of Azerbaijan**) - **technical editor**

The journal is being issued since 2007

Website: www.law-politology.az
E-mail: editor@law-politology.az

The magazine is registered since
16th of August in 2007.
Reg. № 2320

Решением Высшего Совета по науке и технологическому развитию Академии наук Молдовы и Национального Совета по аккредитации и аттестации журнал «Право и политология» признан как издание в области права и политологии, относящееся к научным журналам категории «Б» (решение № 151 от 21 июля 2014 года).

**Журнал «Право и политология» является международным
изданием научных партнеров**

**ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (ГРУЗИЯ)

ВЫСШАЯ ШКОЛА ПО БЕЗОПАСНОСТИ И ЭКОНОМИКИ (БОЛГАРИЯ)

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель НКС (Грузия)

Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор - сопредседатель НКС (Республика Молдова)

Камал Макили-Алиев - доктор юридических наук, доцент - сопредседатель НКС (Швеция)

Георгий Манолов - доктор политических наук, профессор (Болгария)

Зураб Хонелидзе - доктор исторических наук, профессор (Грузия)

Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Айтен Мустафазаде - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Анзор Тотадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)

Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)

Лев Спивак - профессор (Израиль)

Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика) - Главный редактор

Тамара Кикиадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)

Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)

Лала Ахмедова - доктор филологических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Татьяна Полоскова - доктор политических наук (Российская Федерация)

Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор (Грузия)

Эмин Гаджинский - доктор истории, доцент (Азербайджанская Республика)

Элико Циклаури-Ламих - доктор права, профессор (Германия)

Теодор Дечев - доктор социологии, доцент (Болгария)

Лешек Сыкьюльски - кандидат политических наук, доцент (Польша)

Руслан Шевченко - доктор истории (Республика Молдова)

Кайрат Осмоналиев - доктор юридических наук, профессор (Кыргызская Республика)

Юрий Бочаров - кандидат политических наук (Израиль)

Тамерлан Гаджиев - магистр международного права (Азербайджанская Республика) - ответственный редактор

Айнур Керимова - магистр международного права (Азербайджанская Республика) - технический редактор

Журнал выходит с 2007 года

Веб-сайт: www.law-politology.az

E-mail: editor@law-politology.az

Журнал зарегистрирован 16 августа 2007 г.
Регистрация № 2320

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Намик Г. АЛИЕВ**
ОТКРЫТИЕ КОММУНИКАЦИЙ МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И АЗЕРБАЙДЖАНОМ: ПРОГРЕСС, ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ ТУПИК?.....7

- Ромелла ГЮЛЬАЛИЕВА**
КОНЦЕПЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ.....11

- Ульвия АЛИЗАДЕ**
ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.....16

- Лала БАБАЗАДЕ**
ПРОКУРАТУРА ХХI ВЕКА И ЕЁ РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ, ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАКТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА.....23

- Эльшад ГАСАНОВ**
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИЛЛИ МЕДЖЛИСА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С НЕКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ.....28

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Мехман СУЛЕЙМАНОВ**
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОВОКАЦИИ АРМЕНИИ ПРОТИВ АЗЕРБАЙДЖАНА НАКАНУНЕ НАЧАЛА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ.....33

- Теодор Д. ДЕЧЕВ**
ДВА МЕСЯЦА, КОТОРЫЕ ПЕРЕВЕРНУЛИ АЗЕРБАЙДЖАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.....40

- Эмин ГАДЖИНСКИЙ**
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....47

- Насрин СУЛЕЙМАНЛЫ**
РАСТУЩАЯ РОЛЬ И НАПРАВЛЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА В ПРОЦЕССЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....53

- Юрий БОЧАРОВ**
КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ВОКРУГ ПРИЗНАНИЯ ПАЛЕСТИНЫ.....60

- Наида ГАДЖИНСКАЯ, Рафаил ДЖАФАРОВ**
ЗАВЕРШЕНИЕ КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ АНАЛИТИКОВ: ПУТЬ К МИРУ.....66

- Гусейн СУЛТАНЛЫ**
ВЕЙМАРСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК И ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО: ПОСЛЕДНИЙ ВАРИАНТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА?.....71

- Азерин АЛЛАХВЕРДИЕВА**
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ.....76

- Махаммед БАБАЕВ**
РАЗОРУЖЕНИЕ «ХЕЗБОЛЛЫ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИВАНСКОГО КРИЗИСА: ОТ НЕВОЗМОЖНОГО К НЕИЗБЕЖНОМУ?.....79

- Марзия АСЛАН**
КЛИМАТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.....82

CONTENT

LEGAL SCIENCES

Namiq H. ALIYEV

OPENING OF COMMUNICATIONS BETWEEN ARMENIA AND AZERBAIJAN: PROGRESS, ILLUSION OR DEAD END?.....7

Romella GULALIYEVA

THE CONCEPTION AND SIGNIFICANCE OF INNOVATION POLICY IN CRIMINAL LAW11

Ulvia ALIZADE

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONALISM IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN.....16

Lala BABAZADE

THE PROSECUTION SERVICE OF THE 21ST CENTURY AND ITS ROLE IN SOCIETY: DIGITALIZATION, GLOBAL CHALLENGES, AND THE PRACTICE OF AZERBAIJAN.....23

Elshad HASANOV

INTERACTION OF THE MILLI MEJLIS OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN WITH SOME OTHER AUTHORITIES28

POLITICAL SCIENCES

Mehman SULEYMANOV

MILITARY-POLITICAL PROVOCATIONS OF ARMENIA AGAINST AZERBAIJAN ON THE EVE OF THE PATRIOTIC WAR.....33

Teodor D. DETCHEV

TWO MONTHS THAT TURNED AZERBAIJANI – RUSSIAN RELATIONS UPSIDE DOWN.....40

Emin HAJINSKI

GLOBALIZATION AS A SOURCE OF CONFLICT: A THEORETICAL ANALYSIS.....47

Nasrin SULEYMANLI

AZERBAIJAN'S GROWING ROLE AND DIRECTIONS IN ENSURING INTERNATIONAL ENERGY SECURITY.....53

Yuri BOCHAROV

LEGITIMACY CRISIS IN INTERNATIONAL RELATIONS: INSTITUTIONAL CONTRADICTIONS SURROUNDING THE RECOGNITION OF PALESTINE.....60

Naida HAJINSKAYA, Rafail JAFAROV

ENDING THE KARABAKH CONFLICT THROUGH THE PRISM OF INTERNATIONAL ANALYSTS: THE PATH TO PEACE.....66

Huseyn SULTANLI

THE WEIMAR TRIANGLE AND GLOBAL LEADERSHIP: THE EUROPEAN UNION'S FINAL OPPORTUNITY?.....71

Azarin ALLAHVERDIYEVA

FOREIGN POLICY OF AZERBAIJAN IN THE CONTEXT OF PROTECTING NATIONAL SOVEREIGNTY UNDER CONDITIONS OF GEOPOLITICAL INSTABILITY.....76

Mahammed BABAYEV

HEZBOLLAH'S DISARMAMENT IN THE CONTEXT OF THE CURRENT LEBANESE CRISIS: FROM THE IMPOSSIBLE TO THE INEVITABLE?.....79

Marziyya ASLAN

CLIMATE DIPLOMACY AS A NEW INSTRUMENT OF GLOBAL POLITICS: LEGAL FOUNDATIONS AND POLITICAL PROSPECTS.....82

Намик Г. АЛИЕВ (Азербайджан),

доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Государственный советник второго класса, руководитель кафедры «Международные отношения и внешняя политика» Академии Государственного Управления при Президенте Азербайджанской Республики

ОТКРЫТИЕ КОММУНИКАЦИЙ МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И АЗЕРБАЙДЖАНОМ: ПРОГРЕСС, ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ ТУПИК?

Введение

После окончания Второй карабахской войны в ноябре 2020 года, Южный Кавказ вновь оказался в центре геополитического внимания. Одним из важнейших пунктов трёхстороннего заявления от 9/10 ноября 2020 года, подписанного лидерами России, Армении и Азербайджана, стала договоренность по разблокировке всех экономических и транспортных связей в регионе. Ключом к этой разблокировке является гарантия Республика Армения обеспечения безопасности транспортного сообщения между западными районами Азербайджанской Республики и Нахчыванской Автономной Республикой с целью организации беспрепятственного движения граждан, транспортных средств и грузов в обоих направлениях. Однако армянская сторона не выполнила до сих свое обязательство.

Невозможно говорить об открытии экономических и транспортных коммуникаций между Азербайджаном и Арменией без обеспечения безопасной и беспрепятственной связи Нахчывана с остальной частью Азербайджана. Это – суть Трёхстороннего заявления от 9/10 ноября 2020 года [2]. На Вашингтонском саммите 8 августа 2025 года США выступили посредником в подписании инфраструктурного соглашения TRIPP (Trump Route for International Peace and Prosperity). Тем не менее, и сегодня армянская сторона категорически лишает азербайджанский народ права на транспортное сообщение с Нахчываном.

Несмотря на прошедшее время, вопрос открытия коммуникаций между Арменией и Азербайджаном остаётся не только нерешённым, но и приобретает новые противоречивые черты. Армения, не выполняя договоренности Трёхстороннего заявления, договореностей 8 августа пытается подвергнуть их ревизии и выступает со всеми новыми предложениями, исключающими выполнение Заявления.

В начале 2024 года министр иностранных дел Армении Аракат Мирзоян заявлял о готовности Еревана к разблокировке коммуникаций без увязки этого процесса с подписанием мирного соглашения. Однако Азербайджан отреагировал на заявление резко негативно, подчеркнув, что Армения игнорирует обоснованные требования, включая необходимость

внесения изменений в её Конституцию, исключения из нее территориальных притязаний к Азербайджану, а также официальный отказ от «приказавшей долго жить» Минской группы ОБСЕ. Минская группа ликвидирована, но Конституция не изменена.

Точная оценка перспектив Армении в вопросе Зангезурского коридора была дана Ильхамом Алиевым на III Шушинском глобальном Медиа-форуме: «...к сожалению, на армянской стороне никакие работы за последние пять лет не велись, этот вопрос сознательно снимается с повестки дня. Но в таком случае шансы для Армении когда-либо стать транзитной страной приближаются к нулю. Если они будут и дальше блокировать этот процесс, я думаю, что они окажутся не только в транспортной изоляции, в которой они сегодня находятся, но и, в определенной степени, и в политической изоляции» [1]. Не ведутся работы и после договоренностей 8 августа 2025 года.

Контекст: поствоенное урегулирование и «Зангезурский коридор»

После окончания боевых действий осенью 2020 года Азербайджан возвратил контроль над значительной частью Восточного Зангезура и Карабаха. В подписанном Трёхстороннем соглашении особое внимание уделялось открытию коммуникаций:

«Республика Армения гарантирует безопасность транспортного сообщения между западными районами Азербайджанской Республики и Нахичеванской Автономной Республикой с целью организации беспрепятственного движения граждан, транспортных средств и грузов в обоих направлениях» [2, п. 9].

Речь идет о необходимости создания транспортного коридора через южные районы Армении (Западный Зангезур, который после передачи его советской властью Армении именуется Сюником). Баку активно требует реализации обязательства Армении по реализации концепции «Зангезурского коридора», то есть маршрута без вовлечённости армянской стороны в процесс контроля. Ереван же выступает против любого формата, который может быть расценён как экстерриториальный транзит, что противоречит взятым им обязательствам.

Сообщение между Нахчываном и остальной частью Азербайджана должно быть безопасным и

беспрепятственным. Это обязательство, взятое на себя Республикой Армения в Трехстороннем заявлении от 9/10 ноября 2020 года [2]. А это означает, что ни пограничному контролю, ни таможенным процедурам железнодорожное сообщение между Нахчываном и остальной частью Азербайджана не подлежит. **Речь идет о транзитном перемещении людей, транспортных средств и грузов между двумя частями Азербайджана без остановки на территории Республики Армения. Поэтому содержание перевозимого и личности перемещающихся лиц к Республике Армения никакого отношения не имеют.** Транспортные средства должны пересекать границу Армении без проверок и без остановок на транзитной армянской территории. Таможенным и пограничным процедурам подвержены будут те, кто следует в Армению и делает остановку на территории Армении. TRIPP (Маршрут Трампа ради международного мира и процветания) был закреплён в трёхсторонней декларации 8 августа 2025 года в Вашингтоне при участии Трампа, Пашиняна и Алиева. Этот ключевой элемент мирного урегулирования между Арменией и Азербайджаном представляет собой транспортно-инфраструктурный проект, предусматривающий создание транзитного коридора через южную часть Армении, который обеспечит беспрепятственное сообщение между основной территорией Азербайджана и его эксклавом — Нахичеванской Автономной Республикой, включая железные и автомобильные дороги, линии связи, энерго- и трубопроводы. Проект предусматривает также создание совместного армяно-американского предприятия для реализации инфраструктуры и, по оценкам западных источников, направлен на интеграцию транспортных сетей региона в более широкие евразийские логистические цепочки, одновременно усиливая экономическую взаимозависимость сторон и снижая историческое напряжение.

Позиция Армении: дипломатическое лавирование или армянская хитрость?

Выступая на различных дипломатических площадках в 2024–2025 годах, Араат Мирзоян и премьер-министр Никол Пашинян неоднократно озвучивали готовность Армении к открытию транспортных сообщений, включая железную дорогу по маршруту Мегри–Горадиз, а также автомагистраль, соединяющую Нахичевань с материковой частью Азербайджана. Однако обуславливая их условиями, не предусмотренными и противоречащими Трехстороннему заявлению.

Ключевые тезисы армянской позиции:

- Коммуникации должны функционировать под полным суверенитетом и юрисдикцией

Армении.

- Вся инфраструктура подлежит внутреннему таможенному и пограничному контролю.
- Мирное соглашение и открытие дорог — процессы параллельные, но не взаимозависимые.

Армянская сторона подчёркивает, что ключевым условием для открытия маршрутов является сохранение национального суверенитета и юрисдикции над транспортной инфраструктурой. Армения отвергает любые механизмы, которые могут быть восприняты как экстерриториальные коридоры, в том числе так называемый "Зангезурский коридор", на котором настаивает Азербайджан. В этом контексте Армения предлагает обсудить открытие маршрутов в формате, приемлемом для обеих сторон, без политической увязки с окончательным мирным соглашением.

Вся эта позиция противоречит п. 9 Трехстороннего заявления, обязательствам, которые Армения взяла на себя, подписавшись под ними, и договоренностям TRIPP.

Не способствуют продвижению процесса и заявления главы армянского МИД Араата Мирзояна [6; 8; 9].

Однако следует иметь ввиду, что в Конституции Армении 1995 года [5] с поправками 2005 года содержатся положения, касающиеся территориальных притязаний на территории Азербайджана, что Азербайджан считает недопустимым при подписании мирного соглашения. Пашинян в 2023 году уже заявлял о необходимости «адаптации конституционных норм к реалиям», периодически менял свою риторику, но конкретных действий не было [10].

Позиция Азербайджана: дипломатическое давление и «тест на искренность»

В Азербайджане расценивают поведение Армении как «двойную игру». Любимые выражения официальных лиц Армении: «Армения готова...» и «без предусловий». По мнению официального Баку:

- **Конституция Армении** всё ещё содержит элементы, оспаривающие территориальную целостность Азербайджана. В частности, говорится о «миссии армянского государства по объединению с Арцахом». 1 декабря 1989 года было принято совместное постановление Верховного Совета Армянской ССР и Национального Совета Нагорного Карабаха «О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха» [3], которое нарушило сразу три конституции в Советском Союзе – Конституцию СССР, Конституцию Азербайджанской ССР и Конституцию Армянской ССР. С момента принятия оно стало нелегитимным и юридически ничтожным. На его основе 23 августа 1990 года Верховный Совет Армянской ССР, «развивая демократические

традиции независимой Республики Армения, образованной 28 мая 1918 года», принял Декларацию о независимости Армении [4], которая и легла в основу Конституции Армении 1995 года. Кстати, в п.12 Декларации 1990 года содержатся территориальные претензии и к Турции [4].

- **Формула «Зангезурского коридора»** рассматривается как выполненное обязательство Армении. Азербайджан настаивает на том, чтобы данный транспортный коридор функционировал в режиме, аналогичном транзиту без внутреннего армянского контроля, что вызывает обеспокоенность Еревана. Следует обратить особое внимание на последний абзац пункта 9 Заявления, который гласит: «*По согласованию Сторон будет обеспечено строительство новых транспортных коммуникаций, связывающих Нахчыванскую Автономную Республику с западными районами Азербайджана*» [2]. Слова «согласование», «новых транспортных коммуникаций», по сути, означают, что дальнейшая реализация предшествующих положений пункта 9, открытие «Зангезурского коридора», после подписания Заявления не зависят от воли армянской стороны. Ее мнение, воля будут иметь значение уже только при строительстве новых транспортных коммуникаций.

По мнению азербайджанского руководства, не выполнение Арменией этих требований ставит под сомнение её готовность к подлинному миру.

Президент Ильхам Алиев напрямую увязал подписание мирного соглашения с отказом Армении от конституционных претензий: «*Мы не позволим Армении диктовать свои условия. Если они хотят мира — они должны изменить Конституцию и навсегда закрыть страницу сепаратизма*» [7].

Роль России, Запада и региональных держав

После начала военной операции России в Украине в 2022 году её влияние на Кавказе ослабло. А в свете визита Пашиняна в Турцию, встречи Ильхама Алиева и Никола Пашиняна в Абу-Даби практически утрачивается. Это позволило ЕС и США активизироваться как посредникам в переговорах:

- ЕС в лице Шарля Мишеля организовал несколько раундов переговоров между премьером Николом Пашиняном и президентом Ильхамом Алиевым в Брюсселе и Кишинёве (2022–2024), эффект которых был нивелирован президентом Франции Макроном
- США при администрации Джо Байдена курировали прямые встречи министров иностранных дел и выработку проекта мирного соглашения (в частности, в Вашингтоне и Женеве). Продемонстрировав предвзятую (в

пользу армянской стороны) позицию, утратили доверие и статус посредника. Однако, Вашингтонский саммит 8 августа 2025 года под эгидой Трампа ознаменовал собой начало новой геополитической реальности в Южном Кавказе, переформатировав баланс сил, интересов и влияния в регионе.

- Россия пытается сохранить влияние через миротворческий контингент в Карабахе (до осени 2023 года) и предложение собственного проекта соглашения в феврале 2024 года [11].

Турция выступает в тандеме с Азербайджаном, подчёркивая необходимость открытия коридора Азербайджана с Нахчываном и формируя альтернативный формат — платформу «3+3» (Армения, Азербайджан, Грузия + Россия, Иран, Турция), где Армения пока участвует ограниченно, а Грузия пока отказывается присоединяться.

В результате стороны предпочли вести переговоры на двусторонней основе без посредников.

Заключение

Ситуация вокруг открытия коммуникаций между Арменией и Азербайджаном отражает всю сложность и многослойность постсоветских конфликтов. За вопросами транспортной логистики скрываются вопросы исторической памяти, территориального суверенитета и геополитических приоритетов. Открытие дорог — это не только экономическая необходимость, но и символ политического сближения. Успех нормализации зависит только от политической воли внутри самих стран. Азербайджан демонстрирует свою волю. Без устранения глубоких противоречий в армянском обществе, покаяния Армении и формирования механизмов взаимного доверия открытие коммуникаций рискует остаться лишь дипломатической декларацией, не имеющей практического продолжения.

Библиография:

1. В Ханкенди состоялась встреча Президента Ильхама Алиева с участниками III Шушинского Глобального медиафорума. <https://news.day.az/officialchronicle/1768768.html>
2. Заявление Президента РФ, Премьер-министра Республики Армения и Президента Азербайджана, 9 ноября 2020 года. kremlin.ru
3. О воссоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха. Совместное постановление Верховного Совета Армянской ССР и Национального Совета Нагорного Карабаха от 1 декабря
4. Декларация о независимости Армении. Принята Верховным Советом Армянской ССР 23 августа 1990

- года
5. Конституции Армении 1995 года
6. МИД Армении. Комментарий А. Мирзояна. 4 апреля 2024 года. - mfa.am
7. Выступление Ильхама Алиева на форуме в Шуше. 15 мая 2024 года. - president.az
8. Iskandaryan, Alexander. *Post-War Armenia: Strategic Dilemmas and Political Change*. - Caucasus Institute Reports, 2023
9. De Waal, Thomas. *Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War*. NYU Press, updated edition 2021.
10. Karapetyan, Hayk. "Constitutional Dilemmas in Armenian-Azerbaijani Peace Process." *Journal of Caucasus Studies*, 2024, Vol. 12(1), pp. 55–72
11. Пресс-релиз МИД РФ о переговорах по мирному соглашению. 17 февраля 2024. - mid.ru

Namiq H. ALIYEV (Azerbaijan),

doctor of law, professor, Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador, State Counselor of the 2nd Class, Head of the department of International relations and foreign policy at the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan

OPENING OF COMMUNICATIONS BETWEEN ARMENIA AND AZERBAIJAN: PROGRESS, ILLUSION OR DEAD END?

Summary. The article examines one of the key post—conflict challenges in the South Caucasus region - the problem of opening transport links between Armenia and Azerbaijan after the Second Karabakh War. Based on the analysis of official statements, constitutional provisions, the position of international actors and the diplomatic dynamics of 2020-2025, the author explores various scenarios for the development of the situation and assesses the likelihood of a transition from a fragile truce to sustainable peace.

Намик Г. АЛИЕВ (Азербайджан),

доктор юридических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный посол, Государственный советник второго класса, руководитель кафедры «Международные отношения и внешняя политика» Академии Государственного Управления при Президенте Азербайджанской Республики

ОТКРЫТИЕ КОММУНИКАЦИЙ МЕЖДУ АРМЕНИЕЙ И АЗЕРБАЙДЖАНОМ: ПРОГРЕСС, ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ ТУПИК?

Резюме. В статье рассматривается один из ключевых постконфликтных вызовов в регионе Южного Кавказа — проблема открытия транспортных коммуникаций между Арменией и Азербайджаном после Второй карабахской войны. На основе анализа официальных заявлений, конституционных положений, позиции международных акторов и дипломатической динамики 2020–2025 гг., автор исследует различные сценарии развития ситуации и даёт оценку вероятности перехода от хрупкого перемирия к устойчивому миру.

Romella GULALIYEVA (Azerbaijan),

Associate professor of the Academy of Public
Administration under the President of the
Republic of Azerbaijan, doctor of philosophy in law

THE CONCEPTION AND SIGNIFICANCE OF INNOVATION POLICY IN CRIMINAL LAW

Thanks to the wise, effective, purposeful policy of the Azerbaijani leadership, headed by President I. Aliyev, the Azerbaijani people in a relatively short historical time managed to radically change the situation in the country, which most positively affected many aspects of the life of society and the state.

In addition to stabilizing the economic situation in the country, the Azerbaijani state managed to increase its international authority, strengthen state sovereignty by restoring territorial integrity and territorial integrity, as a result of liberation from the long-term occupation of its territories.

With regard to all areas of modern society without exception, the development and creation of an effective model of state structure is based on innovative processes. In the current situation, innovation and innovative activities are increasingly considered at the center of the development of a wide variety of social sciences, exploring the diverse aspects of society. In view of this, the study of the innovative activities of the state acquires particular importance and significance, which makes it possible to stimulate the processes of invention and implementation of progressive innovations in various areas of society's life.

Scientific and technological progress influences the system of activities of state bodies, makes it possible to single out the innovative function of the state as one of the main directions taking place in the modern period of the development of society of economic and political processes.

For the Republic of Azerbaijan, the creation and implementation of a system of practical proposals for determining the means and methods of innovative development in regulatory legal acts is of great importance at the present stage of development. These approaches make it possible to lead to a completely new qualitative level of development of the function of intensifying advanced activities in Azerbaijani society, to improve the main directions of Azerbaijan's development on an innovative basis and its becoming one of the most developed world powers.

The theoretical basis of research work is the work of mainly foreign authors devoted to the study of the problem under consideration. Despite the fact that this topic in Azerbaijani criminal law science was not subjected to special consideration, nevertheless, some of its aspects were reflected in the works of prominent Azerbaijani scientists.

The scientific novelty of the planned work

consists in the development and argumentation of the author's opinion regarding the innovative activities of the state in the field of criminal law as an important means of state regulation of public life, as well as the development of proposals and practical recommendations for improving the mechanism for its implementation in modern conditions of the Republic of Azerbaijan. As a result of the study, the author formulated and argued the author's definition of criminal law ways to ensure the innovative development of the Republic of Azerbaijan.

Since in any society there are two heterogeneous tendencies: the first - to keep the social and political system unchanged and the second - to constant change and improvement, development and improvement are inherent in the right. [5, p. 181]. The use of structural elements of the legal system of one state by another state helps different states to obtain high results in various fields of activity. However, the distinction between the mentality of people and a legal organization created mechanically can grow, and with an insufficient level of legal culture, it turns out to be the basis for legal regression. This phenomenon is also typical of the state of law of various modern states. There is a growing discrepancy between the various rules of conduct (corporate norms, religion, custom, morality) and the law itself - that is, the rules of conduct guaranteed by the state are generally binding and formally defined.

Due to the disappearance of public opinion condemning the negative trends and phenomena that have arisen in everyday life and activity, the inability of religion to restore positive social relations and influence the restoration of positive traditions in society, the only way to regulate social relations and social regulation remains the right.

The law of different states, each legal system located at a certain level, once has a different method, composition, and scope of renewal not only for its development, but also for social progress in general.

It should be borne in mind that each society has its own path of development, depending on the inherent properties of solving the problems of the ratio of traditions and innovations in society, the peculiarities of transforming life rules in accordance with new conditions.

It can be assumed that from the perspective of updating the law, we are currently in a state of separate legal innovations designed to improve the existing and used elements of the legal system.

Often, various types of borrowing are used to update and improve the legal system and update legal norms. Along with this, innovation is currently needed to improve the effectiveness of the law as a form of its renewal.

The term "innovation," which is translated from English into Russian as "innovation," "innovation" has a fairly significant number of semantic concepts. For the first time, the term innovation itself began to be used in the theoretical works of scientists in the 19th century. At the same time, it seems very strange that this term was initially interpreted by Western cultural scholars, as well as in some Asian and African countries, as cases of the application of some elements of culture of one country in another.

Innovative problems in studies of the socio-humanitarian direction found their application in the scientific works of the French sociologist and lawyer Gabriel Tard, namely in the work: "Social Logic," published in 1901 and a study entitled "Social Laws. Personal creativity among the laws of nature and society," published in 1906. Without directly applying the term innovation, Tard investigated the logic of social development and discovered a system of main features that make up the essence of the concept of innovation: the importance of recognizing it as a social consciousness; the dual nature of the manifestation of innovation (internal, or caused by the need of the individual; external, caused by the need for social development), continuity, important socio-progressive significance; purposefulness.

Currently, the problem of innovation is being investigated in various spheres of society's life - education, politics, law, economics and others. Innovation can be expressed not only in the technical "shell," but also in other forms, in particular in the form of an idea, which can practically be confirmed by individual examples, so in particular. Practically innovation in the form of an idea, with its mandatory implementation, is clearly represented by individual examples. So, in particular, the innovative idea of a "social state," which appeared at the end of the 19th century in the works of German economists and statesmen A. Wagner, L. Stein and others, was subsequently constitutionally enshrined in countries such as Japan, Sweden, Italy, Germany, and in the modern period of development manifests itself as a socially oriented variety of the state with the affirmation of the principle of social justice, a highly developed level of social protection of citizens, the presence of a multi-layered economy, the achievement of a high level of social protection of the population.

From a different position, the innovative idea of transforming Marxism in the Chinese state, the desire to combine Marxist ideas with the theory of Confucianism, an appeal to the ideas of social harmony of the state, society,

family, as well as ethical principles, is of interest. The result of the innovative search carried out in the modern period in China was its significant economic development, improving the living standards of the population, increasing the role of China in the modern international economy and politics.

Historical development itself will demonstrate whether the implementation of the innovative idea of creating socialism with Chinese characteristics, manifested in an attempt to combine social justice with a market economy, will become utopian and predictive.

In theoretical literature, legal innovation is defined as an innovation introduced into the legal system that improves the quality of its constituent components and elements with the intention of making the existing law more harmonious. Unlike other related categories and concepts, in particular "invention," "improvement," "discovery," "innovation" and others, the peculiarity of innovations is that they make it possible not only to create, but also to obtain additional value by introducing into the social environment.

Distinctive features that make it possible to distinguish legal innovation from other, similar phenomena and concepts are recognized: 1. Introducing a new one into the legal system, into the legal environment; 2. Existence of appropriate innovation cycles or stages; 3. Final innovation result directly linked to the implementation. Implementation is the main distinguishing feature of innovation from other seemingly similar concepts and, in particular, to such a concept as "innovation."

Implementation is the practical implementation of the results obtained during any experiments or research. The following factors can be recognized as conditions for the successful implementation of innovation in practice: 1) the creation of pre-prepared suitable social foundations; 2) preparation of necessary demonstration support; 3) effective application of examples of successful use of the innovation, taking into account the intellectual abilities of future users.

By determining the level of activity and sustainability of innovators, the amount of resources and other features at the last stage is revealed whether the innovation will be local or conceptual. The Local innovation is a fundamental update that significantly complicates the system. Local innovation is a system with limited application that does not change the parameters of the established order in it. Local or conceptual innovation, being implemented gradually becomes a working tradition. After implementing innovation in the corresponding transformations, it is gradually formalized in certain functions, structures, norms and rules of the system. The state of diffusion of innovation within the social system is referred to as diffusion of innovation. Diffusion of innovation can be defined as a theory trying to figure out how fast, how and why new ideas and technologies spread

through different cultures. It has been established that one of the patterns of diffusion of innovations is the tendency to compact and accelerate the time of its implementation. So, if earlier, in ancient historical times, the activity of introducing any innovation dragged on for several centuries, then historical development led to the end of the 20th century to the disappearance of information obstacles, the development of communication means, which allowed a sharp increase in diffusion processes.

The reason for the emergence and existence of innovations is the need to adapt society and the constantly changing conditions of its development as a result of the emergence of new products, technologies and means of production (socialization mechanisms, communications, symbols, knowledge, things, etc.).

The unacceptable state of awareness of the phenomenon of innovation in law is largely due to the fact that scientists who study innovation in law often use the same terms that are adjacent in nature and nature in completely different ways. Despite the presence of a significant number of literary sources devoted to the study of innovation, it is not possible to find its conceptual study in the legal environment (normative acts, subjective rights, law and order, legality, legal awareness, legal relations, law), both at the theoretical and methodological levels.

At the same time, in the current period of state development and law, the discovery of new definitions of the meaning of innovation in law is becoming increasingly important.

In particular, E. Blankenburg, being a professor at the Free University in Amsterdam, characterizes legal innovation with the structural properties of the legal profession in different states. Paying attention to the fact that legal innovation appears outside the legal system, he connects the properties of codified and case law with various possibilities of legal innovation.

The profession of energetic lawyers inherent in the legal culture, firstly, is very sensitive to needs and problems that can be satisfied by legal means; secondly, it provides services that ensure the enjoyment of people's right; thirdly, it assists in the practical change of legislation. Being very inventive, lawyers, however, do not have the necessary capabilities to diffuse their inventions. This problem can only be solved by codified law as a result of the formulation of the relevant norms. It is in this case that innovation has much greater opportunities to become effective.

Some examples of practical legal innovation have taken place in the legal system of the past, in particular expressed in the following:... " This was not the abolition of the old act and the creation of a completely new, abstractly invented, but the gradual extinction of the ancient source, the layering of the modern interpretation on it, the

preservation of the old (usually ordinary) legal soil, due to which the reception of the content of existing monuments, both local and foreign, becomes the leading method of lawmaking ".

In the process of change, depending on the stage of its development, the right goes through several stages associated with a different number of borrowings from other legal systems or its own legal system, which operated at different stages of the existence of the state and law.

Innovation is required to systematize and harmonize domestic law after significant changes in the law have been made, which have found expression either in the full reception or the reception of certain institutions or some branches of law.

First of all, the effectiveness of innovation is determined by the rudeness of the changes made. Apparently, innovation should be considered only an increase in the number of legal norms, the discovery of alternative sources of law should be recognized as a kind of "truncated" form within the scope of a change in law. The implementation of legal innovations may well be carried out in law enforcement, legal culture, legal ideology. Therefore, legal innovation should be regarded as one of the ways to increase the effectiveness of legal regulation. It should be taken into account that, on the one hand, law cannot lag behind the regulation of ever-growing and re-emerging, as well as changing human rights and interests, and on the other hand, it is necessary to concentrate and develop national values and spiritual achievements, or, in other words, to carry out one of the main social tasks - cultural and historical. An innovation introduced into the law should not in all cases be regarded as a legal innovation that can significantly change and improve the quality of the current law. Only then will an innovation in law work effectively if a legal system is implemented and operates effectively, in which only to a small extent, in rare cases, there are errors, legal gaps, contradictions, repetitions and other shortcomings. In our opinion, in order to achieve this goal, any innovation manifested in objective law, to consolidate as a rule of law, it is imperative to go through the law-making stage.

Thus, summing up, we can define innovation as the basis for the strategy of the existence and development of the Republic of Azerbaijan in the scientific and economic directions. The innovation sphere serves as the basis for the further development of not only Azerbaijani, but also other countries of the world, which is confirmed by the order of the President of the Republic of Azerbaijan on ensuring coordination in the field of innovative development of the Republic of Azerbaijan.

Criminal policy is one of the main elements of state legal policy, the effectiveness of which is increased as a result of criminal procedure and penal law closely related

to criminal law and interacting with it, as well as the use of the results of law enforcement activities.

Examining the existing provision of criminal law, it can be concluded that, in general, its progressive movement has been achieved. The Criminal Code of Azerbaijan adopted and currently in force is a completely effective means of protecting the interests of the state and society, criminal law protection of human and civil rights and freedoms in the fight against crime.

As before, the subsequent improvement of criminal law should be carried out, taking into account the so-called two-vector criminal policy. The first vector in the form of humanization should be carried out mainly in relation to persons who have committed crimes for the first time that do not pose a great public danger, as well as groups of offenders recognized as socially vulnerable part of the population, which include minors, elderly people, single and pregnant women, persons who have dependent family members and minor children. At the same time, one should take into account the second vector of the development of criminal policy, which includes the conduct of a harsh criminal policy in the presence of a relapse of crimes, as well as persons hiding from criminal liability and punishment or found guilty of committing grave and especially grave crimes.

Speaking about the concept of criminal law policy, it should be borne in mind that it is a subsystem that is an integral part of the state policy in general and the policy of combating crime (criminal policy), in particular. The concept of "politics" that arose initially did not need to be indicated on its state character. Even ancient Greek philosophers believed that politics is the art and skill (science) of public administration. The main goal of state policy, as they believed, should be recognized as the education of members of society of high moral qualities, a sense of justice, as well as the achievement of the common good.

Criminal policy is a policy of combating crime, aimed at combating the negative social phenomenon of the state's activity, using measures of various types - technical, organizational, educational, moral, economic, legal and other. The core, concentrated expression of criminal policy in general, is criminal law policy, the main purpose of which is to ensure humanism and justice in deciding on the definition of criminal and punishable in criminal law.

Thus, one should not set before the criminal law policy the tasks of solving various social and legal problems that are not characteristic of it. At the same time, in the activities of the criminal law policy of various states, there is a lot of evidence of violation of this rule. The main reason for this situation is that the practice of creating and implementing criminal law policies is essentially carried out by social groups that dominate in this society. It should also

be noted that the historical blanket nature of the prescriptions specified in the criminal law norms causes difficulties in achieving the main task of the criminal law policy. If the state and society need to exclude, replace or consolidate in any legal acts the provisions that form the blanket content of criminal law norms, it must exclude these types of activities from the criminal law norm, thus changing its content without making any changes to this article.

Thus, criminal law policy should be defined as state activity consisting in the necessary, appropriate design in criminal legislation and other regulatory legal acts or the removal from these acts, instructions describing socially dangerous acts as crimes, the use or other measures of a criminal nature for their commission, as well as the final result of this activity.

As follows from our research in the existing conditions in the field of innovation, the need is the adoption of a law on the development of innovation in the Republic of Azerbaijan.

Bibliography:

1. Сахаров А.Б. "Уголовно-правовые риски цифровой трансформации." *Криминологический журнал*, 2022, № 1. с. 33–49.
2. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровой реальности: новые задачи и вызовы. - Москва: Норма, 2020.
3. Черникова Т.В. Инновационная политика государства: теоретические аспекты. Москва: Экономика, 2018.
4. Южанин В.М. "Цифровизация уголовного судопроизводства: правовые и этические проблемы." *Журнал российского права*, 2021, № 3. с. 54–69.
5. Ashworth A., Zedner L. Preventive Justice. - Oxford: Oxford University Press, 2014.
6. Garland D. The Culture of Control: Crime and Social Order in Contemporary Society. - Oxford: Oxford University Press, 2002.
7. McGuire M. Technology, Crime and Justice: The Question of Digital Innovation. - London: Routledge, 2019.
8. Robinson P. Criminal Law: Case Studies and Controversies. - New York: Wolters Kluwer, 2020.
9. Tonry M. Penal Reform and Criminal Justice Innovation in the 21st Century. - Oxford: Oxford University Press, 2021.
10. Zavrnik A. (Ed.). Big Data, Crime and Social Control. - London: Routledge, 2018.

Romella GULALIYEVA (Azerbaijan),
Doctor of philosophy in law, associate professor of the
Academy of Public Administration under the
President of the Republic of Azerbaijan,

THE CONCEPTION AND SIGNIFICANCE OF INNOVATION POLICY IN CRIMINAL LAW

Summary. The article explores the conceptual foundations and practical significance of innovation policy in criminal law, emphasizing its role in modernizing legal systems and enhancing their capacity to respond to new forms of criminality. It examines innovation policy as a multidimensional phenomenon that integrates legislative reform, technological advancement, criminological forecasting, and institutional transformation. Particular attention is given to how innovative approaches—such as digitalization of criminal justice, data-driven risk assessment, and the use of artificial intelligence—reshape traditional doctrines of criminal responsibility, evidentiary standards, and preventive mechanisms. The study argues that innovation policy serves as both a theoretical framework and a practical instrument for ensuring the adaptability, efficiency, and legitimacy of criminal law in conditions of rapid social and technological change. Ultimately, the article demonstrates that a coherent innovation policy is indispensable for maintaining the balance between public security, individual rights, and the evolving challenges of contemporary crime.

Ромелла ГЮЛЬАЛИЕВА (Азербайджан),
доктор философии по праву,
доцент Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

КОНЦЕПЦИЯ И ЗНАЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Резюме. В статье рассматриваются концептуальные основы и практическое значение инновационной политики в уголовном праве, подчеркивается её роль в модернизации правовых систем и повышении их способности реагировать на новые формы преступности. Инновационная политика раскрывается как многомерное явление, включающее законодательные реформы, технологические изменения, криминологическое прогнозирование и институциональную трансформацию. Особое внимание уделяется тому, каким образом внедрение инноваций — цифровизация уголовного судопроизводства, аналитические методы оценки рисков, использование искусственного интеллекта — влияет на традиционные доктрины уголовной ответственности, стандарты доказывания и механизмы предупреждения преступности. В работе обосновывается, что инновационная политика выступает одновременно теоретической моделью и практическим инструментом, обеспечивающим адаптивность, эффективность и легитимность уголовного права в условиях стремительных социальных и технологических изменений. В заключение показывается, что последовательная инновационная политика становится ключевым условием поддержания баланса между общественной безопасностью, правами личности и новыми вызовами современной преступности.

Ульвия АЛИЗАДЕ (Азербайджан),
магистрант Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики,
консультант юридического отдела
Исполнительной власти Наримановского района

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В современную эпоху процесс демократизации обусловлен не только экономическим развитием, но и укреплением социально-политической стабильности, верховенства закона, законности в обществе, формированием надежных механизмов обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Многогранные политico-правовые реформы, реализованные в Азербайджанской Республике за годы независимости, ориентированные на человеческий и личностный фактор, нацеленные на надежное обеспечение законных интересов каждой личности, являются ярким проявлением чуткого отношения к демократическим ценностям в стране. В истории человечества существовали нормативные документы, оказавшие влияние на политическую систему общества и его прогрессивное развитие, сыгравшие непревзойденную роль в обеспечении прав человека и гражданина, стабильном функционировании институтов государственной власти. Среди этих правовых документов важнейшим является Конституция, которая считается основным законом государства. Конституция — политico-правовой документ, регулирующий суверенитет, являющийся проявлением верховной власти народа, государственное устройство, основы правового статуса личности, систему государственной власти и местного самоуправления. Понятие конституция в переводе с латыни означает «учреждение», «структура» [1]. Речь идет о создании государства, его высших органов власти и основ государственного устройства.

Конституция исторически являлась высшим документом, определяющим пути устойчивого развития каждого народа, раскрывающим сущность политического строя государства, определяющим отношение к правам и свободам человека, процессам демократизации, играющим значительную роль в развитии национального законодательства. Конституция независимой Азербайджанской Республики, подготовленная под руководством общенационального лидера Гейдара Алиева 12 ноября 1995 года и принятая всенародным голосованием — референдумом, воплощает в себе стремление народа жить в цивилизованном и правовом государстве,

основанном на международных правовых нормах и демократических принципах, которые мировое сообщество считает высшей ценностью. [2] В преамбуле Конституции декларируется, что защита независимости и суверенитета государства, обеспечение правового и демократического строя, построение правового государства, обеспечение защиты прав человека и построение гражданского общества являются важными задачами.

В основе Конституции лежат прогрессивные идеи, позволяющие создать правовое государство и гражданское общество, такие как признание народа единственным источником власти, защита целостности страны, строгое соблюдение принципа разделения властей, провозглашение прав и свобод человека высшей целью государства, приоритет международного права над национальным законодательством. Условием, обуславливающим неизбежность демократического развития Азербайджана в Основном законе, является недвусмысленное определение того, что верховная власть принадлежит народу.

2025 год объявлен в Азербайджанской Республике «Годом Конституции и суверенитета». Данное решение принято Указом Президента Ильхама Алиева от 28 декабря 2024 года. Целью указа является празднование двух событий, имеющих большое значение в истории азербайджанской государственности:

1. 30-летие принятия Конституции Азербайджанской Республики (1995–2025).
2. Восстановление полного суверенитета Азербайджана, то есть полного суверенитета над Карабахом в сентябре 2023 года и ликвидация незаконных вооруженных формирований на территории страны. Наряду с этим Распоряжением 11 февраля 2025 года Президент утвердил «План мероприятий по объявлению 2025 года «Годом Конституции и суверенитета» в Азербайджанской Республике». Этот план состоит из 18 ключевых мер и охватывает масштабные мероприятия в различных регионах страны. Целью данного плана действий является укрепление традиций государственности Азербайджана, развитие его правовой и политической системы,

обеспечение прав и свобод граждан, укрепление позиций страны в международном сообществе.

Провозглашение в нашей стране «Года Конституции и суверенитета» является событием огромной важности в развитии современной азербайджанской государственности. Это решение имеет особое значение с точки зрения укрепления ценностей правовой государственности и суверенитета. Указ отражает как историчность, так и стратегические подходы, ориентированные на будущее.

В связи с темпами развития общественных отношений и динамичным прогрессом общества модернизация важных законодательных актов, составляющих основу системы государственного управления, как правило, выступает на повестку дня как общественная потребность. Поскольку конституция является фундаментальной основой правовой системы каждого государства, она должна отражать особенности развития страны и привлекать внимание установлением современности, демократии и надежных механизмов обеспечения прав и свобод человека и гражданина. Важно, чтобы Конституция соответствовала духу времени, воле общества и адекватно отвечала прогрессивным нововведениям. Короче говоря, если изменения Основного закона обусловлены исторической необходимостью и общественным спросом и приводят к успешным результатам, то отказываться от реформ, основываясь исключительно на идее его стабильности и неизменности, не следует.

Указ Президента Азербайджанской Республики, общенационального лидера Гейдара Алиева «О создании Комиссии по правовой реформе» (1996) и Указ «О создании Государственной комиссии по реформам в системе государственного управления» (1998) ускорили процесс создания системы управления, в том числе государственной службы, отвечающей международным стандартам. На состоявшейся в Баку Международной конференции, посвященной ходу реформ в системе государственного управления (16-18 марта 1999 года), Гейдар Алиев назвал реформы в системе государственного управления одной из основных задач, стоящих перед Азербайджаном в 1999 году и в последующий период. В своем выступлении на этой конференции он сказал: «Во всей нашей работе в Азербайджане мы используем мировой опыт, опыт, накопленный при проведении реформ в разных странах. Мы стараемся применять положительный опыт в соответствии со спецификой нашей страны»[3].

К обстоятельствам, характеризующим актуальность конституционных реформ, можно отнести также: необходимость совершенствования законодательной базы страны; Подготовка конкретной модели для непрерывного и постоянного развития

конституционных реформ в Азербайджанской Республике; всестороннее изучение опыта развитых стран мира и его творческое применение с учетом особенностей Азербайджана; Важность совершенствования законодательства, регулирующего общественные взаимоотношения государства и граждан, на основе конституционных принципов, как основного закона современного государства. Таким образом, проводимые реформы в сфере конституционного строительства и возрастающее значение института конституционного строительства обуславливают необходимость всестороннего изучения этой проблемы в ее теоретическом и практическом аспектах, обуславливают особую актуальность и исключительную важность этих реформ.

Как бы ни была важна Конституция для жизни страны и общества, развитие общества и человеческой мысли, становление новых общественно-политических отношений обуславливают необходимость проведения реформ и в этом документе. Реализация подобных реформ в Конституции Азербайджана также связана с динамикой развития в социальной, политической, экономической и других сферах. Социально-экономическое развитие Азербайджана, масштабы политической модернизации, успехи, достигнутые в области демократического развития, сделали дальнейшее совершенствование ряда положений Конституции исторической необходимостью.

Вместе с тем принятие Конституции является не только фактом, подтверждающим юридическое признание нового общественного строя, но и показателем того, что развитие нашей страны вступило в принципиально новый этап. Этот этап характеризуется, прежде всего, тем, что в центре политической системы находятся права и свободы человека и гражданина, а также идеи демократического и правового государства.

Конец XX века стал судьбоносным периодом в жизни азербайджанского народа. Конец XX века по сложности происходящих событий в мировой политической истории, по разрушению государств с одним устройством и возникновению других нельзя сравнить ни с каким другим периодом. Азербайджан на протяжении всей истории находился в центре внимания благодаря своему географическому положению, богатой природе и миссии цивилизации, основанной на общем синтезе Востока и Запада.

Чтобы оценить общественно-политическую ситуацию в Азербайджане того времени, достаточно для начала вспомнить, насколько мощной была направлена волна перемен и революций, существовавшая в то время, когда менялась мировая

история. Крайний рост напряженности внешних и внутренних политических сил, сложность вопросов повестки дня, крайняя активизация антиазербайджанских сил исчерпали возможности для совершения ошибок.

Вызовы, с которыми столкнулась цивилизация в конце века, были «новыми» проблемами практически для всех стран мира как по своему историческому масштабу, так и по сложности. Их главной особенностью было отсутствие универсального международного опыта, который можно было бы применить в этой области. Опыт других стран, столкнувшихся с политическими, культурными и историческими особенностями конкретных мест, породил целый спектр новых проблем.

В истории государственности азербайджанского народа было много сложных этапов. На протяжении всей истории, несмотря на все трудности, никакая сила не могла разрушить мечты и традиции нашего народа о государственности, и каждый раз, в соответствии с историческими обстоятельствами, попытки создания национальной, независимой республики поднимались вновь, как неудержаный поток.

Именно в таких условиях обострилась борьба за основы государственной независимости в Азербайджане. В эти годы наш народ оказался в эпицентре необычайных мировых исторических процессов. Государственная структура исчезла, на ее месте возникло новое национальное государство, и политическая карта мира радикально изменилась. На этой политической карте страна под названием Азербайджан, влияние которой признано во всем мире, восстановила свою независимость.

Известно, что политическая ситуация, сложившаяся в Азербайджане и вокруг него в начале 1990-х годов, была обусловлена личными качествами людей, находившихся у власти в то время. Внутренние конфликты, армянская агрессия и осложнения, вызванные политикой правителей страны, создали большие трудности и поставили под вопрос судьбу независимости государства. Одной из самых больших проблем стала некомпетентность лидеров республики, которые стали орудием в руках жадных до власти сил.

В трудные 1990-е годы Азербайджан столкнулся с большими трудностями и угрозой распада. После обретения независимости во второй раз в XX веке демократизация в Азербайджане стала стратегическим приоритетом государственной политики как важный фактор национального развития. Первая Конституция независимой Азербайджанской Республики, принятая в 1995 году, создала прочную основу для формирования и развития прав человека,

плурализма идей, свободы слова и информации, институтов гражданского общества.

Именно последовательная реализация национальных интересов в реальной политике в рамках советской эпохи подготовила почву для расширения национального движения в стране в конце 1980-х годов и создала основу для обретения государственной независимости в 1991 году.

Как известно, в конце 1960-х годов в социально-экономической и общественно-политической жизни Азербайджана, одной из административно-территориальных единиц бывшего СССР, наметились тревожные тенденции полного упадка. На фоне замечательного непрерывного развития других союзных республик, входивших в состав Советского Союза, в Азербайджане наблюдался регресс во всех сферах общественной жизни, все глубже укоренялись негативные тенденции и проявления, закулисная борьба за власть достигала крайней степени и принимала уродливые формы, ослабление экономического потенциала республики принимало опасные масштабы, что было не меньшим ущербом, чем нанесенный национальному и духовному единству народа.

Кризис в общественно-политической жизни Азербайджана также оказал негативное влияние на морально-психологическое состояние народа, в руководстве республики возобладали космополитические настроения. Никаких серьезных шагов по подготовке национальных кадров, продуманному развитию государственного языка и расширению сферы его применения, увеличению доли национальных кадров в государственных органах не предпринималось. Политическая аморфность, косность мышления и государственного управления были серьезными препятствиями для подготовки кадров с чувством национальной идентичности, национальным мышлением и менталитетом.

До 14 июля 1969 года, когда к власти в Азербайджане пришел Гейдар Алиев, наша страна и народ находились в этой тяжелой ситуации.

Решив в первые же годы своего правления насущные социально-экономические вопросы, Гейдар Алиев начал осуществлять последовательные меры, направленные на формирование сбалансированной национальной экономики, отвечающей интересам республики, с целью устранения последствий политики руководства СССР по сохранению Азербайджана в первую очередь в качестве сырьевой приставки. С этой целью основное внимание уделялось созданию в Азербайджане машиностроительных предприятий и других промышленных объектов по производству продукции из имеющегося в изобилии местного сырья. Все это были успешные шаги, направленные на

превращение Азербайджана из страны-поставщика сырья в республику, производящую и экспортирующую готовую продукцию на основе современных технологий.

Быстрый экономический рост создал основу для решения многочисленных проблем, накопившихся за предыдущие десятилетия. В целом, одной из характерных черт модели развития республики в 1970–1980-е годы было комплексное развитие отдельных сфер жизни, обеспечение гармоничного поступательного движения. Красногольным камнем новой концепции социально-экономического развития стала предпосылка о том, что любой экономический рост всегда должен быть подчинен целям удовлетворения социально-экономических потребностей людей и улучшения их жизни. Неслучайно быстрый экономический рост в краткосрочной перспективе в 1970–1980-х годах также дал толчок развитию социальной сферы, что привело к кардинальным изменениям в уровне и образе жизни.

Этот период нашей национальной истории стал основой для решительного эгистического подхода к построению национальной государственности, который был необходим в то время.

Десятилетие, охватившее 1990-е годы, было сопряжено с широким спектром угроз и опасностей. Давление на молодую республику было непреодолимым. Политическое влияние Гейдара Алиева и принятые им своевременные решения свели к минимуму опасность превращения Азербайджана в безликое государство. За эти десять лет Азербайджан прошел путь становления государственности, демократического перехода и солидарности, широкомасштабных экономических реформ, гуманизации политической системы страны и общественных отношений.

В годы, когда отношение к родному языку было крайне политизировано и часто становилось основой для необоснованных политических обвинений, Гейдар Алиев не ограничивался деятельностью, направленной на возвышение азербайджанского языка с уровня бытового и литературного до уровня государственного, но и личным примером повышал престиж нашего родного языка, создавая стимул для его научного изучения и широкого распространения. Так, по его инициативе группа лингвистов республики была удостоена Государственной премии за исследования в области азербайджанского языка, а также в республике был создан первый самостоятельный Институт языкоизнания. Именно благодаря принципиальности и решительности Гейдара Алиева в вопросе родного языка, в результате его активной деятельности в принятую в 1978 году Конституцию Азербайджанской

Республики была включена знаменитая статья 73, в которой говорилось, что азербайджанский язык является государственным языком Азербайджанской Республики. В то время Азербайджан был одной из трех бывших советских республик и единственной мусульманской республикой, предоставившей национальному языку статус государственного на конституционном уровне.

Однажды он сказал: «Я выражаю свое уважение и восхищение каждым языком. Но я считаю, что каждый из нас может гордиться своим собственным языком — азербайджанским языком. Потому что это богатый язык, это уже язык, известный в мире. Имя нашего народа также известно, имя нашей республики также известно, и имя нашего языка также известно. Это реальность».

Здесь уместно напомнить, что в 1992 году в Азербайджане было принято решение об изменении названия азербайджанского языка, что нарушило ряд конституционных и правовых норм. Это свидетельствовало об ограниченности мышления авторов данной инициативы, об их безответственности и непонимании политических последствий этого шага.

Правовая природа Конституции 1995 года.

Первая демократическая Конституция Азербайджанской Республики была принята впервые путем всенародного голосования (референдума) и состоит из преамбулы, декларирующей цели и принципы принятия Конституции в соответствии с мировым конституционным институтом, 5 разделов, 12 глав, 158 статей и переходных положений, которые выполняют функцию уравновешивания прежних отношений созидающими новыми общественными отношениями при их вступлении в силу.

Конституция Азербайджанской Республики охватывает не только организацию государства, но и негосударственные сферы — основы социально-экономического строя, культурную жизнь общества, права, свободы и обязанности человека и гражданина. Его регулирующая роль распространяется на весь государственный орган. Таким образом, Конституция Азербайджанской Республики устанавливает основы ее конституционного строя, правовое положение человека и гражданина, основные черты гражданского общества, унитарное государственное устройство, принципы организации и деятельности законодательной, исполнительной и судебной властей в Азербайджанской Республике, основы местного самоуправления.

Согласно

Конституции Азербайджанской Республики, Азербайджанское государство является демократической, правовой, светской, унитарной республикой.

Демократическим государством называется государство, устройство и деятельность которого отвечают воле народа, общепризнанным правам и свободам человека и гражданина. К основным принципам демократии относятся следующие:

- Признание народной власти и народного суверенитета. Согласно этому принципу источником власти является народ. Народ как носитель национального суверенитета сам решает судьбу своего государства. Единственным источником государственной власти в Азербайджанской Республике является азербайджанский народ.

- Основные государственные органы должны быть выборными. Главные органы государства (законодательные, исполнительные) избираются народом, а все остальные органы, не получившие мандата от народа (назначаемые), находятся под контролем выборных органов.

- Равенство прав граждан в государственном управлении. Все граждане имеют равные права в управлении государством. Согласно Конституции, граждане Азербайджанской Республики имеют право участвовать в управлении государством и могут осуществлять это право непосредственно или через своих представителей.

- Принятие решений большинством и уважение прав меньшинства. Большинство охватывает широкий круг людей: от широких масс, участвующих в референдуме, до тех, кто ограничен законодательным органом. Решения должны приниматься непосредственно по воле большинства и должны выражать мнение и волю народа. При этом необходимо уважать права меньшинства и создавать условия для того, чтобы оно могло заявлять и разъяснять свою позицию на всех этапах принятия решений.

Государство, которое в своей деятельности руководствуется законом и считает обеспечение прав и свобод человека своей главной целью, считается правовым государством. Можно выделить следующие характеристики правового государства:

- Признание врожденного и неотчуждаемого характера прав и свобод человека. Конституция Азербайджанской Республики устанавливает, что каждый с момента рождения обладает неприкосновенными, неприкосновенными и неотчуждаемыми правами и свободами.

- Верховенство закона, или правовое правило. Основной правовой закон Азербайджанской Республики — Конституция — имеет высшую юридическую силу.

- Обеспечение личных прав. В Азербайджанской Республике гарантируется защита прав каждого человека.

- Наличие демократической конституции. Конституция Азербайджанской Республики основана на демократических принципах.

- Разделение властей. Государственная власть в Азербайджанской Республике организуется на основе принципа разделения властей.

- Признание народа источником власти. Конституция Азербайджанской Республики также устанавливает, что единственным источником государственной власти в Азербайджанской Республике является азербайджанский народ.

- Наличие независимой судебной системы. В соответствии с принципом разделения властей в Азербайджанской Республике судебная власть независима.

Секуляризм также является одним из основных элементов, характеризующих государство. В настоящее время светскость является одной из основных характеристик демократического государства. Секуляризм относится к отношениям между религией и государством. [4] Светское государство не имеет официально признанной религиозной идеологии. Религиозные деятели могут избираться в государственные органы только как рядовые граждане, а не как представители религиозных конфессий. Государство подходит ко всем религиям с одинаковыми критериями и создает для них одинаковые условия. Согласно Конституции Азербайджанской Республики, в Азербайджанской Республике религия отделена от государства и все религиозные убеждения равны перед законом. Однако могут быть введены определенные ограничения. Запрещается распространение и пропаганда религий, унижающих человеческое достоинство или противоречащих принципам гуманности. Государственная система образования отделена от религии и носит светский характер.

Сущность преамбулы Конституции Азербайджанской Республики и ее значение по отношению к другим нормам Конституции. Преамбула — французское слово «preambule», означающее «предисловие». Конституция начинается с преамбулы, то есть вводной части. Преамбула к конституции не устанавливает правовых норм, но в ней излагается цель принятия конституции и ряд важных намерений. Положения Преамбулы имеют важное политическое и идеологическое значение и служат руководством для понимания и правильного применения основных положений Конституции.

Разработка государствами новой конституции, ее совершенствование и приспособление к требованиям развивающихся общественных отношений является одной из актуальных проблем

развития демократии, укрепления законности и общественного порядка. Конституция воплощает в себе научные основы политической науки, влияющей на все сферы общественной жизни. Конституция определяет правовую природу государства, формы правления и государственного устройства, обеспечивает организационное единство государства, его регионов и самоуправляющихся территорий, регулирует взаимоотношения личности, общества и государства. Если новая социальная структура формируется посредством конституции, то существующая структура модернируется посредством конституционных реформ.

Конституционные реформы, начатые в Азербайджанской Республике в 1991 году, охватывают все основные сферы общественно-политической жизни. Суть этих изменений заключается в создании правовой модели модернизированного общества в суверенном государстве. Масштаб конституционных реформ измеряется путем, который выбирают эти государства для формирования рыночной экономики, и тем значением, которое они придают ценностям гражданского общества. Социальные процессы, связанные с укреплением государственного суверенитета в молодых суверенных государствах в ходе конституционных реформ и совершенствованием политической и государственной организации общества в период перехода к рыночной экономике; повышение эффективности правового регулирования общественных отношений; Отражены такие социальные изменения, как признание человека как высшей социальной ценности.

Темпы и масштабы социально-экономических изменений, происходящих в новых суверенных государствах, также обусловливают возрастающую роль конституционного регулирования. Об этом свидетельствует и динамичный процесс обновления конституционного законодательства этих государств.

Необходимость конституционных реформ объективно вытекает из социального развития государств. На первом этапе государство довольствовалось изменениями в тексте конституции, в результате чего ее конституция претерпела кардинальные изменения с точки зрения содержания и структуры. Прощаясь с тоталитарным прошлым, такая конституция закладывает основу принципиально нового этапа в конституционной истории своего государства.

Конституционные реформы, составляющие основу конституционного развития Азербайджанской Республики на современном этапе, характеризуются рядом различных аспектов. Вот они:

Во-первых, была отвергнута

социалистическая модель общественного развития и принятая либерально-демократическая модель развития. Это проявляется в изменении названия государства, деидеологизации государственной символики, изображении флага, гимна и герба, акцентировании национальных и исторических особенностей. Это можно рассматривать как принятие перехода к либерально-демократическому конституционному строю.

Во-вторых, государство отказалось от монопольного положения одной партии в политической системе общества и приняло идеологический плюрализм. Ни одна идеология больше не считается официальной, государственной. Политический плюрализм также был легализован. Легализована деятельность оппозиционных партий.

В-третьих, концепция разделения властей признана основополагающим условием создания правового государства. В соответствии с теорией разделения властей были реорганизованы институты государственной власти: модернизированы и демократизированы избирательная система и парламентские процедуры, установлена модель президентской республики, введена должность Уполномоченного по правам человека, расширены права местного самоуправления.

В-четвертых, было признано многообразие форм собственности — частная, государственная и муниципальная, и экономика стала основываться на рыночных отношениях.

В-пятых, верховенство права и законности стали всеобщим законом конституционного развития страны.

В-шестых, в соответствии с общепризнанными нормами и принципами международного права демократизирован конституционный статус личности, усиlena судебная защита прав и свобод человека и гражданина, усиlena взаимная ответственность личности и государства.

В-седьмых, расширены права местного самоуправления, и впервые в истории Азербайджанской Республики местное самоуправление признано конституционным институтом и обеспечено государственными гарантиями.

Таким образом, первый этап конституционных реформ в Азербайджанской Республике можно охарактеризовать как отказ от традиционной модели и содержания конституций советского периода, признание и повышение конституционного статуса личности, начало формирования новой модели государственной власти и управления. Можно сказать, что целью конституционных реформ является укрепление

суверенной национальной государственности, разработка новой модели социально-экономического развития, формирование гражданского общества и новых государственных институтов, расширение прав и свобод человека и гражданина.

деятельности Уполномоченного по правам человека в Азербайджанской Республике. - Баку, 2011. - стр. 205.

3. Алиева Г. Государственная политика Гейдара Алиева в строительстве независимого правового государства Азербайджан. - стр. 81.

4. Аллахвердиев С. Основы Конституции и права Азербайджанской Республики. - Баку, 2006. - с. 92

5. Чиркин В.Е. Конституционное право. - Баку, 2007. - с. 368

Библиография:

1. Конституция Азербайджанской Республики. – Баку: Qanun, 2016.
2. Асланов 3. Конституционно-правовые основы

Ulvia ALIZADE (Azerbaijan),
master's student at the Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Azerbaijan,
Consultant of the Legal Department of
Executive authority of Narimanov district

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CONSTITUTIONALISM IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Summary. This article analyzes the development of constitutionalism in the Republic of Azerbaijan following the restoration of its independence. It focuses on the key milestones in the establishment of the constitutional order, particularly the adoption of the 1995 Constitution and its subsequent reforms. Special attention is given to the evolution of the rule of law, the separation of powers, and the protection of fundamental human rights and freedoms. The article highlights the role of constitutional reforms in strengthening democratic institutions and improving the system of public governance.

Ульвия АЛИЗАДЕ (Азербайджан),
магистрант Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики,
консультант юридического отдела Исполнительной власти Наримановского района

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Резюме. Статья посвящена анализу процессов становления и развития конституционализма в Азербайджанской Республике после обретения независимости. Рассматриваются основные этапы формирования конституционного порядка, включая принятие Конституции 1995 года и её последующие реформы. Особое внимание уделено эволюции принципов правового государства, механизма разделения властей и гарантий основных прав и свобод человека. Подчёркивается роль конституционных преобразований в укреплении демократических институтов и совершенствовании системы государственного управления.

От имени всей редакционной коллегии журнала «Право и политология» я с удовлетворением представляю научную работу, которая по праву заслуживает самого пристального внимания читателей. Статья "Прокуратура XXI века и её роль в обществе: цифровизация, глобальные вызовы и практика Азербайджана", подготовленная нашей талантливой студенткой Лалой Бабазаде, является не просто очередной публикацией, а интересным и оригинальным взглядом в политико-правовой науке. Эта работа, ставшая победителем престижного конкурса, демонстрирует глубокую проработку темы, поскольку Лала ханум не ограничилась поверхностным анализом, а предложила комплексное и оригинальное решение новым вызовам в деятельности прокуратуры. Примененные в исследовании методы соответствуют высоким академическим стандартам, подтверждая методологическую зрелость автора. Мы безмерно гордимся тем, что научная школа Азербайджана выпускает таких перспективных и целеустремленных исследователей, и уверены, что эта победа — это лишь начало большого научного пути. Мы выражаем надежду, что данная публикация станет стимулом для других молодых ученых и будет высоко оценена профессиональным сообществом за высокую научную и практическую значимость.

Проф. др. Н. Г. Алиев,
главный редактор журнала «Право и политология»

Лала БАБАЗАДЕ (Азербайджан),
студентка Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

ПРОКУРАТУРА XXI ВЕКА И ЕЁ РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ, ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАКТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА

Прокуратура XXI века сохраняет традиционные функции надзора за соблюдением закона и поддержания государственного обвинения, одновременно адаптируясь к новым вызовам и условиям цифровой эпохи. Актуальность темы определяется процессами цифровизации, усложнением преступных схем и повышенными требованиями к прозрачности и этичности прокурорской деятельности. Всё большое значение приобретают современные технологии, образовательная деятельность и прямой доверительный диалог с гражданами. Целью данной работы является анализ современных инновационных практик в деятельности прокуратуры, направленных на повышение её эффективности и укрепление взаимодействия с обществом. Для достижения цели поставлены следующие задачи: выявить тенденции цифровизации и использования искусственного интеллекта, рассмотреть зарубежный опыт просветительской деятельности, проанализировать механизмы прямой коммуникации с гражданами и оценить значимость этих практик для Азербайджана.

1. Традиционная роль прокуратуры

Прокуратура в современном обществе рассматривается как ключевой элемент правового государства и гарант справедливости. В Азербайджане она занимает особое место в системе государственных институтов, что закреплено в Конституции. Статья 133 определяет её функции, к которым относится надзор за

исполнением законов, возбуждение уголовных дел и поддержание государственного обвинения. Такое закрепление придаёт органу устойчивость и институциональную значимость и выгодно отличает его от стран, где статус прокуратуры определяется лишь обычным законодательством, например, в США или Великобритании. Это наглядно демонстрирует стремление Азербайджана к укреплению правового государства и верховенства закона. Помимо Конституции важное значение имеет Закон «О прокуратуре». В статье 4 закреплены направления деятельности, охватывающие уголовный процесс, а также гражданско-правовую и административную сферу. Благодаря этому прокуратура выступает универсальным органом, способным защищать интересы социально уязвимых категорий граждан, контролировать законность применения административных взысканий и обеспечивать надзор за деятельностью государственных органов.

Организационная структура прокуратуры Азербайджана отражает многоуровневый характер ее деятельности. Помимо Генеральной прокуратуры функционируют специализированные органы, включая антикоррупционную и военную прокуратуры. Антикоррупционная прокуратура через Главное управление концентрирует усилия на борьбе с экономической преступностью, тогда как военная прокуратура обеспечивает защиту прав

военнослужащих и надзор за делами, связанными с военной службой. В отличие от ряда стран, где аналогичные функции выполняют независимые агентства или общие судебные органы, прокуратура Азербайджана не подчиняется ни одной ветви власти и выбрала централизованную модель, обеспечивающую согласованность практики и единство подходов. В централизованных системах прокуратуры в некоторых странах существует риск, что концентрация полномочий на высшем уровне может замедлять принятие решений и создавать бюрократические процедуры. В Азербайджане эти потенциальные трудности успешно компенсируются за счёт цифровизации, повышения прозрачности и активного взаимодействия с гражданским обществом.

Такая организация работы прокуратуры обеспечивает её результативность и прозрачность, однако в практике уголовного преследования важно также учитывать баланс между действиями и защитой прав личности. Проблематика баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой прав личности обсуждается в научной литературе. Энтони Дафф обращает внимание на то, что прокурор выполняет не только процессуальные функции, но и роль морального агента, принимающего решения с учётом общественного восприятия справедливости. Его подход подчёркивает, что формальные доказательства недостаточны без оценки социального контекста и правовых последствий. На практике это означает необходимость методических ориентиров, независимых процедур проверки спорных решений и прозрачных показателей результативности. Сравнительный анализ Даффа показывает, что в разных правовых системах роль прокуратуры трактуется по-разному. В англосаксонских странах прокурор одновременно выступает посредником, оценивающим общественные интересы и решающим, какие дела требуют уголовного преследования, в США его деятельность подвержена политическому влиянию, тогда как в континентальной Европе главенствует принцип законности. Универсальной модели не существует каждая система сочетает преимущества и риски. Для Азербайджана наиболее перспективным является поиск баланса между централизованным управлением и расширением профессиональной автономии, что позволяет сохранять единство при одновременном укреплении доверия общества.

2. Международная кооперация и новые приоритеты прокуратуры XXI века

Прокуратура XXI века перестала быть исключительно национальным институтом уголовного преследования и стала участником глобального диалога о справедливости. Современный прокурор действует в

условиях не только правовой, но и технологической, социальной и этической многослойности. Современные прокуроры сталкиваются с беспрецедентными задачами международного масштаба. Транснациональная преступность, включая наркотрафик, торговлю людьми, оружием, отмывание денег, контрабанду природных ресурсов и киберпреступность, подрывает международную безопасность, нарушает права человека и ослабляет социально-экономическое развитие. По оценкам UNODC, преступные сети лишь в 2009 году создавали доход около 1,5 % мирового ВВП. Борьба с транснациональной преступностью требует скоординированных международных расследований и обмена данными между прокуратурами различных стран.

Цифровизация усилила масштабы преступности, поскольку интернет и мессенджеры позволяют злоумышленникам координировать действия из разных стран и мгновенно переводить средства через различные юрисдикции. Единичная кибератака может происходить одновременно из нескольких точек мира, а жертвами становятся граждане разных стран. Современные киберугрозы перестали быть исключительно техническим феноменом и превратились в комплексное правовое и социальное явление, требующее от прокуратуры адаптации к многоуровневой динамике преступности. Кроме того, по мнению Д. Уолла, миф о независимом киберпреступнике давно не соответствует действительности подавляющее большинство атак совершаются организованными преступными сетями. Это означает, что современная прокуратура должна быть готова работать против сложных структур, где ключевую роль играют не отдельные личности, а устойчивые цифровые сообщества. Особенно актуальной становится проблема юрисдикции: преступник может находиться в одной стране, сервер в другой, а жертвы в третьей. Таким образом, национальные механизмы преследования не способны эффективно решать такие дела без международного сотрудничества. Для Азербайджана ключевое значение имеет участие в совместных проектах и обмен опытом с зарубежными партнерами, что напрямую способствует укреплению глобального правового пространства.

Сложность киберугроз усиливает аргумент о необходимости внедрения в прокуратуру новых технологий — от анализа больших данных до применения искусственного интеллекта. Киберпреступность проявляется и в социальном измерении, подрывая доверие не только к технологиям, но и к государственным институтам. Когда государство не способно обеспечить цифровую безопасность граждан, снижается доверие к эффективности работы

прокуратуры и судебной системе. Для прокуроров XXI века это означает необходимость постоянного взаимодействия с зарубежными коллегами, обмена цифровыми доказательствами и разработки общих инструментов расследования. Прокуратура Азербайджана активно участвует в международных форумах, включая конференции Международной ассоциации прокуроров (IAP), где обсуждаются инновационные решения для борьбы с киберпреступностью, в том числе применение искусственного интеллекта, ирабатываются согласованные подходы к глобальным угрозам.

Помимо киберугроз, прокуратура сталкивается с другими транснациональными преступлениями, среди которых особое место занимают экологические нарушения и преступления в сфере цифровой экономики. Прокуратура Азербайджана активно борется с экологическими правонарушениями, включая незаконную вырубку лесов, торговлю животными и загрязнение среды. Эти преступления часто трансграничны и оказывают влияние на глобальное изменение климата и здоровье населения. Государство усиливает расследование таких правонарушений, включая нарушения, допущенные в период оккупации, и участвует в международных инициативах. На открытии 29-й Ежегодной конференции и Общего собрания Международной ассоциации прокуроров в Баку Генеральный прокурор Кымран Алиев отметил историческое значение проведения COP29 в Азербайджане и признание международным сообществом вклада страны в защиту окружающей среды. Одним из инструментов совершенствования правоприменительной практики прокуратуры в этой сфере является участие в проекте ECOLEAD, который позволяет внедрять современные стандарты расследования экологических правонарушений и вырабатывать совместные подходы к трансграничным делам. Это укрепляет компетентность прокуроров и доверие общества к государственным институтам, обеспечивающим соблюдение экологического законодательства. Параллельно новые технологии и развитие цифровой экономики создают дополнительные вызовы для прокуратуры. Возникают преступления, связанные с отмыванием денег через криптовалюты и мошенничеством в цифровой экономике, причем по оценкам экспертов ежегодный объем отмытых средств через цифровые схемы сопоставим с традиционными методами. В Азербайджане криптовалюты пока не регулируются, но планируется разработка соответствующего законодательства для повышения прозрачности транзакций и усиления контроля за цифровыми активами.

Возрастающая сложность транснациональных преступлений, включая экологические нарушения и преступления в сфере цифровой экономики, усиливает значение роли прокуроров. Их компетентность, беспристрастность и неподкупность напрямую влияют на эффективность расследований и доверие общества к правосудию. В этой связи разработаны кодексы этики и регламенты о конфликтах интересов, которые определяют стандарты профессионального поведения, правила взаимодействия с коллегами и гражданами, а также порядок предотвращения личной заинтересованности при принятии решений. Эти нормы требуют от прокуроров учитывать права человека, действовать во благо общества и сохранять независимость от политического давления, что критично для расследования сложных и трансграничных дел.

3. Использование искусственного интеллекта в деятельности прокуратуры

В ряде стран прокуратура XXI века активно внедряет технологии искусственного интеллекта. В Китае на базе Шанхайской народной прокуратуры Пудунского района создан «ИИ-прокурор», обученный на большом массиве уголовных дел, способный формировать проекты обвинительных заключений по типовым преступлениям, включая кредитное мошенничество, кражи и опасное вождение. Для Азербайджана, где цифровизация прокуратуры пока находится на начальном этапе, такие инструменты особенно актуальны с учётом роста интернет-преступлений, киберпреступлений и финансовых махинаций. В этой связи с 2023 года реализуются проекты «электронная прокуратура», направленные на автоматизацию процессов подачи и рассмотрения документов, повышение прозрачности работы органов и ускорение взаимодействия с гражданами и организациями.

Но в то же время опыт зарубежных стран показывает, что использование искусственного интеллекта в правовой сфере связано с рисками, прежде всего касающимися точности и достоверности автоматически сгенерированных материалов. Автоматизированные системы могут формировать юридические документы или ссылки на решения, не соответствующие действительности, что подчёркивает необходимость проверки всех данных квалифицированными специалистами. Такие ограничения демонстрируют, что ИИ не способен полностью заменить профессиональное суждение прокурора или юриста и должен рассматриваться как вспомогательный инструмент, способствующий снижению рутинной нагрузки и ускорению обработки информации. Кроме того, ни одна система не учитывает

мотивы и психологическое состояние участников процесса, социально-моральный контекст преступления и не несёт юридической ответственности за результаты расследования. Для эффективного внедрения технологий ИИ требуется сочетание цифровых инноваций с нормативным регулированием, разработка стандартов верификации данных, контроль качества работы систем и обучение персонала. Для Азербайджана это приобретает особую значимость с учётом необходимости поддержания ключевой роли прокурора как гаранта достоверности и законности процессуальных действий.

В ряде стран прокуроры выходят за рамки судебных залов и активно вовлекаются в жизнь сообществ. В Австралии реализуется практика «Youth Engagement Prosecutors», при которой прокуроры специализируются на работе с трудными подростками, проводят наставничество, обучают правовым навыкам и помогают интегрироваться в общество. Такая деятельность выходит за рамки формального просвещения и демонстрирует социальную роль прокуратуры как инструмента профилактики правонарушений и поддержки уязвимых групп населения.

Подобные тенденции проявляются и в Азербайджане. Так, весной 2025 года Научно-образовательный центр Генеральной прокуратуры подписал меморандум с Университетом экономики (UNEC) о совместных конференциях, семинарах и подготовке учебных материалов. Кроме того, прокуратура активно участвует в акциях правового просвещения, организует встречи с молодёжью и поддерживает проекты по формированию правосознания, включая передачу учебных материалов для образовательных и военных учреждений. Усиливается и механизм прямой связи с населением. Например, военной прокуратурой создана круглосуточная «линия доверия 962» для военнослужащих и их семей. Она позволяет оперативно сообщать о коррупции и других нарушениях в армии, а также получать разъяснения от прокуроров. Роль прокуратуры в данном случае заключается в контроле за соблюдением законности, квалифицированной обработке обращений, что позволяет оперативно выявлять нарушения.

Заключение

Современное развитие прокуратуры невозможно рассматривать вне контекста глобальных трансформаций, связанных с цифровизацией, международным сотрудничеством и изменением ожиданий общества. Эти процессы открывают новые возможности для повышения результативности работы прокуратуры, но одновременно создают риски,

требующие научного осмысливания и практических решений.

Во-первых, цифровизация и внедрение технологий искусственного интеллекта формируют новую профессиональную идентичность прокурора, объединяющего юридические и технологические компетенции. Это позволяет ускорять обработку материалов и повышать точность подготовки процессуальных документов, однако требует строгого контроля за цифровыми инструментами, включая процедуры верификации данных, обучение прокуроров цифровой грамотности и работу совместных экспертов с ИТ-специалистами.

Во-вторых, глобализация права и рост транснациональной преступности требуют баланса между национальной моделью прокуратуры и международным сотрудничеством. Для Азербайджана это означает сочетание централизованной структуры с гибкими инструментами взаимодействия с зарубежными коллегами, создание национальных центров обмена цифровыми доказательствами и проведение совместных учебных программ с партнёрами из других стран.

Во-третьих, просветительская миссия прокуратуры укрепляет доверие общества и формирует правовую культуру. Эффективность этого направления можно повышать через образовательные платформы для школьников и студентов, интерактивные онлайн-курсы по правам человека, расширение общественных консультаций и вовлечение граждан в мониторинг работы прокуратуры.

Отсюда следует, что современная прокуратура может успешно сочетать традиционные функции, инновационные технологии и просветительскую деятельность, что способствует совершенствованию её работы, укреплению доверия общества и формированию основы для устойчивого развития национальной правовой системы.

Библиография:

1. Конституция Азербайджанской Республики. - Баку: Азернешр, 2023.
2. Закон Азербайджанской Республики «О прокуратуре» от 7 декабря 1999 г. № 767-IQ (с последующими изменениями и дополнениями). Официальный текст: e-qanun.az. Перевод с азербайджанского языка.
3. Duff, A. The Boundaries of the Criminal Law. - Oxford University Press, 2010. – pp. 45-62.
4. Wall, D. Cybercrime: The Transformation of Crime in the Information Age. - Cambridge: Polity Press, 2007. – pp. 27-35
5. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). The Globalization of Crime: A Transnational

Organized Crime Threat Assessment. - Vienna: UNODC, 2010. – unodc.org

6. International Association of Prosecutors (IAP). Annual Conference Reports. - The Hague, 2022–2025. – iap-association.org

7. В Баку состоялась церемония открытия ежегодной конференции и Общего собрания Международной ассоциации прокуроров. – azertag.az

8. Генеральная прокуратура Азербайджанской

Республики. ECOLEAD layihəsi haqqında. - genprosecutor.gov.az

9. Научно-образовательный центр и Университет экономики (UNEC) подписали меморандум о сотрудничестве. - unec.edu.az

10. OECD. Governing with Artificial Intelligence: Trends and Early Lessons from the Use of AI across Functions of Government. - Paris: OECD Publishing, 2025. - oecd.org

Lala BABAZADE (Azerbaijan)

student of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan

THE PROSECUTION SERVICE OF THE 21ST CENTURY AND ITS ROLE IN SOCIETY: DIGITALIZATION, GLOBAL CHALLENGES, AND THE PRACTICE OF AZERBAIJAN

Summary. The article analyses contemporary approaches to the functioning of the prosecution service in the 21st century, with particular emphasis on its role in ensuring the rule of law, the digitalization of processes, and responses to global challenges, including transnational crime and cyber threats. Special attention is paid to the implementation of artificial intelligence technologies, educational initiatives, and mechanisms for interaction with society aimed at strengthening public trust in the legal system. Using the example of Azerbaijan, the article demonstrates how a centralized prosecutorial structure integrates innovative tools, ensures transparency of operations, and engages in international cooperation. The conclusions confirm that the modern prosecution service acts not only as a guarantor of legality within the state but also as an active participant in the global legal sphere, adapting best international practices to national conditions.

Лала БАБАЗАДЕ (Азербайджан),
студентка Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

ПРОКУРАТУРА XXI ВЕКА И ЕЁ РОЛЬ В ОБЩЕСТВЕ: ЦИФРОВИЗАЦИЯ, ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРАКТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА

Резюме. В статье анализируются современные подходы прокуратуры XXI века с акцентом на её роль в обеспечении правопорядка, цифровизацию процессов и реагирование на глобальные вызовы, включая транснациональную преступность и киберугрозы. Особое внимание уделяется внедрению технологий искусственного интеллекта, образовательной деятельности и механизмам взаимодействия с обществом для повышения доверия к правовой системе. На примере Азербайджана показано, как централизованная структура прокуратуры интегрирует инновационные инструменты, обеспечивает прозрачность работы и участвует в международном сотрудничестве. Выводы статьи подтверждают, что современная прокуратура выступает не только гарантом законности внутри страны, но и активным участником глобального правового пространства, адаптируя лучшие практики к национальным условиям.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИЛЛИ МЕДЖЛИСА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С НЕКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ

Введение

Одной из актуальных проблем государственного строительства в современных условиях является проблема взаимодействия всех ветвей власти. Реформы политической и правовой систем требуют пересмотра и теоретической оценки места судебной власти в системе разделения властей, выделения ее среди других ветвей власти и совершенствования законодательства для достижения баланса между всеми ветвями власти. правительство. Законодательная власть влияет на суды, создавая для них нормативную базу. Данная нормативно-правовая база отражает правовое регулирование вопросов, связанных с организацией судебной системы и деятельностью судов. При этом сами законы принимаются законодательной властью не исключительно самостоятельно, а совместно с судебной властью с учетом ее предложений. Судебная власть не только обеспечивает законодательные органы правоохранительными материалами, но также служит для повышения качества законодательной деятельности, уделяя особое внимание нормам морали и конституционным принципам. Моральный аспект присутствует почти в каждом законе. Поэтому, когда закон теряет свою моральную направленность, трудно вершить правосудие. Речь идет о законах, принятых в интересах узких корпоративных интересов.

Основная цель исследования заключается в определении особенностей и перспектив развития взаимодействия Милли Меджлиса Азербайджанской Республики с некоторыми другими органами власти (Уполномоченный, Центральный банк и Счетная палата)

Методы

В исследовании использовались методы системного анализа, контент анализа и сравнительного анализа. Посредством данных научных анализов выявлены особенности и перспективы развития взаимодействия Милли Меджлиса Азербайджанской Республики с органами власти, а метод сравнительного анализа выявил различные направления отношений между законодательной и исполнительной властью.

Обзор последних публикаций. Рассматривая исследования, проведенные рядом исследователей по данной теме, можно отметить следующее. Асланов, З.Н. в своей монографии «Конституционно-правовые основы деятельности Уполномоченного по правам человека в

Азербайджанской Республике». отмечает, что в юридической литературе Конституционным Законом Азербайджанской Республики «Об Уполномоченном по правам человека (Омбудсмен) Азербайджанской Республики» закреплена обязанность Уполномоченного давать заключение по законопроектам о правах человека, а также право участвовать в рабочих группах, созданных для разработки таких законов. Для осуществления этой деятельности ему необходимо предоставить право на получение соответствующей информации и примерных списков законопроектов о правах и свободах человека, которые должны быть рассмотрены на следующем заседании Милли Меджлиса и уже находятся на рассмотрении. По мнению другого исследователя Алибейли, К. некоторые действующие законы предусматривают, что некоторые другие государственные органы также должны отчитываться перед Милли Меджлисом. Таким образом, Уполномоченный по информации представляет отчет в Милли Меджлис Азербайджанской Республики не позднее трех месяцев после каждого текущего года. Отчет содержит краткую информацию о проделанной за год работе, в том числе информацию о нарушителях, заявлениях и жалобах, инструкции, проделанной работе в ходе служебного контроля, принятых мерах, других случаях, связанных с правоохранительными органами, а также мнения Уполномоченного и предложения. В статье также проанализированы закон Азербайджанской Республики «О Центральном банке Азербайджанской Республики», закон Азербайджанской Республики «О Счетной палате», закон Азербайджанской Республики «О борьбе с торговлей людьми» и закон Азербайджанской Республики «Об обеспечении гендерного равенства (мужчин и женщин)».

Как видно, научные публикации, связанные с исследовательской работой, в основном относятся к западной литературе и по этой теме существует больше литературы, охватывающей ее отдельных вопросов. Представление основного текста. В юридической литературе Конституционным Законом Азербайджанской Республики «Об Уполномоченном по правам человека (Омбудсмен) Азербайджанской Республики» закреплена обязанность Уполномоченного давать заключение по законопроектам о правах человека, а также право участвовать в рабочих группах, созданных для разработки

таких законов. Для осуществления этого ему необходимо предоставить право на получение соответствующей информации и примерных списков законопроектов о правах и свободах человека, которые должны быть рассмотрены на следующем заседании Милли Меджлиса и уже находятся на рассмотрении [1]. Таким образом, это очень важно с точки зрения подготовки заключений, предложений и комментариев к законопроектам, внесенным Уполномоченным, и внесения их в Национальное Собрание.

Помимо других государственных структур, Центральный банк также сотрудничает с Милли Меджлисом. Такие взаимоотношения проявляются по-разному. Прежде всего, следует отметить, что цель, функции и полномочия Центрального банка определяются Конституцией Азербайджанской Республики и Законом «О Центральном банке Азербайджанской Республики» [2]. Центральный банк также придерживается законодательными актами Азербайджанской Республики. Большинство этих актов принимается Милли Меджлисом. В соответствии с пунктом 15 части I статьи 95 Конституции АР, члены Правления ЦБ АР назначаются и освобождаются от должности парламентом АР по представлению парламента (Милли Меджлиса) АР. Таким образом, в соответствии со статьей 981 Конституции Президент Азербайджанской Республики имеет право распустить Милли Меджлис АР, если Президент выдвигает в два раза больше кандидатов, чем требуется для коллегиальной деятельности Совета.

Обсуждение вопросов, связанных с бюджетом также играет важную роль во взаимоотношениях ЦБ и парламента Азербайджана. В соответствии со статьей 7.3 Закона Азербайджанской Республики «О Центральном банке Азербайджанской Республики» во период обсуждения проекта бюджета Председатель Правления ЦБ информирует парламент страны об основных направлениях денежно-кредитной политики.

ЦБ, как и ММ, может принимать участие в нормотворчестве. Однако если акты парламента являются нормативными правовыми актами, ЦБ может принимать исключительно нормативные акты. Эти акты ЦБ включаются в Государственный реестр правовых актов АР соответствующим органом исполнительной власти в соответствии с Конституционным законом АР «О нормативных правовых актах».

Контроль за претворением в жизнь законодательства в области бюджета, финансов, валюты играет важную роль в деятельности ЦБ. Так, подразделения внутреннего аудита ЦБ проверяют структурные отделы и секторы ЦБ с целью соблюдения законодательства (статья 27.1.2 Закона АР «О Центральном банке Азербайджанской Республики»).

Ещё одним органом, сотрудничающим с

парламентом, является Счетная палата. Она является высшим контрольным органом, созданным парламентом Азербайджанской Республики в соответствии со статьей 92 Конституции Азербайджанской Республики, который подотчетен Милли Меджлису и осуществляет постоянный внешний государственный финансовый контроль [3]. Члены Счетной палаты назначаются большинством не менее 63 депутатов Милли Меджлиса Азербайджанской Республики по представлению Председателя Милли Меджлиса Азербайджанской Республики. Смета расходов Счетной палаты ратифицируется парламентом АР отдельно при рассмотрении проекта государственного бюджета.

Счетная палата информирует парламент АР о результатах мероприятий внешнего государственного финансового контроля; дает анализ по проектам нормативных правовых актов, регулирующих сферу государственных финансов, поступившим от парламента АР, а также по международным соглашениям, участником которых является Азербайджан; ежегодно представляет Милли Меджлису заключение о своей работе. Счетная палата дает отчет в течение пятнадцати дней после получения проекта закона о госбюджете на грядущий бюджетный год вместе с другими прилагаемыми документами в соответствии с законами АР «О Счетной палате». Счетная палата в течение десяти дней со дня получения годового отчета дает заключение и представляет его в парламент АР. (статья 24.2 Закона о Счетной палате. Статья 24.5). Члены Счетной палаты участвуют в заседаниях ММ АР и его комитетов по приглашению Милли Меджлиса Азербайджанской Республики.

Некоторые государственные органы должны отчитываться перед Милли Меджлисом. Таким образом, представляется отчет в парламент АР не позднее трех месяцев после каждого года. Отчет содержит краткую информацию о проделанной за текущий период работе, в том числе информацию о нарушениях, заявлениях и жалобах, инструкции, проделанной работе в ходе служебного контроля, принятых мерах, других случаях, связанных с правоохранительными органами, а также мнения Уполномоченного и предложения [4]. В соответствии со статьей 7.5 Закона Азербайджанской Республики «О борьбе с торговлей людьми» Национальный координатор по борьбе с торговлей людьми ежегодно представляет в Милли Меджлис Азербайджанской Республики отчет о борьбе с торговлей людьми [5]. В соответствии со статьей 20 Закона Азербайджанской Республики «Об обеспечении гендерного равенства (мужчин и женщин)» соответствующий орган исполнительной власти, осуществляющий контроль за обеспечением гендерного равенства, ежегодно представляет Милли Меджлису

информацию о своей деятельности [6].

Заключение

Таким образом, обобщение всех идей, изложенных в этой статье, позволяет сделать следующие выводы.

А) Характер взаимоотношений между законодательной и исполнительной властью во многом определяется формой правления. В парламентских формах правления законодательная власть формирует правительство, и правительство подотчетно парламенту. Глава государства не играет важной роли в текущем управлении государством. Следовательно, в странах с такой формой правления законодательная власть занимает доминирующее положение во взаимоотношениях между законодательной властью и исполнительной властью [7]. В президентских республиках глава государства играет доминирующую роль.

Б) Взаимодействие между законодательной и исполнительной ветвями власти осуществляется в процессе решения задач гос управления и осуществления парламентского контроля над деятельностью исполнительной власти.

В) В практике конституционного права АР не существует случаев, когда отдельные члены правительства снимаются с должности парламентом при вотуме недоверия. Такой механизм на законодательном уровне и его практическое применение на практике могло бы еще больше увеличить эффективность института парламентского контроля в Азербайджане.

Г) Процесс подписания законов следует рассматривать как юридический орган, направленный на поддержание баланса между законодательной и исполнительной ветвями власти и дальнейшее повышение качества законов [8]. В противном случае идеалы верховенства закона, универсальные принципы, такие как верховенство закона и демократия, могут быть серьезно повреждены.

Д) Законодательная власть создает нормативную базу для судов, влияя на их деятельность. Авторитет судебной власти зависит от содержания законов, принимаемых законодательной властью.

Е) Наиболее важными ветвями законодательной и судебной властей являются:

- а) правовое ;
- б) юридический контроль качества законодательства;
- в) организация судебной власти.

Ё) Большинство законов судебной системы, направляются в парламент исполнительной властью, а не Верховным судом в качестве законодательной инициативы. Активное использование Верховным судом права законодательной инициативы имеет исключительно положительное

влияние на улучшение прав человека и более полную защиту прав человека и гражданина.

Ж) Основными формами взаимодействия парламента с правоохранительными органами являются:

- двусторонняя информация о текущем состоянии правопорядка и борьбе с преступностью;
- обсуждение законов и комплексных государственных программ, направленных на борьбу с преступностью и коррупцией;
- совместная подготовка законов об укреплении законности;

и др.

3) Многие аспекты взаимодействия парламента Азербайджана с другими государственными органами реализуются в рамках института парламентского контроля. Однако в Конституции отсутствует термин «парламентский контроль». Конституция АР прямо устанавливает осуществление парламентского контроля Милли Меджлисом и может определять формы такого контроля.

Библиография:

1. Асланов, З.Н. Конституционно-правовые основы деятельности Уполномоченного по правам человека в Азербайджанской Республике. Монография / З.Н. Асланов. - Баку: Европа, 2011. - 204 с.
2. Закон Азербайджанской Республики «О Центральном банке Азербайджанской Республики». - <http://e-qanun.az/framework/5530>
3. Закон Азербайджанской Республики «О Счетной палате». - <http://e-qanun.az/framework/39922>
4. Алибейли, К. “Парламентский контроль в Азербайджанской Республике: проблемы и решения”. *Новости Бакинского Университета*. Серия социально-политических наук, 2012, № 3, с. 33-45.
5. Закон Азербайджанской Республики «О борьбе с торговлей людьми». - <http://www.e-qanun.az/framework/10641>
6. Закон Азербайджанской Республики «Об обеспечении гендерного равенства (мужчин и женщин)». - <http://www.e-qanun.az/framework/10641>
7. Николаева, Л.А. “Становление правового государства”. *Государство и право*, 2005, № 5, с. 6-7; Петрухин И.Л. “Состав и справедливость”. *Государство и право*, 2004, № 10, с. 128-137.
8. Бойков, А. Третья власть в России. - Москва: Юрист, 1997. - 208 с.; Рохлин, В.И. Прокурорский надзор в РФ. Учебник. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский институт экспертов, 2001. - 112 с.

Эльшад ГАСАНОВ (Азербайджан),
кандидат юридических наук

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МИЛЛИ МЕДЖЛИСА АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ С НЕКОТОРЫМИ ДРУГИМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ

Резюме. Цель данной статьи заключается в анализе вопросов взаимоотношений определённых ветвей власти, что представляет собой одну из наиболее малоизученных и актуальных проблем государственного строительства в современное время. В данной статье автор отмечает, что существующие реформы политической и правовой систем требуют глубокого анализа, переработки и теоретической оценки места судебной власти в системе разделения властей, выдвижения её на первый план среди иных ветвей власти и совершенствования законодательства с целью достижения баланса между ветвями власти и правительством. Здесь речь идет, в первую очередь, о законах и нормах, принятых для узких корпоративных интересов.

Методы. В исследовании использованы методы системного анализа, контент-анализа и сравнительного анализа. На основе этого научного анализа были выявлены особенности и перспективы развития взаимодействия Милли Меджлиса Азербайджанской Республики с ветвями власти, а метод сравнительного анализа для выявления различные направления взаимоотношений между законодательной и исполнительной власти.

Научная новизна статьи. Впервые в отечественной юридической литературе, проанализированы элементы взаимодействия всех ветвей власти с целью раскрытия актуальных проблем государственного строительства в современных условиях. Подчеркивается, что реформы политической и правовой систем требуют глубокого анализа и теоретической оценки места судебной власти в системе разделения властей, для четкого выделения ее от остальных ветвей власти. В статье определяются пути совершенствования законодательства с целью достижения баланса между всеми ветвями власти и правительством. Справедливо отмечая, что судебная власть не только обеспечивает законодательные органы правоохранительными материалами, но также служит для улучшения уровня законодательной деятельности, выделяя первостепенное место нормам морали и конституционным принципам.

В заключение автор определяет пути решения проблем взаимодействия ветвей власти, показывая их как одну из основных в процессе построения нового демократического государства, основанного на верховенстве закона. Отмечается, что многолетний опыт утверждает, что отсутствие надежного и эффективного взаимодействия и механизмов влияния между ветвями власти всегда представляет серьезную угрозу не только принципу разделения властей, но и основам конституционного государственного устройства в целом.

Elshad HASANOV (Azerbaijan),
PhD of legal sciences

INTERACTION OF THE MILLI MEJLIS OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN WITH SOME OTHER AUTHORITIES

Summary. The purpose of this article is to study the problems of interaction between all branches of government, which is one of the urgent problems of state building in modern conditions. It is noted that the reforms of the political and legal systems require a revision and theoretical assessment of the place of the judiciary in the system of separation of powers, distinguishing it from other branches of government and improving legislation in order to achieve a balance between all branches of government and the government. Here we are talking, first of all, about the laws and regulations adopted for narrow corporate interests.

Methods. The study used the methods of system analysis, content analysis and comparative analysis. On the basis of this scientific analysis, the features and prospects of the development of interaction of the Milli Mejlis of the Republic of Azerbaijan with the branches of government were identified, and the method of comparative analysis was used to identify various areas of relationship between the legislative and executive authorities.

Scientific novelty of the article. For the first time in the domestic legal literature, the elements of interaction of all branches of government are analyzed in order to reveal the urgent problems of state building in modern conditions. It is emphasized that the reforms of the political and legal systems require a revision and theoretical assessment of the place of the judiciary in the system of separation of powers, in order to clearly distinguish it from the rest of the branches of government, and shows ways to improve legislation to achieve a balance between all branches of government and the government. Rightly

noting that the judiciary not only provides legislative bodies with law enforcement materials, but also serves to improve the quality of legislative activity, paying particular attention to moral norms and constitutional principles.

In conclusion, the author defines the ways of solving the problems of interaction between the branches of power, showing them as one of the main in the process of building a new democratic state based on the rule of law. It is noted that many years of experience asserts that the absence of reliable and effective interaction and mechanisms of influence between the branches of government always poses a serious threat not only to the principle of separation of powers, but also to the foundations of the constitutional state structure as a whole.

MILITARY-POLITICAL PROVOCATIONS OF ARMENIA AGAINST AZERBAIJAN ON THE EVE OF THE PATRIOTIC WAR

The Continuation of Aggressive Policies by Armenia’s New Leadership

In May 1994, the ceasefire along the line of contact between Armenian and Azerbaijani forces created an opportunity for a peaceful settlement of the Nagorno-Karabakh conflict. However, Armenia’s leadership did not abandon its nationalist-expansionist policy, and substantive progress was not achieved. High-level meetings and Minsk Group-mediated negotiations produced no change. The Armenian side refused to return the occupied Azerbaijani districts; instead, it proclaimed the creation of the so-called Nagorno-Karabakh Republic and incorporated seven surrounding occupied districts into this entity. Armenian nationalist circles changed the names of Azerbaijani settlements located outside the former autonomous oblast and began building multilayered defensive systems there. Officials of the self-proclaimed entity even argued that returning those districts would violate its constitution, insisting that Azerbaijan recognize the borders of the de-facto republic (including the occupied districts) and agree to their legalization [1, 198].

The 2018 Velvet Revolution in Armenia and Nikol Pashinyan’s appointment as prime minister briefly raised hopes for renewed momentum in peace efforts. Those hopes proved unfounded. Shortly after becoming prime minister on 8 May 2018, Pashinyan visited Khankendi on 9 May and took part in events commemorating the capture of Shusha. In his speeches he called for a change in the negotiation format to include representatives of the self-proclaimed Nagorno-Karabakh authorities as parties to the talks. In the following months he repeatedly maintained that the only solution was direct discussions between Azerbaijan’s leadership and the de-facto authorities and suggested Armenia was prepared to make concessions that, in practice, amounted to recognition and legalization of the occupation. At the same time, Pashinyan warned that, should a settlement not meet Armenian interests, Armenia was prepared for a military resolution; after consultations with the army and the de-facto leadership he even sent explicit warnings to Azerbaijan, claiming that Armenia’s armed forces and the so-called defense forces were keeping the situation firmly under control [2, 3, 4].

In 2018, during the CIS summit in Dushanbe, an informal meeting took place between President Ilham Aliyev and Armenia’s Prime Minister Nikol Pashinyan.

According to Armenian media, the discussion focused on reducing tensions along the line of contact and establishing direct communication between the two countries’ defense ministries. Later, it became known that Pashinyan had asked President Aliyev for time to stabilize the domestic situation, prevent the return of the former authorities, maintain the ceasefire, and prepare Armenian society for peace. In essence, Armenia’s new leadership requested a period of calm before attempting any progress in the peaceful settlement of the Nagorno-Karabakh conflict.

Azerbaijan reacted constructively, hoping the negotiation process might soon take a more substantive form. As Armenian experts also noted, signs of stabilization at the line of contact began to appear. Direct communication between Baku and Yerevan was established, and interest in reviving public diplomacy increased. For the first time in many years, Azerbaijani and Armenian journalists conducted mutual visits. However, these positive tendencies quickly faded. After his victory in the December 2018 parliamentary elections, Pashinyan strengthened his domestic position and instructed the Ministry of Foreign Affairs to revise the content of the negotiation process. This significantly complicated talks, which had previously been based on the Madrid Principles—accepted by mediators and providing for the phased return of the occupied Azerbaijani territories.

Following the elections, Armenia openly declared it would no longer negotiate on the basis of earlier agreements. Pashinyan effectively abandoned issues previously discussed under former Armenian governments and introduced ambiguity into the negotiation framework. His administration sought to redefine the status of the occupied territories around Nagorno-Karabakh, claiming they constituted a “security zone.” Thus, the new Armenian leadership refrained from taking any steps toward a settlement consistent with international law, including UN Security Council and General Assembly resolutions, as well as decisions of the OIC, NAM, and the European Parliament.

Mediation proposals aimed at resolving the conflict were categorically rejected by Armenia’s new leadership. Some Armenian experts criticized this approach, yet Pashinyan’s government insisted that the security of the Armenian population of Karabakh could only be ensured through recognition of the so-called entity’s independence.

They argued that without such recognition, no discussion of returning the territories forming the “security zone” was possible. During talks with mediators, Armenian officials distanced themselves from all previously reached understandings and introduced new demands aimed at legitimizing the occupation—demands that even Armenia’s traditional supporters among mediators did not accept. Mediators openly warned that if Armenia refused to abandon these new positions and rejected compromise, renewed war could become inevitable.

Armenian diplomats later acknowledged that Pashinyan was confident in his new strategy and did not believe mediators would allow Azerbaijan to resort to war. At the same time, Armenian officials continued to issue threats, declaring that while Armenia did not desire war, it would not tolerate pressure and was prepared for military confrontation [5, 6, 7].

On 29 March 2019, the first official meeting between President Ilham Aliyev and Armenia’s Prime Minister Nikol Pashinyan, with the participation of the OSCE Minsk Group co-chairs, was held in Vienna. The expectation was that the discussions would help steer Pashinyan away from his recently advanced unfounded demands and revive the stalled negotiation process. However, confident that he would face no international pressure, Pashinyan again insisted on changing the negotiation format and involving representatives of the illegal entity established in the occupied Azerbaijani territories. He argued that previous Armenian leaders, being from Nagorno-Karabakh, represented the interests of the separatist structure, whereas he, born in Armenia, could not speak on its behalf. The Azerbaijani leadership rejected this position unequivocally, as it was intended to artificially prolong negotiations, disguise Armenia’s occupation policy, and portray Azerbaijan’s territorial integrity as an internal dispute. In reality, Pashinyan’s stance once again demonstrated his refusal to consider the liberation of the occupied territories. By early 2019, this approach had already become official policy, reflected also in a statement by the Secretary of Armenia’s Security Council in February that not “an inch of land” would be returned.

Armenia’s Minister of Defence soon issued an even more aggressive statement, openly displaying Yerevan’s expansionist intentions. On 30 March 2019—one day after the Vienna meeting—Defence Minister David Tonoyan declared before representatives of the Armenian diaspora in the United States that Armenia not only would not return the occupied territories but could seize new ones. He introduced the doctrine “new war – new territories” and outlined strategic plans to implement it. Tonoyan dismissed the concept of “land for peace” as outdated, arguing that returning five or seven districts under the Madrid Principles would dismantle the engineering-fortification system of

“Artsakh” and weaken Armenian military capacity. He stated that the Armenian army must transform from a trench-based defensive force into an offensive one, capable of shifting combat operations deep into “enemy territory.” Tonoyan even threatened that Armenian forces could advance beyond the former boundaries of the separatist entity up to the Kura River, take control of Azerbaijan’s oil and gas pipelines, and seize other critical infrastructure. He warned that a new war would result in Azerbaijan losing additional territories and facing a massive influx of displaced persons, thereby weakening the Azerbaijani government.

In response to these territorial claims, Azerbaijan’s Ministry of Foreign Affairs issued a special statement on 1 April 2019, describing Tonoyan’s remarks as provocations that undermined efforts to resolve the conflict. The statement emphasized that the Azerbaijani Armed Forces rank among the strongest in the world and could liberate the occupied territories in a short time. Unlike Armenia, Azerbaijan harbours no territorial claims against other states and demands only the restoration of its internationally recognized borders, as required by UN Security Council resolutions. The Ministry also underscored that, should peaceful means fail, Azerbaijan was prepared—within the norms of international law—to free its lands from occupation militarily.

Shortly after his remarks in the United States, Tonoyan visited a location near the Armenian border with Azerbaijan’s Gadabay district on 13 April 2019, openly observing the area of the former Başkənd settlement and reaffirming Armenia’s new territorial ambitions. This once again demonstrated that Yerevan’s claims to additional Azerbaijani territories were not rhetorical.

Armenia’s unconstructive and destructive position regarding the Nagorno-Karabakh settlement was not supported by international mediators. On 21 April 2019, speaking at a public event, Russia’s Foreign Minister Sergey Lavrov described Yerevan’s approach as unacceptable. He recalled that the four UN Security Council resolutions unequivocally affirm Azerbaijan’s territorial integrity and call for a peaceful settlement. According to Lavrov, negotiations based on these principles had continued for many years, resulting in the Madrid Principles and the Kazan Document, which envisage the phased withdrawal of Armenian forces from the occupied territories, the opening of communication lines, the lifting of blockades, and other confidence-building measures [11].

Armenia’s Foreign Minister Zohrab Mnatsakanyan immediately reacted to Russian Foreign Minister Sergey Lavrov’s statement, firmly declaring that territorial concessions to Azerbaijan in the process of settling the Nagorno-Karabakh conflict were unacceptable. He stressed that the territories mentioned by Lavrov constituted not only

a “security zone” but also the main defensive lines, adding that no Armenian side could even imagine endangering the security of the people of Nagorno-Karabakh by returning these lands.

Following this, Armenia’s Foreign Ministry contacted the Russian MFA and demanded an end to discussions about a phased settlement. Yerevan warned that otherwise it would officially declare its refusal to participate in any talks based on a step-by-step approach.

On 5 August 2019, during the opening ceremony of the Pan-Armenian Games in Khankendi, Prime Minister Nikol Pashinyan once again confirmed Armenia’s occupation policy, proclaiming: “Artsakh is Armenia, period.” He added that only solutions approved by the peoples of Armenia and Karabakh could be considered acceptable. For Armenia and the separatist regime, this meant the permanent consolidation of the occupation of Azerbaijani lands. By calling Nagorno-Karabakh a part of Armenia, Pashinyan effectively rejected any settlement within the framework of international law and relevant international resolutions.

Armenian experts also noted that Yerevan thereby signaled its intention to conduct negotiations solely on its own terms, otherwise refusing further talks.

President Ilham Aliyev assessed the consequences of Pashinyan’s statement for the negotiation process, emphasizing that after the phrase “Karabakh is Armenia,” the possibility of meaningful dialogue disappeared. According to him, despite appeals from the OSCE Minsk Group co-chairs to show understanding toward the new Armenian leadership, Armenia openly stated that it would not return the occupied territories and rejected the principles previously developed by the Minsk Group. President Aliyev concluded that negotiations cannot be conducted unilaterally and that Azerbaijan currently has no real negotiating partner on the Armenian side.

Armenian Military Provocation in the Tovuz Direction

A few days before the July 2020 clashes on the Azerbaijani-Armenian border near Tovuz, Ruben Margaryan—who introduced himself as an adviser to the so-called “foreign minister” of the separatist regime—accused Azerbaijan of “occupying Armenian lands.” Speaking on behalf of the illegal entity, he laid claims to Ganja, Dashkasan, Gadabay, Shamkir, and Khanlar, describing their seizure as one of the main goals of the regime, in reality of Armenia. Referring to several UN documents in a distorted manner, he even argued that Azerbaijan was obliged to “return” these territories to the separatist structure.

Armenia’s new National Security Strategy, adopted in early July 2020, also openly reaffirmed its uncompromising occupation policy. Published first on Prime Minister Nikol Pashinyan’s Facebook page under the title

“National Goals of the Armenian People,” the document declared that “ensuring the security of Artsakh” and removing it from Azerbaijan must be among Armenia’s main national objectives. It further stated that Armenia’s “national interest” included achieving international recognition of the so-called Nagorno-Karabakh Republic. According to the strategy, negotiations on the conflict should aim at the international acceptance of the “self-determination” claims of the separatist entity.

The document insisted that any decision would be acceptable only if approved by the populations of Armenia and the so-called Artsakh. It accused Azerbaijan of “blocking” the peace process and claimed that Baku’s right to restore its territorial integrity by force was unacceptable. In June 2020, shortly before the strategy’s adoption, Onik Gasparyan—newly appointed Chief of the General Staff of Armenia’s Armed Forces—submitted a report calling for a large-scale pre-emptive attack against Azerbaijan. He demanded the destruction of Azerbaijani front-line personnel, military equipment, logistics and infrastructure in order to neutralize Azerbaijan’s defensive potential [23].

Thus, military provocation against Azerbaijan had effectively become Armenia’s official policy. Soon after, on 12 July 2020, Armenian forces launched a major attack on Azerbaijan’s Tovuz district—located far from the Karabakh region—using artillery against Azerbaijani positions. The clashes, which lasted until 17 July, resulted in 12 Azerbaijani servicemen becoming martyrs, and an elderly civilian was killed as villages came under fire. The provocation once again demonstrated Armenia’s refusal to abandon its aggressive stance; its goal was to create a new hotspot of tension, seize additional territories, and exert pressure on Azerbaijan in hopes of securing recognition of the illegal separatist entity.

On 21 August 2020, at a meeting of Armenia’s Security Council, Pashinyan again issued statements typical of his political rhetoric, presenting the July events as an Armenian “victory” and urging Azerbaijan to accept the “existing reality.” He claimed that the so-called “Artsakh people” had already put an end to the question of the conflict’s resolution and insisted that, if the issue were military, they had “already solved it.”

Yet after the 2020 Patriotic War, Pashinyan publicly acknowledged that Armenia should have made concessions following the July clashes, even writing: “That was the decisive moment; at that time we should have taken the decision to make unilateral concessions.” [22]

Provocative Statements by the Armenian Leadership

On 23 July 2020, Armenia’s prime minister rejected the OSCE Minsk Group’s Basic Principles for resolving the Nagorno-Karabakh conflict and instead presented his own set of seven principles. Acceptance of these proposals would, in essence, have meant the

continuation of Armenia's occupation of Azerbaijani territories. Among them were demands to ensure the security of Armenia and the separatist regime, grant the illegal entity direct participation in negotiations, require Azerbaijan to renounce the use of force, force Baku into unlimited concessions, and remove the "security" of the so-called Nagorno-Karabakh Republic from the agenda. They also included creating an international mechanism to control the ceasefire.

President Ilham Aliyev strongly rejected these proposals, emphasizing their unacceptable nature. He noted that Armenia's demand for Azerbaijan to negotiate directly with the so-called republic was impossible, as the entity had no legal status and was recognized by no one—not even by Armenia itself. President Aliyev stressed that such conditions were aimed at destroying the negotiation process and altering its format, which had always been between Azerbaijan and Armenia alone. He reiterated that the withdrawal of Armenian forces from all occupied Azerbaijani territories was required by international law and UN Security Council resolutions, and that peace would be impossible without this withdrawal.

President Aliyev publicly reaffirmed that Azerbaijan's territorial integrity was not subject to negotiation, and the only valid proposal was the unconditional withdrawal of Armenian troops from all occupied regions of Azerbaijan.

Following Pashinyan's statements, Arayik Harutyunyan - presented as "president" of the so-called Nagorno-Karabakh Republic - issued his own seven-point proposal. He demanded recognition of the separatist entity as a negotiation party, removal of its "security" from the discussion, recognition of the so-called people's "right to self-determination," and Azerbaijan's renunciation of using force. He added that if Azerbaijan attempted to liberate its territories militarily, the illegal armed groups would transfer combat operations into Azerbaijani territory.

By late September 2020, Pashinyan again declared that, from Armenia's perspective, the Nagorno-Karabakh issue was already "resolved." His government's political course aimed to impose this narrative on both Azerbaijan and the international community. To reinforce this position, Armenia continued to provoke new military incidents along the line of contact.

The Last Armenian Provocations on the Eve of the Patriotic War

Following the Tovuz incidents, the military-political leadership of Armenia undertook further steps aimed at escalating the situation along the line of contact with Azerbaijan. In August 2020, Armenia dispatched a sabotage group to the front line. The commander of this group, detained by Azerbaijani servicemen, confessed that they had been sent to carry out attacks on civilians, commit

acts of terror, and assault Azerbaijani military personnel. The President of the Republic of Azerbaijan assessed these actions as clear evidence of Armenia's preparations for a new war against Azerbaijan. He emphasized that another indication of these preparations was Armenia's announcement of its intention to form volunteer units numbering tens of thousands of people. The President rightly questioned: "If Armenia wants peace, as it sometimes claims, if they wish to continue negotiations, what is the need for such steps?" [21].

As President Ilham Aliyev stressed, Armenia's objective was not only to provoke but also to undermine the negotiation process, which had already been pushed into a deadlock. According to him, Armenia's military-political leadership had, to some extent, succeeded in this effort, and the talks were effectively paralyzed. The President noted that Armenia was simultaneously using military escalation to distract its population from severe domestic political, economic, and social problems [28].

In an attempt to perpetuate the occupation, the leader of the illegal criminal regime established in Karabakh held an "inauguration ceremony" in the city of Shusha on May 21, 2020, announcing that the so-called "parliament" would be relocated there. President Ilham Aliyev described this as an unacceptable provocation. Meanwhile, Armenia continued its policy of illegal settlement in the occupied territories. Despite facing a demographic crisis and limited population, Armenia encouraged ethnic Armenians living abroad—particularly those from conflict zones in the Middle East—to settle temporarily in the occupied territories. The President characterized this policy as a violation of the Geneva Conventions and a war crime. Illegal settlement had also reached Shusha. Furthermore, the Armenian side was changing the historical names of Azerbaijani towns and villages, erasing cultural traces, destroying historical monuments, desecrating sacred sites, converting intact mosques into barns, and bulldozing graveyards—acts that clearly revealed the brutal nature of Armenian vandalism [28].

After the Tovuz events, rapid deliveries of weapons to Armenia attracted additional attention. According to available information, from July 17 until early September alone, more than a thousand tons of military cargo were transported to Armenia by air. On September 25, 2020, during a meeting with Toivo Klaar, the EU Special Representative for the South Caucasus, President Ilham Aliyev stated that Armenia was concentrating its forces along the Azerbaijani border and preparing for new provocations. He declared that any military aggression by Armenia would not go unanswered and urged the European Union to pay due attention to this alarming situation [29].

In another speech delivered in early September, President Aliyev warned both the Armenian leadership and

the international community that the threat emanating from Armenia had reached a highly serious level: "They are preparing for a new war. Their forces are concentrating near the line of contact. We see everything. We monitor all their actions. And, of course, we will defend ourselves. Just as we defended ourselves in Tovuz, we will defend ourselves in all other directions as well" [30].

Armenia ignored these warnings and, on September 27, 2020, launched a new large-scale provocation along the line of contact. As soon as this information was confirmed, the President of the Republic of Azerbaijan and Commander-in-Chief of the Armed Forces, Ilham Aliyev, ordered the start of comprehensive counter-offensive operations against Armenia's aggression. The President expressed the essence of this decisive decision as follows: "We said, enough is enough. This occupation must end — and it will end. As Commander-in-Chief, I ordered the Azerbaijani soldier to move forward, liberate our lands, end the occupation, and punish the aggressor" [31]. Thus began the 44-day war, inscribed in the history of Azerbaijan as the Patriotic War.

Conclusion

Armenia's state policy for many years was aimed at maintaining and legitimizing the occupation of Azerbaijani territories. To this end, the Armenian military-political leadership employed a broad range of tools — including the construction of advanced fortification lines, deliberate prolongation of negotiations conducted with international mediators, attempts to divert global attention, and continuous military provocations. Especially during the early years of the tenure of Armenia's most recent prime minister, new and unreasonable demands were introduced into the negotiation process, undermining its logic and pushing it into an impasse. Meanwhile, the intensity of provocations directed against Azerbaijan increased, and statements were made about the possibility of launching a new war with the aim of occupying additional territories.

Despite Azerbaijan repeatedly warning international organizations and the global community about Armenia's military adventurism, Armenia did not abandon its policy. The provocation committed by Armenia on September 27, 2020, once again demonstrated that the occupying state had no intention of renouncing its aggressive course and that the peaceful resolution of the conflict was no longer feasible. Therefore, in accordance with the norms and principles of international law, Azerbaijan was compelled to launch resolute counter-offensive operations against Armenia's aggression. These operations culminated in the 44-day Patriotic War, which restored Azerbaijan's territorial integrity.

Bibliography:

1. Süleymanlı N. Dağlıq Qarabağ münaqişesinin

- informasiya modeli. - Bakı: Hərbi nəşriyyat, 2011. 280 s.
2. Карабах должен вернуться за стол переговоров — Пашинян. - <https://ru.armeniasputnik.am/politics/20180508/11906181/karabakh-pashinyan-peregovori-vibory-premier.html>
3. Премьер-министр Никол Пашинян с трибуны Генассамблеи ООН: новая Армения будет надежным и предсказуемым международным партнером. - <https://news.un.org/ru/story/2018/09/1339091>
4. Никол Пашинян: Армения и НКР готовы к любому развитию событий. - <https://inosmi.ru/politic/20180919/243274613.html>
5. Пашинян и Алиев обещают снизить напряженность после встречи в Таджикистане. - <https://os-media.org/ru/pashinyan-i-aliev-obeshchayut-snizit-napryazhennost-posle-vstrechi-v-tadzhikistane/>
6. Prezident İlham Əliyevin açıqlamaları Paşinyanı künçə sıxışdırıldı. - <https://news.day.az/azerinews/1274032.html>
7. Пашинян подумал, что Алиев блефует. Признания армянских дипломатов. - <https://haqqin.az/news/194514>
8. Пашинян в прямом эфире раскрыл подробности венской встречи с Алиевым. - <https://am.sputniknews.ru/20190401/Pashinyan-raskryl-podrobnosti-venskoy-vstrechi-Alievym-pryamom-efire-17890201.html>
9. «Новая война — новые территории»: Тоноян предупредил Алиева. - <https://verelq.am/ru/node/44594>
10. Министр обороны Армении посетил северо-восточную границу. - <https://news.am/rus/news/507068.html>
11. Сейчас обсуждается поэтапное урегулирование Карабахского конфликта — Лавров. - <https://az.sputniknews.ru/karabakh/20200421/423714749/russia-azerbaijan-armenia-karabakh.html>
12. Заявление Лаврова о карабахском урегулировании вызвало негативную реакцию МИД Армении. - <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/348631>
13. МИД России напомнил об элементах урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта. - <https://az.sputniknews.ru/russia/20200423/423736944>
14. Paşinyan Dağlıq Qarabağın Ermənistana aid olduğunu ilk dəfə bəyan edib. - <https://www.bbc.com/azeri/region-49253151>
15. İlham Əliyev "Əl-Cəzirə" televiziya kanalına müsahibə verib. - <https://president.az/az/articles/view/41429>
16. Восстановление территориальной целостности Арцаха — значимый фактор международной безопасности и борьбы с терроризмом. - <https://yerkramas.org/article/171748>
17. Новая Стратегия национальной безопасности Армении. Основные тезисы. - <https://newsarmenia.am/news/analytics/novaya-strategiya-natsionalnoy-bezopasnosti-armenii-osnovnye-tezisy>

18. Премьер Армении представил ключевые направления новой Стратегии Нацбезопасности. - https://arminfo.info/full_news.php?id=53481
19. Никол Пашинян ставит крест на переговорах по урегулированию нагорно-карабахского конфликта. - <https://1news.az/news/nikol-pashinyan-opublikoval-provokacionnyy-dokument>
20. Svarants A. Vtoraya Karabakhskaia voina: predreshennost porazheniya i pobedy. - <https://novostink.net/topnews/295090-vtoraya-karabahskaya-voyna-predreshennost-porazheniya-i-pobedy.html>
21. Prezident İlham Əliyev Avropa İttifaqının Cənubi Qafqaz üzrə xüsusi nümayəndəsini qəbul edib. - <https://azertag.az/xeber/1594541>
22. Премьер-министр: Июльские победные бои доказали, что карабахский вопрос не имеет военного решения. - <https://armenpress.am/ru/article/1025520>
23. Истоки 44-дневной войны: статья премьер-министра Никола Пашиняна. - <https://hetq.am/ru/article/126011>
24. Paşinyan Bakıya 7 şərt irəli sürdürdü: Yeni erməni həyəsizliyi... - <https://www.moderator.az/news/335890.html>
25. Prezident İlham Əliyev Balakən regional "ASAN xidmət" mərkəzinin açılışında iştirak edib. - <https://anl.az/down/meqale/azerbaycan/2020/iyul/730186.htm>
26. İльхам Алиев властям Армении: «Попробуйте признать независимость НКР!» - <https://www.virtualkarabakh.az/ru/new-item/6/1973>
27. Tarasov S. Nagornyi Karabakh: ot kakogo nasledstva otkazivaetsya Arutyunyan. - <http://mirperemen.net/2020/04/nagornyj-karabax-ot-kakogo-nasledstva-otkazivaetsya-arutyunyan/>
28. Azərbaycan Prezidenti İlham Əliyev xalqa müraciət edib. - <https://president.az/az/articles/view/40968>
29. Prezident İlham Əliyev BMT Baş Assambleyasının 75-ci sessiyasında videoformatda çıxış edib. - <https://azertag.az/xeber/1594345>
30. Azərbaycan QHT-ləri BMT Təhlükəsizlik Şurasına müraciət ünvanlayıb. - <https://azertag.az/xeber/1596345>
31. Erməni təxribatının qarşısını almaq üçün ölkə üzrə internetin verilməsi məhdudlaşdırılıb. - <https://azertag.az/xeber/1596163>

Mehman SULEYMANOV (Azerbaijan),
Professor of the Military Research Institute
of the National Defense University

MILITARY-POLITICAL PROVOCATIONS OF ARMENIA AGAINST AZERBAIJAN ON THE EVE OF THE PATRIOTIC WAR

Summary. The article analyzes the military-political provocations carried out by Armenia against Azerbaijan on the eve of the Patriotic War. In fact, these provocations occurred during the entire time that the territories of Azerbaijan were under the occupation of Armenia. In the article, the object of investigation was mainly the military-political provocations carried out after the election of N. Pashinyan as Prime Minister of Armenia. From that moment on, certain hopes arose for a peaceful settlement of the Nagorno-Karabakh conflict. However, the government of N. Pashinyan continued the policy of keeping the territories of Azerbaijan under occupation. He even created serious obstacles to the negotiation process, putting forward new conditions that contradict the settlement process. In addition, during the reign of N. Pashinyan, that is, in July 2020, a military provocation was used on the border of the Tovuz region of Azerbaijan, remote from the Karabakh region. In August of the same year, a sabotage group was sent to the territory of Azerbaijan. By resorting to such provocations, the Armenian leadership wanted to force Azerbaijan to come to terms with the existing reality of occupation.

The purpose of writing this article is to reveal the essence of the aggressive policy that Armenia has constantly pursued against Azerbaijan, and to study the dynamics of the use of military provocations as a tool for forcing Azerbaijan to peace.

Мехман СУЛЕЙМАНОВ (Азербайджан),
Профессор Военного Научно-Исследовательского
Института Национального Университета Обороны

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОВОКАЦИИ АРМЕНИИ ПРОТИВ АЗЕРБАЙДЖАНА НАКАНУНЕ НАЧАЛА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Резюме. В статье анализируются военно-политические провокации, осуществленные Арменией против Азербайджана накануне начала Отечественной войны. Фактически эти провокации происходили в течение всего времени, пока территории Азербайджана находились под оккупацией Армении. В статье объектом расследования

стали в основном военно-политические провокации, осуществленные после избрания Н. Пашиняна премьер-министром Армении. С того момента появились определенные надежды на мирное урегулирование Нагорно-Карабахского конфликта. Однако правительство Н. Пашиняна продолжило политику удержания территорий Азербайджана под оккупацией. Он даже создал серьезные препятствия переговорному процессу, выдвинув новые условия, противоречащие процессу урегулирования. Кроме того, в период правления Н. Пашиняна, то есть в июле 2020 года, на границе Товузского района Азербайджана, удаленного от Карабахского региона, была применена военная провокация. В августе того же года на территорию Азербайджана была отправлена диверсионная группа. Прибегая к подобным провокациям, руководство Армении хотело заставить Азербайджан смириться с существующей реальностью оккупации. Цель написания статьи – раскрыть суть агрессивной политики, которую Армения постоянно проводил против Азербайджана, и изучить динамику использования военных провокаций как инструмента принуждения Азербайджана к миру.

Teodor D. DETCHEV (Bulgaria),

Ph.D., Associate Professor, Head of the Laboratory on the Issues
of the Black Sea and Caspian regions (LIBCR) in
Higher School of Security and Economics

TWO MONTHS THAT TURNED AZERBAIJANI – RUSSIAN RELATIONS UPSIDE DOWN

For many years, Azerbaijan and Russia have maintained generally good-neighborly and more or less friendly relations. There have been plenty of contradictions between the two countries, but thanks to the exceptional tact of the Azerbaijani leadership and, most likely, the serious involvement of the Russian leadership in aggression on the territory of other countries, peaceful relations between Russia and Azerbaijan have been maintained.

In recent weeks, we have seen a sharp deterioration in relations between the two countries and an escalation of tensions between the leadership at different levels. The main reason for this is most likely that the more Moscow gets bogged down in its “special operation” in Ukraine, the more painful are the losses that Russia suffers from Azerbaijan’s policy in the South Caucasus and South-Eastern Europe. And more recently – from Baku’s policy in... Syria. Let’s follow and analyze the events of the last two months.

The “Syrian Gambit of SOCAR and of the Azerbaijan’s State Leadership

On July 12, 2025, during the working visit of Syria’s transitional President Ahmed al-Sharaa to Azerbaijan, a Memorandum of Understanding was signed between the State Oil Company of Azerbaijan (SOCAR) and the Government of Syria. The document was signed by Azerbaijan’s Minister of Economy and Chairman of SOCAR’s Supervisory Board Mikayil Jabbarov and Syria’s Minister of Energy Mohammed al-Bashir. [1]

Analysts in Baku describe this as “a new direction for Azerbaijani gas” and “a strategic entry into the Middle East energy market.” According to analyst Farid Zohrabov, gas exports previously focused on Europe are now expanding toward the Middle East, signaling the real start of gas supplies to Syria and the restoration of energy infrastructure. Azerbaijan currently exports gas to 12 countries, mainly via the Southern Gas Corridor; with Syria, this number will rise to 13, broadening export geography and reinforcing energy diplomacy. [2]

The main surprise came on August 2, 2025, when a ceremony launching Azerbaijani gas deliveries through Turkey to Syria took place in Kilis, near the Syrian border. The event gathered officials from Azerbaijan, Turkey, Syria, Qatar, and others. Preparations for transportation under the SOCAR-Syria agreement were completed, and the first stage envisions exports of 1.2–2.0 billion cubic meters of gas annually. Supplies through Kilis will feed power plants

in Aleppo and Homs, adding 1,200–1,300 megawatts to Syria’s energy capacity. This project marks a significant step in Syria’s reconstruction and further strengthens Turkey’s role as a regional energy hub. [3]

This development provoked strong irritation in Moscow. After investing heavily and suffering major losses, Russia lost control over Syria within days. Following the collapse of Bashar al-Assad’s regime, sarcastic references to “Kyiv in three days” turned into “Aleppo in three days.” With “Damascus in three days” that followed, Syria—once a Russian outpost—became a new market for Azerbaijani gas. Symbolically, with one signature, Azerbaijan expanded its exports while Russia’s influence waned.

In fact, the memorandum with Syria had been prepared in reverse: first the gas infrastructure was restored, and only later was the public informed that Caspian gas was flowing to the Middle East.

The Hitherto Ignored Possibility of Israeli Intervention in the European Hydrocarbon Market

Moscow faces another major challenge concerning gas infrastructure. Syria’s system is tied to the Arab Gas Pipeline, which runs from Egypt through Jordan to Syria. Both Egypt and Jordan maintain peace treaties and active economic relations with Israel. At the same time, Azerbaijan—Israel’s close ally—uses Israeli-made weapons, including drones that played a decisive role in the 2020 Second Karabakh War, and supplies Israel with oil via the Baku–Tbilisi–Ceyhan pipeline.

Recently, Azerbaijan acquired a stake in Israel’s Tamar gas field on the Mediterranean shelf. [4] This creates a unique opportunity to transport Israeli gas through Turkey to Europe, as the undersea route to Turkey is far shorter and more practical than the one to Greece. Political tensions between Ankara and Tel Aviv have long hindered this option, but Azerbaijan’s participation in the Tamar project changes the dynamics. Maintaining close ties with both countries, Baku could become the bridge enabling Israeli gas to reach Europe. [5]

Until recently, Eastern Mediterranean gas supplies to Europe seemed remote. Now the picture is shifting rapidly. In addition to the existing Southern Gas Corridor (serving Georgia, Turkey, Greece, Bulgaria, Italy, Serbia, Moldova, and Ukraine), Romania, Hungary, and Slovakia are joining under the “Solidarity Ring” initiative, while Austria seeks to diversify away from Gazprom. The European energy market

is thus gaining an alternative that undermines Russia’s leverage and finances for its war in Ukraine.

The EU’s reassessment of its energy strategy may finally end its previous refusal to fund hydrocarbon pipelines, recognizing natural gas as both industrial raw material and a basis for hydrogen production. Israel’s vast reserves—such as the aptly named “Leviathan” field—are now viewed as export assets rather than domestic reserves.

Given the interconnection between Azerbaijani, Turkish, and Syrian gas networks, and the apparent restoration of the Arab Gas Pipeline, the transportation of natural gas not only from Azerbaijan to Syria but also from Israel through Jordan and Syria to Turkey and Europe becomes technically feasible. In this configuration, Baku emerges as a natural intermediary between Israel and Turkey.

Thus, the export of Israeli gas to Europe is no longer a distant vision but a tangible prospect—another act in the unfolding “Farewell, Gazprom” saga. For years, Moscow derided the Southern Gas Corridor and obstructed the Trans-Caspian Pipeline, delaying it for at least a decade. Meanwhile, Baku and SOCAR made a new move: Azerbaijani gas already flows to Syria, and reverse routes could soon enable Israeli gas exports to Europe.

Russia’s leadership, aware of these developments, likely feels the growing “heat around the corner.” This is a serious geopolitical setback—one made more painful by its timing, overshadowed by the drama of peace talks in Ukraine.

Washington Accords and the Reconciliation between Azerbaijan and Armenia

On August 8, 2025, in Washington, D.C., Azerbaijan and Armenia signed several strategic agreements with the United States and with each other, in the presence of U.S. President Donald Trump. The key document—a Memorandum of Understanding between President Ilham Aliyev and President Trump—established a Strategic Working Group to prepare a Charter of Strategic Partnership between the two countries.

The memorandum also suspends Section 907 of the Freedom Support Act in relation to Azerbaijan. According to U.S. political analyst Irina Zuckerman, lifting this long-standing restriction marks a major policy shift:

“Section 907 had limited U.S. assistance to Azerbaijan for decades due to the unresolved conflict with Armenia. Its suspension reflects a pragmatic reassessment of Azerbaijan’s stabilizing role in the South Caucasus and its strategic importance for energy security. It signals that Washington now sees Baku as a pivotal partner in its Eurasian strategy.” [6]

Zuckerman emphasized that the new Memorandum institutionalizes a comprehensive partnership: “By creating a Strategic Working Group, the two countries ensure

continuous, structured dialogue on key areas—energy cooperation, infrastructure connectivity between the Caspian, Türkiye, and Europe, and economic diversification. The inclusion of emerging sectors like artificial intelligence and digital infrastructure positions Azerbaijan as a regional innovation hub, while collaboration in defense, counterterrorism, and security consolidates shared strategic interests.”

At the same meeting, Armenia and Azerbaijan, under U.S. mediation, reached an agreement on opening the Zangezur Corridor. Both countries signed exclusive 99-year cooperation agreements with the United States concerning its development, with the option for renewal. President Trump announced the decision after meeting with Ilham Aliyev and Nikol Pashinyan at the White House: “Armenia and Azerbaijan are committing to peace, open trade, travel, and respect for sovereignty. This declaration establishes the ‘Trump Route for International Peace and Prosperity,’ giving Azerbaijan access to Nakhchivan while fully respecting Armenia’s sovereignty. U.S. companies will invest heavily in the corridor’s infrastructure, benefiting all three nations.” [7]

While the Zangezur project itself is technically simple and financially feasible for Azerbaijan, its political resolution is of historic significance. The issue, pending since the trilateral statement of Aliyev, Pashinyan, and Putin in November 2020, has finally been settled with a binding 99-year agreement.

Strategically, the Zangezur Corridor will enhance the capacity of the Middle Corridor—linking trade routes between China and the European Union—and reinforce Azerbaijan’s role as a key transit hub. As observers in Baku noted, all that remains is to thank President Trump for his role—and let them name the route after him. [8]

Putin’s Humiliation and Loss of His Role as “Peace Broker” in the South Caucasus

The events in Washington directly contradict Russia’s long-standing strategy of keeping its former colonies—Azerbaijan and Armenia—divided, backing Armenia militarily, and then posing as the region’s sole mediator. With the South Caucasus, particularly Azerbaijan and Georgia, slipping from Moscow’s control, the agreements signed in Washington also delivered a reputational blow: neither the leaders of the two states nor U.S. President Donald Trump took Vladimir Putin into account.

Just five years earlier, in November 2020, Putin celebrated the ceasefire that ended the 44-day Second Karabakh War as his personal diplomatic triumph. Acting without the OSCE or any other major power, he positioned himself as the sole broker of peace. Since then, however, Moscow has steadily lost influence—its media presence in Azerbaijan has waned, intelligence operations have been curtailed, and even in Armenia, once a loyal ally, Russia’s

role as patron and protector has eroded.

Although Russian troops remain stationed in Armenia and the FSB controls parts of its borders with Iran and Turkey, the Washington accords marked another decisive step in diminishing Moscow’s sway south of the Caucasus Mountains. Symbolically, the event was deeply humiliating for Putin: unlike the modest “trilateral statement” of November 2020, the August 2025 ceremony was grand and public, complete with official documents, photo ops, televised speeches, and even a proposal—initiated by Pashinyan and supported by Aliyev—to nominate Trump for the Nobel Peace Prize.

Leaving aside skepticism about Trump’s Nobel ambitions, the symbolism was unmistakable. The signing of the Washington Accords on August 8, 2025—exactly 17 years after the “08.08.08” war, Russia’s assault on Georgia that marked Putin’s attempt at a “great geopolitical return”—served as a striking historical reversal. The accords between Azerbaijan, Armenia, and the United States effectively brought Moscow back to square one in the South Caucasus, underscoring the collapse of its influence in a region it once considered its backyard.

Moscow’s reaction - jealousy, anger, rage and a hail of drones

The Russian reaction combined envy, malice, and anger. On the night of August 7–8, 2025, coinciding with the signing of the Washington agreements, Russia used drones to strike an Azerbaijani SOCAR oil depot in the Odessa region. The attack caused a fire, damaged a diesel fuel pipeline, and injured four employees. SOCAR operates about 60 gas stations and several depots across Ukraine. [9]

Earlier, on the night of August 6, Russia had targeted a Ukrainian gas compressor station in Orlovka, Odessa region, near the Romanian border. This station is part of the Trans-Balkan pipeline, linking Greek LNG terminals with Ukrainian storage facilities, and also handles Azerbaijani gas supplies. Ukrainian Energy Minister Svetlana Grinchuk condemned the attack: “This is a clear signal to Europe, which plans to abandon Russian gas by 2027. Russia will use all means to undermine European energy independence and alternative supply routes. Impunity only expands terror.” [10]

Unlike the Orlovka station, which is Ukrainian-owned, the August 8 strike directly targeted a foreign company—SOCAR—demonstrating an escalation. Nevertheless, Azerbaijani gas deliveries to Ukraine continued. Haqqin.az cited Reuters reporting that 0.42 million cubic meters of gas were pumped through Orlovka on August 7, maintaining the flow from Greek LNG terminals and Azerbaijan. [12]

Haqqin.az also noted that the Trans-Balkan route provides access to LNG from Greece and Turkey, pipeline gas from Azerbaijan and Romania, and even gas from Bulgaria, highlighting the growing diversity and strategic

importance of European gas supply routes.

The coolness of Baku and the quiet joy of Kyiv

The Azerbaijani response to the attacks on its facilities in Ukraine shows no intention of yielding to Russia’s “hints.” On August 10, 2025, Ukrainian President Volodymyr Zelensky called Azerbaijani President Ilham Aliyev. During the conversation, both leaders condemned Russia’s airstrikes on SOCAR facilities in Ukraine, including the Orlovka gas compressor station used for Azerbaijani gas exports, and affirmed that cooperation in the energy sector would continue unabated. [13]

According to Caliber.az, a well-informed site, repeated Russian attacks could prompt Azerbaijan to reconsider its arms embargo on Ukraine, potentially supplying military equipment in response to continued aggression. Russian military observer Yuri Kotenok cited sources claiming that Azerbaijan has already begun producing 122mm and 155mm artillery shells for possible delivery to Ukraine, though the method of transfer—directly or through intermediaries—remains uncertain. [14]

Until now, Azerbaijan officially denies supplying military aid. In July 2025, Hikmet Hajiyev, head of the presidential foreign policy department, told Hospodarske noviny that Azerbaijan maintains good relations with Russia and prioritizes regional stability. He emphasized that Baku supports the territorial integrity of all countries and distances itself from the military conflict, providing only humanitarian assistance and necessary civilian equipment such as electric generators to Ukraine. [15]

Demonstrations of even greater rapprochement between Azerbaijan and Ukraine

On August 13, 2025, the first part of a new batch of humanitarian electrical equipment from Azerbaijan departed Sumgait Technology Park for Ukraine. Ordered by President Ilham Aliyev on August 11, the shipment included 90,000 meters of cables and wires, 25 generators, and 7 transformer sets, sent in a convoy of 10 trucks. This aid, valued at \$2 million in total, is intended to restore stable power supply to areas affected by the war, with additional shipments planned. [16]

Ukrainian Ambassador Yuriy Gusev expressed gratitude to President Aliyev and the Azerbaijani government for supporting Ukraine’s energy infrastructure, noting that this is the second such delivery this year and emphasizing its importance in restoring the integrity of Ukraine’s electrical system. [17][18]

On August 16, Azerbaijani Foreign Minister Jeyhun Bayramov held a phone conversation with Ukrainian Foreign Minister Andriy Sybiha. The discussion covered political, economic, energy, transport, and humanitarian cooperation, including the work of the Government Commission on Economic Cooperation. Sybiha congratulated Azerbaijan on its agreements with the United

States and progress in normalizing relations with Armenia, and thanked Baku for humanitarian support and reconstruction assistance in conflict-affected areas. [19]

The escalation continues, and the self-restraints of the parties are gradually disappearing

As noted, the attacks on the Orlovka compressor station on August 6, 2025, and the SOCAR oil depot in Odessa on the night of August 7–8 did not halt operations. Russia, facing Ukraine’s resistance and European support for Kiev, continued targeting Ukrainian energy infrastructure.

On the night of August 17–18, 2025, SOCAR’s Odessa oil depot was hit again by a larger Russian drone strike, causing direct hits, a fire, and damage to tanks, pumping stations, control rooms, and the fence. The depot, with over 16,000 cubic meters of storage, suffered extensive damage, prompting an Azerbaijani criminal investigation. [20]

Russian media celebrated the attack. Zavtra.RU, citing military blogger “Ribar,” reported the depot’s destruction, highlighting its strategic role in supplying fuel for Ukraine’s armed forces and noting that SOCAR operates additional depots and gas stations across the country. The publication framed Azerbaijan’s support for Ukraine as a legitimate military target, reflecting Moscow’s pragmatic and politically driven perspective rather than any adherence to international law. [21]

Ukrainian Foreign Minister Andriy Sybiha condemned the attacks: “This night, the Russians attacked SOCAR oil terminals in Odessa. This is the second strike in recent weeks. Moscow is acting deliberately against Azerbaijan’s interests, underscoring the importance of closer Ukraine-Azerbaijan cooperation and the need for a diplomatic and legal response.” [22]

Simultaneously, Azerbaijan-Ukraine parliamentary ties were reinforced. Milli Majlis Chair Sahiba Gafarova and Verkhovna Rada Chair Ruslan Stefanchuk discussed cooperation and mutual visits, expressing confidence that interparliamentary relations would continue to expand through joint efforts both bilaterally and in international forums. [23]

Energy Diplomacy and Conflict Avoidance: Azerbaijan’s Strategy in Russian-Azerbaijani Relations

Undoubtedly, the meeting between President Ilham Aliyev of Azerbaijan and President Vladimir Putin of the Russian Federation contributed to a certain degree of de-escalation. Tensions had reached a critical point, and from that moment onward, the parties faced a clear choice: either take measures to calm the situation or move toward open conflict.

It is evident that neither side had an interest in further escalation at this juncture, particularly Azerbaijan. Azerbaijan’s strategy is inherently constructive, grounded in rational energy expansion and the cultivation of mutually beneficial relations with all countries willing to engage with

Baku.

Unlike Russia, which regards its gas pipelines as instruments of geopolitical leverage, Azerbaijan adheres to the principles of fair trade, the first rule of which is that all parties should benefit from a transaction. Unlike Russia, which abandoned the world’s most lucrative and “demanding” energy markets—the European markets—Azerbaijan methodically expands its presence there, thereby also increasing its influence. The contrast between these two approaches is striking, representing movement in fundamentally opposite directions.

In this context, Azerbaijan is entirely justified in seeking to avoid escalation of confrontation with the Russian Federation. Regrettably, there are circumstances beyond the control of Azerbaijan’s leadership, foremost among them being Vladimir Putin’s fixation on the war in Ukraine. Personally, I hold reservations about President Trump for a number of reasons that are not relevant here, but I believe he does not exaggerate when he tells President Zelensky that Putin is prepared to erase Ukraine from the map.

In this regard, two developments particularly exacerbate Putin’s nervousness: Azerbaijan’s role in mitigating the negative consequences of the suspension of Russian natural gas supplies across Southeastern Europe—including Russia’s allies Serbia and Hungary—and Azerbaijan’s firm support for the territorial integrity of Ukraine. It is difficult to imagine anything more irritating to the President of the Russian Federation than these two realities, and they must not be overlooked. At any moment, the Russian side might take extreme measures, which could later be regretted but would cause considerable immediate damage. One can easily imagine the potential scope of such actions, although the range of possibilities is broad.

From a personal perspective, Azerbaijan enjoys an additional advantage in the context of the interaction between the two heads of state. President Ilham Aliyev possesses a significant biographical advantage. Undoubtedly, Vladimir Putin, in part for biographical reasons, holds a deep respect for Heydar Aliyev, the national leader of Azerbaijan. (On a side note, while I personally find the Russian system of “Russification of names” objectionable, in this instance I retained the conventional transliteration of Heydar Aliyev, which has become the norm. As you may have noticed, I generally avoid Russian-style transliterations of names.) By contrast, Putin’s career in security services cannot be described as distinguished, whereas Heydar Aliyev served as head of the Azerbaijani KGB and Deputy Chairman of the USSR Council of Ministers.

Regardless of the strength of Putin’s ego, it is likely that in meeting President Ilham Aliyev, he perceives before him a symbolic representation of both father and son—the

figures of Heydar and Ilham Aliyev. For understandable reasons, including Aliyev's extensive erudition, high level of expertise in international affairs, and evident success in governance, Ilham Aliyev commands Putin's respect. In addition, when confronted with the figure of Heydar Aliyev, Putin experiences not only respect but genuine apprehension, which I would characterize as bordering on superstitious fear.

Consequently, there exist factors that restrain Putin in his dissatisfaction with Azerbaijan, which serves as an evident obstacle to his ambitions of energy imperialism and even military expansion. These factors include, of course, Azerbaijan's assistance to Ukraine in restoring its energy and electricity transmission infrastructure. Other relevant elements are the well-armed, highly trained, and battle-tested Azerbaijani armed forces, as well as Azerbaijan's close ties with Turkey and other member states of the Organization of Turkic States. Azerbaijan's foreign policy has clearly achieved successes that act as a brake on the unchecked wrath of the Russian autocrat.

Nevertheless, despite these positive circumstances, it is crucial to remember that fundamental issues in Russian-Azerbaijani relations persist. Russia is retreating from Europe, whereas Azerbaijan is advancing. Russia considers Ukraine to be its domain, while Azerbaijan supports the country's territorial integrity. Russia has lost substantial geopolitical and geo-economic influence in Southeastern Europe—first due to its own miscalculations, and second because Azerbaijan has emerged in its stead, conducting itself with far greater competence.

Importantly, Azerbaijan does not seek to impose an "Azerbaijani world," nor does it pose a military threat to any European country, in stark contrast to Russia.

Bibliography:

1. Mammadov, Inglab. SOCAR and the Government of the Syrian Arab Republic signed a Memorandum of Understanding. - <https://blacksea-caspia.eu/en/socar-and-government-syrian-arab-republic-signed-memorandum-understanding>
2. Zohrabov, Farid. New direction for Azerbaijani gas: Strategic entry into the Middle East energy market. - <https://blacksea-caspia.eu/index.php/en/new-direction-azerbaijani-gas-strategic-entry-middle-east-energy-market>
3. Javadov, Sadig. Azerbaijani gas exports to Syria begin. - <https://blacksea-caspia.eu/index.php/en/azerbaijani-gas-exports-syria-begin>
4. Zeynalova, Laman. SOCAR acquires stake in Israel's Tamar field. - <https://blacksea-caspia.eu/ru/socar-priobrela-dolyu-v-izrailskom-mestorozhdenii-tamar>
5. Detchev, Teodor. SOCAR's participation in the development of Israel's Tamar gas field is a key event for

the energy security of a number of European countries. - <https://blacksea-caspia.eu/index.php/en/socars-participation-development-israels-tamar-gas-field-key-event-energy-security-number-european>

6. Zeynalova, Laman. Suspension of Section 907 to demonstrate new vector in US-Azerbaijan relations – analyst. - <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/4078556.html>

7. Zeynalova, Laman. Donald Trump: The Trump route to connect Azerbaijan with Nakhchivan. - <https://ru.trend.az/azerbaijan/politics/4078628.html>

8. Zohrabov, Farid. U.S. President Donald Trump delivers press statement at White House. - <https://www.trend.az/azerbaijan/politics/4078626.html>

9. Russia strikes Azerbaijani oil and gas facilities in Ukraine, Baku prepares response. - <https://caliber.az/en/post/russia-strikes-azerbaijani-oil-and-gas-facilities-in-ukraine-azerbaijan-prepares-response>

10. Russia strikes compressor station in Odessa region through which Azerbaijani gas flows to Ukraine (in Russian). - <https://www.currenttime.tv/a/rossiya-udarila-po-kompressornoy-stantsii-v-odesskoy-oblasti-cherez-kotoruyu-v-ukrainu-postupaet-azerbaydzhanskiy-gaz/33496020.html>

11. Baku accused Russia of striking Azerbaijani targets in Ukraine (in Russian). - <https://hronika.kz/news/baku-obvinil-rossiyu-v-udarah-po-obektam-azerbajdzhana-v-ukraine/>

12. Gas pipeline in Ukraine continues to operate after Russian attack: Azerbaijani gas flows through it (in Russian). - <https://haqqin.az/news/356356>

13. Zohrabov, Farid, President Ilham Aliyev and Zelenskyy condemn Russia's targeted airstrikes on SOCAR oil depot in Ukraine. - <https://www.trend.az/azerbaijan/4079099.html>

14. Lepehina, Evgeniya, Aliyev Accuses Russia of Striking Azerbaijani Facilities in Ukraine (in Russian). - <https://rtvi.com/news/aliyev-obvinil-rossiyu-v-udarah-po-obektam-azerbajdzhana-na-ukraine/>

15. Aliyev's assistant clarified the situation with the help of Azerbaijan to Ukraine (in Russian). - <https://www.interfax.ru/world/1035078>

16. Javadov, Sadig, Ukraine thanks Azerbaijan for critical humanitarian aid. - <https://blacksea-caspia.eu/en/ukraine-thanks-azerbaijan-critical-humanitarian-aid>

17. Mustavayev, Zaur, Azerbaijan dispatches next humanitarian aid shipment to Ukraine containing electrical equipment. - <https://blacksea-caspia.eu/index.php/en/azerbaijan-dispatches-next-humanitarian-aid-shipment-ukraine-containing-electrical-equipment>

18. Pavlenko, Alyona, Ukraine expresses its deep

gratitude to President Ilham Aliyev for humanitarian aid. - <https://blacksea-caspia.eu/index.php/en/ukraine-expresses-its-deep-gratitude-president-ilham-aliyev-humanitarian-aid>

19. Mammad, Basti, Azerbaijan and Ukraine discuss current issues of partnership relations. - <https://blacksea-caspia.eu/index.php/en/azerbaijan-and-ukraine-discuss-current-issues-partnership-relations>

20. Garayev, Rashid, Russia hits SOCAR oil depot in Odessa in second drone attack. - <https://blacksea-caspia.eu/index.php/en/russia-hits-socar-oil-depot-odesa-second-drone-attack>

21. Ivanov, Alexey, "A great strike on the Azerbaijani

oil depot in Odessa" (in Russian). - https://zavtra.ru/events/otlichnij_udar_po_azerbajdzhanskoj_neftebaze_v_odesse

22. Ahmedova, Maryana, Ukrainian FM on Russian strike on SOCAR oil depot: Moscow acts against Azerbaijan's interests. - <https://blacksea-caspia.eu/index.php/en/ukrainian-fm-russian-strike-socar-oil-depot-moscow-acts-against-azerbaijans-interests>

23. Garayev, Rashid, Azerbaijani, Ukrainian Parliament Speakers hold phone conversation. - <https://blacksea-caspia.eu/index.php/en/azerbaijani-ukrainian-parliament-speakers-hold-phone-conversation>

Teodor D. DETCHEV (Bulgaria),

Ph.D., Associate Professor, Head of the Laboratory on the Issues of the
Black Sea and Caspian regions (LIBCR)
in Higher School of Security and Economics

TWO MONTHS THAT TURNED AZERBAIJANI – RUSSIAN RELATIONS UPSIDE DOWN

Summary. The article analyzes the recent sharp deterioration of Azerbaijan–Russia relations (completed 18.10.2025). It examines SOCAR's entry into the Middle East gas market as both a diversification of Azerbaijani exports and a geopolitical challenge to Russia. The potential future export of Israeli gas to Europe via Azerbaijani and Turkish infrastructure is considered, highlighting opportunities for EU energy diversification and threats to Gazprom's presence in Europe.

The significance of the Washington agreements between Azerbaijan, Armenia, and the USA is assessed, particularly in light of Russia's likely negative reaction and the personal implications for President Putin, including his loss of the "peace broker" role in the South Caucasus. Russia's real response to Azerbaijan's foreign policy, including the two attacks on SOCAR's Odessa oil depot and attempts to disrupt Azerbaijani gas supplies via the Trans-Balkan route, is analyzed, along with Azerbaijan's measured response and deepening ties with Kyiv. The article observes escalating tensions and diminishing restraints, including the triumphalist reaction of Russian military bloggers to the Odessa attack.

A forecast for Azerbaijan–Russia relations in the near and medium term is offered: while direct Russian military action is relatively unlikely, diversionary and sabotage measures remain possible. Russia may attempt to hinder the final peace treaty between Armenia and Azerbaijan, posing risks to Azerbaijan and to the energy security of Georgia, Turkey, Bulgaria, Greece, Italy, and Southeastern Europe. The author underscores the necessity for Bulgaria to adopt policy measures based on this understanding.

Теодор Д. ДЕЧЕВ (Болгария),

доктор социологии, доцент, руководитель Лаборатории по проблемам
Черноморского и Каспийского регионов (ЛПЧКР)
в Высшей Школе Безопасности и Экономики

ДВА МЕСЯЦА, КОТОРЫЕ ПЕРЕВЕРНУЛИ АЗЕРБАЙДЖАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Резюме. В статье анализируется резкое обострение отношений между Азербайджаном и Россией в последние месяцы (статья завершена 18.10.2025). Рассматривается выход SOCAR на рынок природного газа Ближнего Востока как диверсификация экспорта Азербайджана и как геополитический вызов для России. Обсуждается возможность будущего экспорта израильского газа в Европу через азербайджанскую и турецкую инфраструктуру как шанс для диверсификации энергоимпорта ЕС и как угроза возвращению «Газпрому» на европейские рынки.

Анализируются Вашингтонские соглашения между Азербайджаном, Арменией и США с учётом вероятной негативной реакции России и психологических аспектов утраты Путиным роли «миротворца» на Южном Кавказе. Рассматривается реальная реакция Москвы на внешнюю политику Азербайджана, включая атаки на нефтебазу SOCAR в Одессе и попытки прервать поставки газа по трансбалканскому маршруту. Отмечается хладнокровная реакция Баку и укрепление отношений с Киевом на фоне растущей враждебности России.

Прогнозируется дальнейшее развитие отношений Азербайджана и России: прямые военные действия маловероятны, но возможны диверсии и саботаж, а Россия может попытаться препятствовать подписанию окончательного мирного договора между Арменией и Азербайджаном. Это создаёт угрозу для Азербайджана и энергетической безопасности Грузии, Турции, Болгарии, Греции, Италии и всей Юго-Восточной Европы. Автор подчёркивает, что болгарская политика должна исходить из этого понимания.

Эмин ГАДЖИНСКИЙ (Азербайджан),
доктор философии по истории, доцент кафедры
Дипломатии и современных интеграционных процессов Бакинского
Государственного Университета

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Изучение современных международных конфликтов и путей их урегулирования ставит перед современной наукой задачу учитывать процессы, происходящие в современном мире. Одним из таких процессов является глобализация, которая, несомненно, оказывает огромное влияние на международные конфликты и их характер.

В наши дни учёные-политологи, представляющие различные теоретические направления в международных отношениях пытаются понять глобализацию, её противоречивые процессы и влияние на зарождение и развитие конфликтов в современном мире. Исследователи, занимающиеся вопросами мира и разрешения конфликтов, начали задаваться вопросом, что для них означает глобализация.

«Глобализация» стала общеупотребимым словом, поскольку широко воспринимается как катализатор, политических, социальных и экономических изменений. Этот термин в значительной степени заменил термин «экономическая взаимозависимость», который относится к серии международных событий, таких как глобальная интеграция экономических рынков и обществ. Считается, что первая волна глобализации усилилась после окончания холодной войны, что, возможно, поднимает вопросы о потенциальных причинно-следственных связях между ними. Возможная взаимозависимость между окончанием холодной войны и глобализацией всегда была предметом длительных и широко обсуждаемых дискуссий в академических кругах.

Падение Берлинской стены ознаменовало собой уникальный и значительный исторический период, сопряженный с напряженностью из-за географических связей, серьезных проблем безопасности, а также распределения власти и тактических диалогов по ядерному предотвращению между странами.

Начало XXI века ознаменовалось вступлением человечества в новую фазу конфронтации и гонки вооружений. Российский учёный А. Арбатов, оценивая глобальные процессы, подчёркивал, что они протекали «в условиях глубоко изменившегося миропорядка, революционных прорывов в области военных технологий и с новым поколением политических лидеров и элит, пораженных недугом национализма, милитаризма и исторического невежества» [1, с. 10].

Глобализации оказалась в большей степени связана с теорией модернизации, которая относится к многочисленным экономическим явлениям, включая deregulирование рынков капитала, либерализацию торговли, приватизацию активов, крупные трансграничные перемещения рабочей силы и ускорение прямых иностранных инвестиций в сочетании с сокращением расходов на связь и транспорт. Наряду с этими особенностями, аспекты глобализации подтверждают те же ценности, что и принципы капитализма, либеральной демократии, экономической взаимозависимости и мира во всех странах.

Однако глобализация вызвала неоднозначную реакцию. Ряд исследователей считают её ключевым фактором мира на планете земля, другие же утверждают, что она разжигает конфликты. По мнению, выдающегося политического деятеля, Г. Киссинджера, «мы живем в исторический период, когда налицо упорная, временами почти отчаянная погоня за ускользающей от общего понимания концепцией мирового порядка» [5, с. 10]. Человечеству угрожает и хаос, и беспрецедентная взаимозависимость, а стремительное внедрение новых технологий грозит усугубить и обострить привычные конфликты. Оценивая глобальные изменения в мире, Г. Киссинджер задаётся вопросом: «Неужели мы вступаем в новый период, когда будущее станут определять силы, не признающие ни ограничений, ни какого-либо порядка вообще?» [5, с. 10].

Представители либерального направления считают, что экономическая взаимозависимость способствует миру, в то время как структуралисты утверждают, что международные конфликты являются результатом глобализации. Таким образом, исследование глобализации и конфликтов всегда было предметом актуальных дискуссий среди политологов и экономистов. Так, например, видный французский политический деятель Жак Аттали рассматривают глобализацию как источник или фактор, способствующий возникновению конфликтов [3]. Британский экономист Ш. Лерш признаёт, что «...глобализация часто разрушительна и несправедлива по своим последствиям...» и что она «...создала новые проблемы для существующих государственных институтов...» [20]. С полной уверенностью мы

утверждать, что взаимосвязь между глобализацией и конфликтами сложна и до сих пор не обсуждалась в полной мере в литературе.

Несмотря на то, что глобализация считается важнейшим событием XXI века, существуют различные определения глобализации. Наиболее распространенное описание среди экономистов и политологов – это то, которое относится к росту мобильности рабочей силы, включая товары и услуги, через международные границы, что наблюдалось в период после Второй мировой войны. Соответственно, в этом контексте глобализация определяется как растущее взаимодействие рынков по всему миру, где рынки товаров, факторов производства и финансового капитала мобильны и могут легко пересекать границы стран [10].

XXI век – это эпоха взаимосвязанных и постоянно меняющихся обществ, и, по мнению американского политолога, сотрудника академического и аналитического центра Б. Барбьери, и профессора международной политики в Университете Констанца Дж. Шнайдер, эта интенсивность объясняется глобализацией. Тем не менее, можно сказать, что глобализация не нова, учитывая, что Европа и Китай уже сотни лет назад вели торговлю через «Шелковый путь», а также тот факт, что большое количество европейских стран уже к концу XIX века торговали с другими странами. Далее, они отмечают, что в этот период внешняя торговля превышала 30 процентов валового внутреннего продукта (ВВП) во многих европейских странах [26, с.35]. Их мнение опровергают учёные-экономисты А. Альберто, Э. Сполаоре и Вацизарг. Они утверждают, что это не может быть полностью относится к предпосылкам глобализации, поскольку приведённые показатели не являлись одинаковыми для всех стран, а применялись только к определённым государствам [8, с. 287].

Тем не менее, период с 1950-х до конца 1970-х годов ознаменовался усилением международной торговли, поскольку открытость к торговле в этот период заметно возросла. В 1967 году в Мичиганском университете, под руководством Д. Сингера, был запущен проект по систематизации научных данных о войнах «Корреляция войны» (Correlates of War). Данные проекта показывают, что в начале 1970-х годов наблюдалось ускорение мировой торговой активности, при этом импорт набирал обороты в конце 1970-х годов и в середине 1970-х годов, вплоть до 2006 года, превышал экспорт. Указывается, что торговля, которая имела место в эту эпоху, развивалась гораздо быстрее, поэтому многие считают этот период «эпохой глобализации» [4].

Данные «Корреляция войны» показывают, что многие страны, участвовавшие в периоды Первой и

Второй мировых войн, имели очень низкие объемы импорта. Однако торговая активность оживилась в послевоенный период, и это далее понимает Уильямсон, который утверждает, что послевоенная эпоха была значительно отмечена ускорением международной торговли, связанным со значительным снижением транспортных расходов [29, с.66].

Профессор экономики и политологии Калифорнийского университета (США) М. Д. Интрилигейтор считает, что экономические причины возникновения международных конфликтов являются наиболее распространенными. При этом необходимо учитывать, что большинство этих причин тесно связаны с процессом глобализации, и даже порождаются ею. Глобальные взаимосвязи чреваты и глобальными экологическими бедствиями, связанными, например, с всеобщими потеплением и изменением климата, широкомасштабными эпидемиями» [4].

Либеральный тезис о свободной торговле и мире утверждает, что страны, ориентированные на внешние рынки, с большей вероятностью будут развивать свою экономику быстрее, чем страны, ориентированные на внутренние рынки. В связи с этим экономики, принявшие подходы, ориентированные на внешние рынки, часто обеспечивают более высокий уровень благосостояния, и, согласно теории британского экономиста П. Коллиера и профессора кафедры исследований мира и конфликтов Упсальского университета А. Хегре, альтернативные издержки развязывания войны растут по мере роста благосостояния. Учёные подчеркивают тот факт, что более удовлетворённый человек редко будет восставать против своего правительства, что впоследствии будет способствовать укреплению мира [12, с.73]. Помимо этого, Дж.Хесс и А. Орфанидес [19, с.783], согласны, что военизированные конфликты оказывают серьезное разрушительное воздействие на экономическую деятельность и препятствует долгосрочным перспективам экономического роста. В поддержку этого аргумента целая группа учёных – Р. Глик и А. Тейлор; С. Бломберг и П. Хесс; утверждают, что межгосударственные споры существенно и негативно влияют на международную торговую практику и существенно затрудняют экономическое благосостояние [15, с.41].

Индийский экономист, лауреат Нобелевской премии А. Сен воспринимает конфликты как постоянное препятствие экономическому росту, развитию и возможностям, поскольку они регулярно дополняются нестабильными конфигурациями власти и несогласованностью распределения ресурсов, вытекающими из текущих интересов, стремлений, восприятий и ожиданий сторон. По мнению А. Сена,

конфликты, как правило, тормозят как социальное, так и экономическое развитие, поэтому крайне важно учитывать контекстуальную природу конфликта как с точки зрения инструментальных, так и внутренних вопросов, особенно в отношении процессов разработки политики развития, а также снижения прямой угрозы человечеству [28, с. 29].

Это обоснование было поддержано А. Шмидтом, научным сотрудником Международного центра по борьбе с терроризмом (ICCT) и директором Инициативы по исследованию терроризма (TRI), который утверждает, что конфликты представляют собой экономические проблемы, поскольку они могут уничтожать богатство быстрее, чем экономическое развитие может его создать, в то время как глобализация способствует развитию и укреплению демократического правления [27, с. 56].

Эти ученые представляли международную торговлю как ключевой фактор снижения вероятности вооруженных конфликтов посредством ее содействия миру между странами.

В конце XX века в научных кругах наблюдается рост теоретической литературы, которая проводит непосредственную связь между торговлей и конфликтами. Такие исследователи, как профессор общественных и экологических проблем в Университете Индианы в Блумингтоне, Р. Ревени [25, с.83]; американский политолог, сотрудник академического и аналитического центра Б. Барбьери, профессор международной политики в Университете Констанца Дж. Шнайдер; [9, с.389] профессор Университета штата Нью-Йорк С. Полачек [24, с.57], исследовавшие возможную взаимосвязь между торговлей и конфликтами, пришли к выводу, что некоторая форма связи действительно существует. Они утверждают, что глобализация способствует установлению миру, в то время как конфликты подрывают торговлю. Профессор кафедры исследований мира и конфликтов Уппсальского университета Х. Хегре также утверждает, что степень открытости торговли является надежным инструментом для смягчения конфликтов [18, с.12].

Политологи С. Бхаттачарья и Д. Томакос исследуя взаимосвязь между открытостью торговли и внутренними конфликтами в Латинской Америке, пришли к заключению, что увеличение открытости торговли подавляет интенсивность внутренних конфликтов, в то время как чрезмерная зависимость от экспорта сельскохозяйственной продукции поддерживает конфликты [11, с.78]. В тоже время, пропаганда антиглобалистской торговли ставит под сомнение получение экономических выгод от глобализации. Идеи либералов о положительной

взаимосвязи между интенсивностью торговли и сокращением войн также были подчеркнуты ведущими специалистами Калифорнийского университета З. Гарцке и Г. Ли. Они утверждают, что экономическая взаимозависимость повышает прозрачность между странами-участниками торговли, тем самым снижая вероятность конфликтов между этими странами [13, с.564].

Структуралистская школа мысли придерживается иного понимания, чем либералы, поскольку утверждает, что более открытая экономика с высокой вероятностью столкнется с конфликтами, поскольку открытость приводит к неравенству, которое затем провоцирует вооруженные конфликты. Структуралистскую точку зрения частично поддерживают Т. Гарцке и К. Ли, которые утверждают, что, несмотря на экономические преимущества открытости, некоторые политические лидеры всё ещё могут предпочесть военное насилие использованию тактики запугивания, которая может отпугнуть инвесторов. Т. Гарцке и О. Ли называют таких персонажей «решительными лидерами», которые выдвигают требования, несмотря на экономические последствия [13, с.567]. Эту точку зрения также поддерживают М. Маршалл и Дж. Голдстоун, которые утверждают, что внутренние конфликты являются побочными продуктами открытости. Они рассматривают деглобализацию (отход от мировой торговли) как потенциальный механизм снижения угроз, связанных с политическими спорами [22, с.9].

Американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Р. Милгром и американский политолог и экономист, профессор Стэнфордского университета В. Вайнгаст доказательства, что торговые соглашения, связанные как с двусторонними, так и с многосторонними процессами, недостаточны для снижения конфликтов. Они ссылаются на отсутствие практики в отношении обеспечения соблюдения прав собственности как на один из факторов, способствующих конфликтам. Учёные утверждают, что гильдии должны были быть созданы, чтобы предоставить торговцам платформу для коллективных и не маргинальных действий [23, с.14].

Вышеупомянутый А. Шмид утверждает, что послевоенный период создал институты, призванные способствовать дальнейшему развитию человеческого взаимодействия. В ходе этого взаимодействия возникают как возможности, так и ограничения. Взаимодействия также обеспечивают человечеству порядок и предсказуемость, что позволяет обществам работать вместе, учитывая, что это влияет на их убеждения и предпочтения. А. Шмид предполагает, что такой тип среды предоставляет возможности либо для сотрудничества, либо для конфликтов. Это связано с

тем, что взаимозависимость подвергает субъекты воздействию различных уровней власти, которые часто становятся конфликтами в фазе ограниченных возможностей. А. Шмид отмечает, что более высокая власть по сравнению с богатыми предоставляет им лучшие возможности, поскольку они могут легко распоряжаться ресурсами по сравнению со своими коллегами [27, с.48].

Профессор университета Стерлинга Б. Лоасби отмечает, что институты — это механизмы, направленные на снижение неопределенности, поскольку они, как правило, обеспечивают эффективность познания ограниченных ресурсов [21, с.32]. В результате, делается предположение, что отсутствие хороших институтов создает дисбаланс ресурсов и беспорядок, что еще больше разжигает хаос и конфликты. Т. Кэплу, Д. Хикс и В. Ваттернберг дают представление о человеческих взаимодействиях, указывая на то, что отношения между людьми выходят за рамки простого инструмента, но также способствуют формированию типа локальности, которую создают общества. Например, неблагополучное общество может способствовать преступности, употреблению наркотиков, грубой силе и даже конфликтам [14, с.58]. В этой связи А. Шмид утверждает, что институты следует воспринимать не только как организации, нацеленные на решение обязательств и проблем координации обществ, но и как платформу, которая позволяет людям создавать отношения с минимальным уровнем конфликтов или споров.

Такую же позицию занимают Е. Хафнер-Бертон и А. Монтгомери, которые утверждают, что торговые институты, соответственно, могут играть значительную роль в процессах содействия миру, поскольку они предоставляют платформу для неоднократного взаимодействия правительств друг с другом, следовательно, устранив любые элементы недоверия и неправильного восприятия [17, с. 99]. Такие исследователи, как Д. Асемоглу и Дж. Робинсон, утверждают, что институты, созданные в результате процесса глобализации, как правило, минимизируют поляризацию доходов и неравенство, что затем ослабляет напряженность между богатыми и бедными. Снижение напряженности считается ключевым фактором, ограничивающим активное участие бедных слоев населения в голосовании за политику, благоприятствующую экономическому росту и перераспределению [7, с.71].

Следует также подчеркнуть, что конфликты не только снижают объем торговли, но и отпугивают потенциальных торговых партнёров. Тем не менее, существует распространенный аргумент, что международная торговля сводит к минимуму

возникновение конфликтов, учитывая, что потенциальные убытки от торговли подавляют готовность участвовать в любой форме конфликта. Такое восприятие впоследствии способствовало формированию региональных торговых блоков и это подтверждается современной мировой торговой системой.

Современный международный порядок все чаще сталкивается с парадоксом и его успех зависит от торжества глобализации. Однако этот процесс вызывает политическую реакцию, которая часто противоречит его идеям. «У менеджеров экономической глобализации мало оснований и возможностей заниматься политическими процессами, — отмечал Г. Киссинджер. — Еще меньше стимулов у тех, кто управляет политическими процессами: зачем рисковать имеющейся поддержкой внутри страны, приближая экономические или финансовые проблемы, сложность которых в состоянии понять разве что эксперты?» [5, с. 479]. Справедливым дополнением к этим словам становится вывод У. Бека о том, что у глобализации не оказалось политической программы, то есть возникает глобально дезорганизованный капитализм, но не существует никакой гегемонистской власти и никакого международного режима — ни экономического, ни политического.

«Функционирующая в глобальных масштабах экономика, — подчеркивает У. Бек — подрывает основы национальной экономии и национальных государств. Тем самым, открывается путь субполитизации совершенно нового размаха и с непредсказуемыми последствиями» [3 с. 10–11].

Глобализация оказалась политически неоформленной: глобальный неолиберализм исключил политическое начало, сведя его к рыночному экономизму.

По мнению Р. Дарендорфа, большие конфликты XX в. в настоящее время исчерпаны. «Описываемые в социальных категориях классовой борьбы, в экономических понятиях конфликтов между рынком и планом, в политических понятиях противоположности современных и досовременных форм правления или в международных категориях войн между первым и вторым миром они больше не описывают новую реальность мира, ставшего глобальным. Драма истории в наступившем столетии с высокой степенью вероятности найдет для себя другие темы» [16. 243]. По нашему мнению, ими могут стать национализм и фундаментализм как технология массовой мобилизации в руках тех, кто постарается использовать их для удовлетворения собственной жажды власти.

В заключение следует подчеркнуть, что мировое сообщество должно осознать значимость

высоко развитых и эффективных форм глобального управления рисками и возможностями глобализации.

Глобальное сотрудничество на основе создания формальных или неформальных международных институтов представляет важный механизм для решения проблем, порождаемых процессом глобализации. С его помощью можно достичь стабильности в глобальном мире, привести повсеместно к экономическому росту, осуществить переход к рынку в бывших социалистических странах, ускорить развитие наиболее бедных государств, а также решить проблемы глобализации, носящие неэкономический характер.

Библиография:

1. Арбатов А.Г. "Диалектика судного дня: гонка вооружений и их ограничения." *Полис. Политические исследования*, 2019, № 3, с. 27–48.
2. Бек У. Что такое глобализация? / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника. – Москва: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
3. Аттали, Жак На пороге нового тысячелетия. – <https://lit.life.club>
4. Интрилигетор Д.М. Глобализация как источник международных конфликтов и обострения конкуренции. - http://vasilieva.narod.ru/ptpu/7_6
5. Киссинджер Г. Мировой порядок. – Москва: Издательство ACT, 2017. – 512 с.
6. Статистические методы. Проект "Корреляции войны". - vuzlit.com/2045092/statisticheskie_metody
7. Acemoglu, D. & Robinson, J. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
8. Alesina, Alberto, Spolaore, Enrico, & Wacziarg Romain. "Economic Integration and Political Disintegration". *American Economic Review*, 2000, 90 (5): 1276–1296, DOI: 10.1257/aer.90.5.1276
9. Barbieri, K. & Schneider, G. "Globalization and Peace: Assessing New Directions in the Study of Trade and Conflict." *Journal of Peace Research*, 1999, 36 (4), pp. 387-404.
10. Bardhan P., Bowles S., Wallerstein M. Globalization and Egalitarian Redistribution. - Princeton University Press, 2006.
11. Bhattacharya, S & Thomakos, D. "Trade, Openness and Domestic Conflict: An Empirical Investigation For Latin America". *Economics of Peace and Security Journal, EPS Publishing*, June, 2006, vol. 2(2), pp. 77-80.
12. Collier, P. & Hoefer, A. "Greed and Grievance in Civil War". *Quarterly Journal of Economics*, 2002, 117.
13. Gartzke, E. & Li, Q. "War, Peace, and the Invisible Hand: Positive Political Externalities of Economic Globalization". *International Studies Quarterly*, 2003, 47(3), pp. 561-586.
14. Caplow, T., Hicks, L., & Watterberg, B.J. *The First Measured Century: An Illustrated Guide To Trends In America, 1900-2000*. - Washington Dc: Aei Press. 2001.
15. Glick R. & Taylor, A. "Collateral Damage: Trade Disruption and the Economic Impact of war." *Nber Working Paper*, 2005, No. 115652005.
16. Dahrendorf R. *Der Wiederbeginn der Geschichte. Vom Fall der Maezumo KriegimIrak. Reden und Aufsatze.* – München: C.H. Beck Verlag, 2004. – 350 p.
17. Hafner-Burton, E. & Montgomery, A. "War, Trade, And Distrust: Why Trade Agreements Don't Always Keep The Peace". *Conflict Management And Peace Science*, 2012, 29(3), pp. 257–278.
18. Hegre, H. "Development and the Liberal Peace: What Does It Take To Be A Trading Syndrome". *Journal of Peace Research*, 2000, 37(1), pp. 3–30.
19. Hess, G. & Orphanides, A. "War and Democracy". *Journal of Political Economy*, 2001, 109(4), pp. 776-810.
20. Lerche C. O. "The Conflicts of Globalization". *The International Journal of Peace Studies*, 1998, Vol. 3, № 1. - <http://www.gmu.edu/>
21. Loasby, B. Knowledge, Institutions, and Evolution in Economics. *The Graz Schumpeter Lectures*, 2. - London: Routledge, 1999.
22. Marshall, M. & Goldstone, J. "Global Report on Conflict, Governance, and state Fragility-2007". *Foreign Policy Bulletin*, Winter 2007, pp. 3-21.
23. Milgrom, P., & Weingast, B. "Coordination, Commitment and Enforcement: The Case of The Merchant Guild". *Journal of Political Economy*, 1994, 102 (4), pp. 12 -50.
24. Polacheck, S. W. "Conflict and Trade". *Journal of Conflict Resolution*, 1980, 24(1), pp. 55–78.
25. Reuveny, R. The Trade and Conflict Debate: A Survey Of Theory, Evidence and Future. – 2000.
26. Schneider G., Barbieri K., Kleitsch N. *Globalization and Armed Conflict*. - Bloomsbury Academic, 2003. - 365 p.
27. Schmid, A. *Conflict and Cooperation. Institutional and Behavioral Economics*. - United Kingdom: Mpg Books, Bodmin, Cornwall, 2004.
28. Sen, A. *Development as Freedom*. - New York: W.W. Norton, 1999.
29. Williamson, J. "Winners and Losers Over Two Centuries of Globalization". *Cambridge, Ma: National Bureau of Economic Research*, Working Paper 9161, 2002.

Emin HAJINSKI (Azerbaijan),
doctor of history, associate professor of the department of
Diplomacy and modern integration processes
of the Baku State University

GLOBALIZATION AS A SOURCE OF CONFLICT: A THEORETICAL ANALYSIS

Summary. The generalization of theoretical approaches and perspectives on conflicts indicates that globalization has become a significant real aspect of the contemporary world system and one of the most influential forces shaping the future trajectory of our planet's development. It affects all spheres of social life, including the economy, politics, the social domain, culture, ecology, and security. However, globalization encompasses both positive and negative dimensions. Its negative impact is associated with conflicts, which have emerged as a defining phenomenon of modern social practice. The conceptual and theoretical interpretation of the origins of the conflict-generating influence of globalization processes on the formation of a new international order lies in identifying the potential problems and adverse consequences of globalization.

Эмин ГАДЖИНСКИЙ (Азербайджан),
доктор философии по истории, доцент кафедры
Дипломатии и современных интеграционных процессов Бакинского
Государственного Университета

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК КОНФЛИКТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Резюме. Обобщение теоретических подходов и взглядов на конфликты указывает, что глобализация стала важным реальным аспектом современной мировой системы, одной из наиболее влиятельных сил, определяющих дальнейший ход развития нашей планеты. Она затрагивает все области общественной жизни, включая экономику, политику, социальную сферу, культуру, экологию, безопасность. Однако глобализация содержит как позитивные, так и негативные аспекты. Ее негативное влияние связано с конфликтами, которые стали современным явлением социальной практики. Идейно-теоретическое осмысление истоков конфликтогенного влияния процессов глобализации на формирование нового международного порядка состоит в выявлении потенциальных проблем и негативных последствий глобализации.

Nasrin SULEYMANLI (Azerbaijan),

doctor in political science, associate professor of the department
of International relations and foreign policy of the
Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Azerbaijan

AZERBAIJAN'S GROWING ROLE AND DIRECTIONS IN ENSURING INTERNATIONAL ENERGY SECURITY

One of the main directions of partnership between the Republic of Azerbaijan and the European Union is energy security. Recently energy security has become a priority issue for Europe, and Azerbaijan — with abundant hydrocarbon resources and routes to global markets — is an important partner in this field. Consequently, energy security is a key component of Azerbaijan–EU cooperation. Western actors consider Azerbaijan one of their significant energy suppliers. [9, p.564]

The Memorandum of Understanding on Strategic Partnership in the Energy Field, signed during President Ilham Aliyev's visit to Brussels on 7 November 2006, expanded the energy dialogue. Its aims include securing and diversifying EU energy supplies, developing and modernizing Azerbaijan's energy infrastructure, improving energy efficiency, and promoting renewable energy use. At the meetings, European Commission President José Manuel Barroso and High Representative Javier Solana emphasized the importance of relations with Azerbaijan and regarded the new Neighbourhood Policy as a new phase in cooperation. [11, p.248]

Therefore, a broad and multifaceted cooperation base exists between Azerbaijan and the EU; José Manuel Barroso's visit to Azerbaijan in 2011 demonstrated this dynamic development and the success of Azerbaijani foreign policy [12, p.111].

The official visit of European Commission President José Manuel Barroso to Azerbaijan featured extensive discussions on energy security, political and economic cooperation, and new prospects for Azerbaijan–EU relations. It was emphasized that such visits provide fresh momentum to bilateral ties and help strengthen cooperation with EU institutions, demonstrating both sides' interest in deepening relations.

At the press conference, President Ilham Aliyev described the talks as comprehensive and constructive, noting that the parties discussed economic cooperation, political reforms, regional security, diversification of energy transportation routes, and the settlement of the Armenia–Azerbaijan Nagorno-Karabakh conflict. He underlined the shared intention to further strengthen the partnership in the coming years.

During the visit, the signing of the Joint Declaration

on the Southern Gas Corridor, the Memorandum of Understanding on the 2011–2013 National Indicative Program, and the Memorandum on the institutional capacity-building framework confirmed the mutual interest in expanding cooperation.

Ultimately, strengthening ties between the EU and Azerbaijan serves the interests of both sides [26]. The EU seeks a safer and more sustainable energy network, launching efforts to reduce dependence on single external suppliers—particularly Russia—by creating new routes and diversifying production sources [4, p.512]. Given Europe's high energy demand, the search for alternative suppliers is fully logical. Russia remains an important partner, yet it would be incorrect to assume that this partnership is exclusively positive [14].

Against this background, the European Union turned to alternative energy suppliers, identifying Azerbaijan as its most reliable partner. To understand this reliability, it is essential to consider the historical foundations of Azerbaijan's energy policy.

After the adoption of the Constitutional Act on Independence, international interest in Azerbaijan's natural resources increased, and the Caspian basin attracted global attention alongside Russia and Iran. Independence created favorable conditions for new regional partnerships, largely due to the Caspian's rich hydrocarbon reserves and the region's geopolitical importance. For Europe, the United States, Russia, and major Asian states, Azerbaijan was regarded as a key regional actor because of its geopolitical position and energy resources. From 1993 onwards, expanding economic ties and energy cooperation with European, regional, and U.S. partners became one of Azerbaijan's foreign policy priorities [8, p.550].

In October 1993, Heydar Aliyev declared Azerbaijan's readiness to cooperate with states interested in its oil resources. His strategy aimed to involve Western countries, the United States, Japan, as well as regional powers such as Russia, Turkey, and Iran. The reasons included the limited ability of a newly independent state to exploit oil and gas fields alone, the need for foreign investment and modern technology, incomplete consolidation of sovereignty, the occupation of Azerbaijani territories, and the necessity to balance Russia's and Iran's

positions on the division of the Caspian Sea. Building international partnerships was also critical amid the conflict with Armenia.

Western Europe and the United States were the first to show interest in Azerbaijan's hydrocarbon resources. Azerbaijan, in turn, sought to strengthen its independence, implement socio-economic reforms, convey the truth about the Nagorno-Karabakh conflict to the global community, and pursue joint projects with Russia, Turkey, Iran, Ukraine, and Georgia regarding the use of Caspian oil. Ensuring neutrality of some states and aligning others' interests with Azerbaijan's national priorities was of strategic importance [5, pp.551–552].

These developments culminated in the signing of the “Contract of the Century” on 20 September 1994 at the Gulustan Palace between SOCAR and a consortium of foreign companies, concerning the joint development of Caspian offshore oil fields [6, p.11]. The agreement covered the exploration and development of the deep-water sections of the Azeri, Chirag, and Gunashli fields; 80% of the net revenues were allocated to Azerbaijan and 20% to the investors.

National Leader Heydar Aliyev clearly understood that the “Contract of the Century” would lay the foundation for a new stage in Azerbaijan's independence. Prioritizing sovereign statehood and pursuing balanced domestic and foreign policies, he ensured the successful implementation of this landmark agreement.

After the signing, the key issue became the safe and efficient transportation of Azerbaijan's oil resources to global markets. The first export route, the Baku–Novorossiysk pipeline, was formalized on 18 February 1996 in Moscow. Russia recognized Azerbaijan's full ownership rights over its oil in the second clause of the agreement, and in 1997 Azerbaijani oil began reaching world markets via the northern route. The launch of this pipeline underscored the need for additional export options, reducing the risk of economic dependence on any single country.

The next important step toward building an East–West energy corridor was the Baku–Supsa pipeline. An agreement was reached on 8 March 1996 in Tbilisi, and the project envisaged transporting oil from the Azeri, Chirag, and Gunashli fields. Operational since 1999, Baku–Supsa provided two major advantages: it enabled the export of “Azeri Light” crude and offered lower transportation costs compared to the Baku–Novorossiysk route. The emergence of this new alternative further strengthened Azerbaijan's energy security.

Another strategic aspect of the project was the establishment of a foundation for Azerbaijan–Georgia energy cooperation. The commissioning of Baku–Supsa paved the way for major regional projects such as the Baku–Tbilisi–Ceyhan (BTC) and Baku–Tbilisi–Erzurum pipelines.

Its safe and efficient operation also increased investor confidence and encouraged foreign investment.

After the BTC pipeline reached full operational capacity, the Baku–Novorossiysk route continued to be used mainly for transporting oil produced by SOCAR and its joint ventures with foreign partners. “Transneft” operates the Russian segment of the pipeline, while SOCAR operates the Azerbaijani section.

The signing of the “Contract of the Century” initiated a fundamental transformation in Azerbaijan's economy. The modernization of the “Chirag-1” platform to Western standards in 1995, the installation of new drilling equipment, and the export of the first profit oil in 1999 were key milestones. Although the Baku–Novorossiysk and Baku–Supsa routes were operational, there was a pressing need for a new pipeline capable of transporting larger volumes to Europe.

Heydar Aliyev persistently negotiated with world leaders, government heads, and oil company executives to implement a strategic trans-communication corridor through Turkey — the BTC pipeline. Despite opposition from various actors attempting to promote alternative routes, the support of the United States, the unity of Azerbaijan, Turkey, and Georgia, and the unwavering determination of the National Leader turned BTC into reality — a project many had once deemed impossible.

At the 1999 OSCE Istanbul Summit, with the participation of U.S. President Bill Clinton, the Presidents of Azerbaijan, Turkey, and Georgia — Heydar Aliyev, Süleyman Demirel, and Eduard Shevardnadze — signed the agreement on the Baku–Tbilisi–Ceyhan (BTC) pipeline. The agreement held strategic importance for strengthening Azerbaijan's cooperation with European states and enhancing its regional influence. The foundation of the BTC project was laid on 18 September 2002, and the pipeline was put into operation on 13 July 2006. It became a crucial energy bridge linking Azerbaijan to the West, while the united position of Azerbaijan, Georgia, Turkey, the United States, and the EU on oil transportation significantly contributed to regional security cooperation.

The realization of the BTC — bearing the name of National Leader Heydar Aliyev — represented a key outcome of his long-term oil strategy. Often called the “Legend of the Three Seas,” and one of the world's largest export pipelines, BTC strengthened Azerbaijan's role in Europe's energy security and deepened both economic and political ties. Strategically, it boosted Azerbaijan's position in Eurasia and made the country a leader in the South Caucasus. In the future, the pipeline will not only transport Azerbaijani oil to global markets but also serve as a major energy corridor for Turkic and Silk Road states. The project has played a significant role in shaping new international partnerships and reinforcing Azerbaijan's foreign policy.

On 7 November 2006, the European Union and Azerbaijan signed the Memorandum of Understanding on a Strategic Partnership in the Field of Energy, forming one of the key legal foundations of their energy relations. The memorandum defined four priorities: approximation of Azerbaijani legislation to EU standards; strengthening energy security from the Caspian to Europe; developing comprehensive energy management and renewable energy policy in Azerbaijan; and enhancing technical exchange and cooperation. Ensuring the EU's energy diversification and supporting the modernization of Azerbaijan's energy sector constituted the main goals of the memorandum.

The memorandum played an important role in deepening cooperation with the Euro-Atlantic community, primarily by promoting projects aimed at transporting Caspian energy resources to Europe and thus reinforcing EU energy security.

Azerbaijan was also the initiator of the first alternative gas export route from the Caspian basin to Europe — the Baku–Tbilisi–Erzurum (BTE) pipeline. This strategically important project opened new export routes for global gas markets. The significance of BTE has grown further amid Europe's efforts to reduce its dependence on Russian natural gas and the discovery of major new gas fields in the Azerbaijani and Turkmen sectors of the Caspian Sea.

The implementation of the Baku–Tbilisi–Erzurum (BTE) gas pipeline was accompanied by several key historical steps. On 12 March 2001, during Heydar Aliyev's official visit to Türkiye, an agreement on supplying Azerbaijani gas to Türkiye was signed. On 29 September the same year, Azerbaijan and Georgia concluded a transit and transportation agreement in Baku. The pipeline, with a capacity of 20 bcm and a length of 971 km, quickly became a project of strategic importance [21].

Initially designed to deliver gas from the Shah Deniz field to Georgia, Türkiye and later Europe, the BTE pipeline became operational in 2006. From late 2007, it connected with the Türkiye–Italy gas system, providing direct access to European markets. This significantly strengthened Azerbaijan's geopolitical position within the East–West energy corridor [7, p.153].

The launch of Shah Deniz-1 and BTE improved energy security for both Azerbaijan and Georgia. Russia, which had long dominated regional energy flows, viewed this alternative route with concern, fearing the loss of its ability to purchase Caspian gas at low prices and exert political pressure. Its 2003 agreement to buy almost all Turkmen gas at domestic Russian prices until 2009 illustrated this approach, similar to its practices with Kazakhstan and Uzbekistan.

The IV Energy Summit held in Baku in November 2008 reaffirmed international support for alternative routes

delivering Caspian gas to Europe. The summit stressed the importance of EU–Azerbaijan cooperation under the Southern Gas Corridor, and its final declaration supported Azerbaijan's role in European energy security. The Energy Summit in Budapest in January 2009 marked another step forward [7, pp.154-155].

The Shah Deniz field not only met domestic demand but transformed Azerbaijan into a gas exporter. International cooperation and regional coordination ensured the smooth implementation of the project. BTE also paved the way for the Shah Deniz Phase 2 development and the construction of TANAP and TAP, which enabled large-scale gas exports to Europe and further increased European interest in Azerbaijan's gas resources.

<https://www.sgc.az/az>

The commissioning of the Baku–Tbilisi–Erzurum (BTE) pipeline initiated a new stage in the Caspian region's alternative gas export strategy. It enabled the safe and independent delivery of Caspian gas to Europe, altering the region's previous geopolitical balance and providing producer countries with export routes less dependent on Russia. The project also stimulated the development of future pipelines essential for Europe's energy security.

On 14 September 2017, a renewed agreement on the joint development of the Azeri, Chirag and Guneshli (ACG) fields was signed in Baku by SOCAR, BP, Chevron, Inpex, Itochu, Statoil, ExxonMobil, TP and ONGC Videsh. BP remained the operator, and the Azerbaijani Parliament ratified the agreement on 31 October. Under the new terms, Azerbaijan's stake increased from 11% to 25%, and the share of profit oil allocated to the country was set at 75%, ensuring strong protection of national interests [2, pp.252–253].

The new contract, signed on the 23rd anniversary of the “Contract of the Century,” extended the development of the ACG block until 2050. President Ilham Aliyev emphasized that both the 1994 contract and the renewed agreement fully aligned with national interests. Foreign partners are expected to pay Azerbaijan a \$3.6 billion bonus, with SOCAR's AzACG company participating as a contractor [1, pp. 368–369].

The “Contract of the New Century” became a turning point in Azerbaijan's statehood, strengthening the country's international reputation and consolidating its role as a

reliable energy partner. This success is rooted in Heydar Aliyev's oil strategy and has been effectively continued by President Ilham Aliyev.

Azerbaijan's rich energy resources significantly increased its importance for the European Union, particularly as an alternative supplier reducing the EU's dependence on Russian energy. With future pipeline projects and expanded transit opportunities under China's “Belt and Road Initiative,” Azerbaijan is poised to become a key hub for both energy and broader cargo transit.

The achievements of the 1994 “Contract of the Century” carry through to today's energy initiatives. The Southern Gas Corridor strengthened regional cooperation and reinforced Azerbaijan's credibility as a dependable partner. Throughout the process, Azerbaijan has maintained a balanced approach in its cooperation with both Russia and Western states.

Before the Southern Gas Corridor, the NABUCCO project was widely discussed but failed due to insufficient financing and the withdrawal of Kazakhstan and Turkmenistan under Russian pressure. In contrast, the successful implementation of TANAP and TAP demonstrated Azerbaijan's strong national will and its capability to implement large-scale strategic projects [13]. The signing of the declaration and subsequent construction of TANAP and TAP marked the key stages of this major initiative [2, pp. 251–252].

The Southern Gas Corridor (SGC) consists of four main segments: the full development of the Shah Deniz gas-condensate field, the expansion of the South Caucasus Pipeline (SCPX), the Trans-Anatolian Pipeline (TANAP), and the Trans-Adriatic Pipeline (TAP).

On 26 June 2012, key terms for gas export via TANAP were agreed. Together with Shah Deniz-2, SCPX, and TAP, TANAP forms the integrated Southern Gas Corridor [17, p. 153].

On 28 June 2013, the Shah Deniz consortium selected TAP for exporting Azerbaijani gas to Europe. TAP was preferred over NABUCCO-WEST due to its shorter route, which reduced costs. The final investment decision for Shah Deniz-2 was signed on 17 December 2013, and the foundation-laying ceremony took place in 2014. President Ilham Aliyev emphasized the project's strategic importance for Europe's energy map and its broad benefits for participating states [7, pp. 161–164].

By transporting oil and gas through Turkey to Europe, Azerbaijan secured efficient export routes and strengthened Turkey's strategic position. Neighboring states, including Georgia, Turkey, and several European countries, also benefit from the project [19].

During the 2014 foundation ceremony, Bulgarian President R. Plevneliev highlighted the pipeline's role in reducing Europe's energy dependence. Some political

parties and NGOs attempted to obstruct the project citing environmental and cultural heritage concerns, similar to the BTC construction phase.

The Southern Gas Corridor (SGC) ensures the safe and efficient transport of Caspian gas to Europe, comprising the Shah Deniz field, the South Caucasus Pipeline, TANAP, and TAP.

In 2014, the South Stream and Turkish Stream projects were halted by the EU and Turkey. President Ilham Aliyev established a Consultative Council of energy ministers to oversee the project, held annually since 2015 [22].

The official inauguration took place on 29 May 2018 at the 25th Caspian Oil & Gas Exhibition, where President Aliyev highlighted the project's strategic role in energy security [20].

TAP was completed in 2020, and TANAP in 2019, providing Azerbaijan with a key route for gas exports to Europe, enhancing European energy security, and boosting Azerbaijan's international influence [23, 25].

The project positions Azerbaijan as a strategic transit country, strengthens diplomatic ties with major powers, increases state budget revenues, and consolidates Azerbaijan's role as a stable, resource-rich, and economically growing partner in the region.

In 2021, Azerbaijan and the European Union highlighted energy security as a key priority. Since 2015, the Southern Gas Corridor (SGC) Consultative Council has held annual meetings in Baku, with nine sessions from 2015 to 2023; in 2023, the Green Energy Consultative Council was also organized [21].

In November 2023, a strategic partnership meeting took place in Budapest between Azerbaijan, Georgia, Hungary, and Romania on green energy development and transmission. By 2024, gas supply to Europe reached 12.9 billion m³, a 57% increase compared to 2021.

The April 2025 SGC Council meeting noted that the corridor currently supplies gas to 12 countries, with plans for further expansion [27]. Six new wells at the Shah Deniz field are planned in 2025, aiming to double European gas exports to 20 billion m³ by 2027.

Baku hosted the COP29 Climate Summit in 2024. Azerbaijan presented initiatives on energy agreements, green energy corridors, and hydrogen zones. In April 2025, the SGC and Green Energy Council highlighted the integration of 1.5 GW of new renewable energy projects into the grid by 2030 and emphasized affordable gas transit. Additionally, Azerbaijan, Georgia, Turkey, and Bulgaria signed a memorandum of understanding on a joint Green Energy Corridor [27].

In June 2024, a memorandum on partnership in green energy projects was signed between Azerbaijan, Hungary, Georgia, and Romania. This multilateral agreement opened

new opportunities for the integration of regional energy infrastructure.

Today, Azerbaijan is not only a strategic gas supplier for Europe but also a regional leader in green energy transit. Revenues from the oil and gas sector support economic diversification and infrastructure development. With planned volume increases by 2025 and the financing of new energy corridors, Azerbaijan–EU relations are expanding and deepening beyond the gas sector. Through energy diplomacy, the country is strengthening its regional and global influence.

Conclusion

EU–Azerbaijan relations are developing within the context of new geopolitical realities. As a result, one of the main pillars of the partnership between the Republic of Azerbaijan and the European Union is energy security, with the Southern Gas Corridor serving as an alternative energy supply route for the EU. Azerbaijan is also interested in exporting its gas to the European Union. Despite its location in a complex geopolitical environment, Azerbaijan’s energy strategy, originally laid by the National Leader Heydar Aliyev, is being successfully implemented by President Ilham Aliyev through foresight, effective decision-making, and a coordinated action plan. This foreign policy course has positioned Azerbaijan as a reliable partner both regionally and globally.

Azerbaijan’s growing role in the global energy system, its unique place in transnational energy markets, and its active participation in Europe’s energy security significantly strengthen its global, regional, geopolitical, and geoeconomic standing. Relations between Caspian littoral states, particularly Azerbaijan, and Europe based on energy resources will remain relevant and important for many years. Currently, seven countries participate in the Southern Gas Corridor: Azerbaijan, Georgia, Turkey, Bulgaria, Greece, Albania, and Italy. Bosnia and Herzegovina, Croatia, and Montenegro have expressed interest in joining the project, and Azerbaijan views this positively. This development is also expected to boost trade turnover between these countries and Azerbaijan.

Bibliography:

1. Azərbaycan neftinin dünya bazarlarına nəqli, Azərbaycan Respublikası Prezidentinin İşlər İdarəsinin Prezident Nazirliyinin rəsmi saytı: <https://files.preslib.az/projects/centurycontract/gl3.pdf>
2. Babaoğlu H. Xarici siyaset. - Bakı: ELM, 2019. - 256 s.
3. Əliyeva R. Beynəlxalq iqtisadi münasibətlər (dərs vəsaiti). - Bakı: Elm və təhsil, 2011. - 198 s.
4. Fətəliyev M., Qasımlı M. Avropa və Amerika ölkələrinin müasir tarixi. II hissə. - Bakı: Adiloglu, 2008. - 312 s.
5. Həsənov Ə. Müasir beynəlxalq münasibətlər və Azərbaycanın xarici siyaseti. Dərslik. - Bakı: Azərbaycan nəşriyyatı, 2005. - 224 s.
6. Heydər Əliyevin neft strategiyası, Azərbaycanın müstəqilliyi və rifahı naminə. I hissə. Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Kabinetliyi. - 180 s.
7. Həsənov Ə. Xəzər-Qara Dəniz Hövzəsi və Cənubi Qafqazın Geoİqtisadiyyatı: Azərbaycanın Enerji Siyaseti. - Bakı: Zərdablı LTD MMC, 2016. - 288 s.
8. Hüseynli B. Azərbaycanın Enerji Strategiyasının Təhlili: müstəqillikdən gələcəyə analitik bir yanaşma, 2023. - https://www.researchgate.net/publication/372658396_Azərbaycanın_Enerji_Strategiyasının_Thlili_Mustqillikdn_Glcı_Analitik_Bir_Yanaşma
9. Mahmudov Y. M., Şükürov K.K. Azərbaycan: beynəlxalq münasibətlər və diplomatiya tarixi (dövlətlərəsərə müqavilələr və digər xarici siyaset aktları). 4 cild. - Bakı, 2009. - 402 s.
10. Mehdiyev Ə. “Enerji Resurslarının Nəqlində Azərbaycan-Türkiyə Əməkdaşlığı: “Nabukko”dan “Cənub Qaz Dəhlizi”-ə”. *Atatürk Araşdırma Merkezi Dergisi*, 2018, 34(1), 25 s.
11. Papava V. “Qafqaz tandemi”nin yaradılması və inkişafı.” *Azerbaijan Focus jurnalı*, Bakı, 2009, No 1. 32 s.
12. Kalkan D. Azerbaijan in the energy security of the Balkans. - <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/2857867>
13. Jamalov R., Alizade T. Energy security and energy union perspectives for Azerbaijan. - https://cesd.az/new/wp-content/uploads/2015/11/Energy_security_and_Energy_union_perspectives_for_Azerbaijan_CESD_Policy_Paper.pdf
14. Иванов О. Энергетическая безопасность ЕС. Мир и политика. - <http://mir-politika.ru/1318-energeticheskaya-bezopasnost-v-es.html>
15. Azərbaycanın enerji siyaseti qərb mətbuatında. Azərbaycan Respublikasının Nazirlər Kabinetinə yanında Tərcümə Mərkəzi. - Bakı, 2015, s. 12.
16. Azərbaycan Respublikasının Energetika Nazirliyinin rəsmi saytı: Neftin nəqli. - <https://minenergy.gov.az/az/neft/baki-novorossiysk-neft-kemeri>
17. Azərbaycan Respublikasının xarici siyasetinin əsas istiqamətləri (1991-2016)/məqalələr toplusu/. - Bakı: Poliart MMC, 2017. - 360 s.
18. Azərbaycan Respublikasının İqtisadiyyat Nazirliyinin rəsmi saytı: Avropa İttifaqı və Azərbaycan enerji əməkdaşlığı. - <https://www.economy.gov.az/article/eu-ve-azerbaidjan/22009>
19. Azərbaycan Respublikasının Prezidenti yanında Strateji Araşdırma Mərkəzi/məqalələr toplusu/. - Bakı: Poliart MMC. - 275 s.

20. Azərbaycanın enerji diplomatiyası regional təhlükəsizliyə, beynəlxalq əməkdaşlığa və milli maraqlara xidmət edir. - <https://president.az/az/pages/view/azerbaijan/contract>
21. Baki-Tbilisi-Ərzurum boru kəməri Azərbaycanı dünyada həm də qaz ixracatçısı kimi tanıdı. - https://azertag.az/xeber/Elchin_Ahmedov_Azerbaycanin_en_enerji_diplomatiyasıRegional_tehlukesizliye_beynelxalq_eme_kdasliga_ve_milli_maraqlara_xidmet_edir-1431803?ysclid=l3laexdvme
22. Cənub qaz dəhlizi. - https://minenergy.gov.az/az/layiheler/cenub-qaz-dehlizi_2196
23. Neft və qaz layihələri. - <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/shah-deniz-targets-italian-and-southeastern-european-gas-markets.html>
24. The Solution to Europe's Energy Security Challenges. Address by Dr. Eddie O'Connor, CEO Mainstream Renewable Power. 2014. - 14 p.
25. International Scientific Conference for Master Students in "Economics and Management" Majors, s. 287.
26. Shah Deniz targets Italian and Southeastern European gas markets through Trans-Adriatic Pipeline. - <https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases/shah-deniz-targets-italian-and-southeastern-european-gas-markets.html>
27. Azərbaycan Energetika Nazirliyi. - <https://minenergy.gov.az/en/xeberler-arxivi/00495>

Nasrin SULEYMANLI (Azerbaijan),
doctor in political science, associate professor of the department
of International relations and foreign policy of the
Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Azerbaijan

AZERBAIJAN'S GROWING ROLE AND DIRECTIONS IN ENSURING INTERNATIONAL ENERGY SECURITY

Summary. The observed processes of the international relations system prove that energy security continues to be the number one agenda topic of the world political discourse today. Taking into account this actual factor, the increasing need for energy in Europe, the abundance of energy resources of the Caspian basin in light of the difficulties it has experienced in recent years with regard to energy supply, Azerbaijan, as a state, has implemented a constructive policy over the years in various regional and global projects, and the international relations system in the issues that are on the agenda of world politics. acting as an active, as well as responsible and reliable member, in the context of the reality, increased the work of Azerbaijan becoming an important factor in Europe's energy security.

Also, with the Caspian states, especially with the victory of Azerbaijan in the war and the increase of its power and influence in the region, relations between Azerbaijan and Europe on the basis of energy resources will maintain the relevance and importance for many years to come.

Насрин СУЛЕЙМАНЛЫ (Азербайджан),
доктор философии по политическим наукам,
доцент кафедры Международных отношений и внешней политики
Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

РАСТУЩАЯ РОЛЬ И НАПРАВЛЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА В ПРОЦЕССЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Резюме. Наблюдаемые процессы в системе международных отношений доказывают, что энергетическая безопасность сегодня продолжает оставаться темой номер один в повестке дня мирового политического дискурса. Принимая во внимание этот актуальный фактор, растущую потребность в энергии в Европе, обилие энергоресурсов Каспийского бассейна в свете испытываемых в последние годы трудностей с энергоснабжением, Азербайджан как государство проводит конструктивную политику. на протяжении многих лет в различных региональных и глобальных проектах, а также в системе международных отношений по вопросам, стоящим на повестке дня мировой политики.выступая в качестве активного, а также ответственного и надежного участника, в контексте

реальности, увеличил работу превращения Азербайджана в важный фактор энергетической безопасности Европы. Также, с прикаспийскими государствами, особенно с победой Азербайджана в войне и ростом его мощи и влияния в регионе, отношения между Азербайджаном и Европой на основе энергетических ресурсов сохранят актуальность и значение на долгие годы вперед.

Юрий Бочаров (Израиль),
кандидат политических наук, политолог,
исполнительный директор Института исследования
информационных войн (ISIWIS)

КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ВОКРУГ ПРИЗНАНИЯ ПАЛЕСТИНЫ

Дискуссия о признании Палестинского государства выявляет несколько ключевых проблем современной системы международных отношений. Прежде всего, значительная часть эмпирического материала формируется через медиадискурс — публикации национальных и международных СМИ, экспертные комментарии и заявления политиков. Эти источники неизбежно отражают интересы конкретных акторов — правительств, оппозиционных партий или влиятельных социальных групп, что задаёт рамки восприятия конфликта в общественном пространстве. Таким образом, информационная картина носит не столько объективный, сколько политизированный характер.

Из этого вытекает первый аналитический постулат: исследование проблемы признания Палестины невозможно без учёта того, что исходные данные во многом конструируются политическими и медиийными нарративами. Второй постулат заключается в том, что, анализируя эти публикации, мы можем реконструировать интересы сторон и выявить, каким образом внутренние политические задачи транслируются на внешнюю арену. Дипломатические шаги по Палестине становятся инструментами внутренней политики — средствами отвлечения внимания от кризисов, консолидации избирателей или демонстрации ценностных позиций.

Третий постулат касается противоречия между западной концепцией государственности и локальными политическими реалиями. Для западных стран признание Палестины предполагает модель светского национального государства по европейскому образцу, с институтами гражданства и ответственностью перед обществом. Однако параллельно действует ХАМАС, чья хартия исключает возможность светской государственности и утверждает религиозно-идеологическую модель. В результате дипломатические инициативы Запада интерпретируются ХАМАСом как символическая победа «сопротивления», что усиливает позиции радикалов.

Исходя из этих трёх постулатов, в дальнейшем статья рассматривает признание Палестины как феномен, демонстрирующий диалектику между:

- (1) внутренними политическими интересами западных стран,
- (2) институциональными ограничениями международных структур

(3) радикальными нарративами на местах.

1. Институциональные расколы и дипломатические стратегии

Рассмотрение вопроса признания Палестинского государства в международных институтах демонстрирует наличие глубоких расколов как внутри Совета Безопасности ООН, так и среди стран «Большой семёрки». Эти расхождения нельзя объяснить только разницей во внешнеполитических доктринах: они являются отражением совокупности внутренних интересов государств и специфики их политических систем.

Во-первых, в соответствии с первым постулатом, медиапотоки не только информируют общественность, но и транслируют национальные интересы через систему фрейминга. Как отмечал «Robert Entman», медиа структурируют интерпретацию реальности, выделяя одни аспекты и маргинализируя другие [Entman, 1993]. Французский медиадискурс акцентирует внимание на «автономии Европы» и праве Парижа на самостоятельную внешнеполитическую линию; британский — на гуманитарных аспектах и необходимости соблюдения союзнической солидарности; канадский — на осторожности и условности признания.

Во-вторых, публикации и официальные заявления позволяют реконструировать мотивацию, что подтверждает второй постулат. Для Франции признание Палестины стало способом утвердить стратегическую субъектность и продемонстрировать избирателю роль Парижа как самостоятельного игрока. Для Великобритании данный шаг вписывается в контекст внутриполитического баланса между избирательными группами и необходимостью учитывать транснациональные связи с США. В случае Канады речь идёт о поиске компромисса между имиджем «правозащитного государства» и угрозой усиления радикализма. Эти различия хорошо вписываются в модель «two-level games» «Robert Putnam», где внешняя политика становится продолжением внутриполитической конкуренции [Putnam, 1988].

В-третьих, в полной мере проявляется третий постулат, связанный с несоответствием между западной моделью светской государственности и локальной реальностью. Как подчеркивал «Stephen Krasner»,

признание само по себе не создаёт эффективного суверенитета без институциональных механизмов управления [Krasner, 2004]. Для ХАМАС символический акт признания интерпретируется как подтверждение правильности стратегии вооружённого сопротивления, что согласуется с концепцией «спойлеров» «Stephen Stedman» [Stedman, 1997].

Таким образом, институциональные расколы объясняются не только международными разногласиями, но прежде всего внутренними логиками государств-инициаторов.

2. Внутренняя политическая логика и электоральные расчёты

Причины признания

Вопрос о признании Палестины проявил не только расхождения между странами на международной арене, но и стал фактором внутриполитической динамики в государствах-инициаторах. Здесь ключевым оказывается не дипломатическая стратегия сама по себе, а то, как она используется партиями, лидерами и электоральными группами для решения внутренних задач.

Во Франции шаг Эмманюэля Макрона оказался встроен в логику борьбы за повестку между президентской администрацией и левыми партиями. Для левых признание Палестины традиционно служит элементом гуманитарного и антиизраильского дискурса, тогда как для Макрона оно стало способом вернуть себе инициативу и продемонстрировать обществу способность к лидерству на фоне кризиса доверия.

Великобритания рассматривает признание через призму внутрипартийной динамики лейбористов. Лидер партии Кир Стармер оказался между двумя полюсами: с одной стороны, прогрессивное крыло, настаивающее на немедленном признании, с другой — еврейская община и центристские избиратели, для которых это решение может символизировать уступку радикалам. В результате признание получает «условный» характер, отражая баланс между электоральными рисками и потребностью продемонстрировать принципиальность.

В Канаде тема Палестины становится частью более широкой дискуссии о роли страны как «правозащитной державы». Для премьер-министра Марка Карни это — инструмент закрепления имиджа реформатора и международного модернизатора, но одновременно и необходимость реагировать на давление консервативной оппозиции, требующей жёсткости в отношении радикальных организаций.

Таким образом, во всех трёх случаях дипломатические шаги по Палестине обретают форму внутриполитического инструмента. Их общий знаменатель состоит в том, что решения принимаются не столько исходя из анализа ближневосточного конфликта, сколько как реакция на электоральные вызовы,

партийную конкуренцию и давление общественных настроений. Это подтверждает вторую исследовательскую гипотезу: признание Палестины — не только международный акт, но и элемент внутренней борьбы за власть.

Причины против признания

В случае государств, отказавшихся от признания Палестины, наблюдается та же структурная закономерность: внешнеполитическая позиция формируется не в плоскости ближневосточного конфликта как такового, а в рамках внутреннего политического баланса и электоральных интересов.

В Соединённых Штатах отказ от признания Палестины встроен в логику двухпартийной конкуренции. Для республиканцев поддержка Израиля является элементом стратегической и идеологической идентичности, для демократов — необходимым условием сохранения консенсуса с влиятельными электоральными группами и лоббистскими структурами. Таким образом, блокирование инициатив по Палестине выступает не внешнеполитическим выбором, а продолжением внутриполитической борьбы за стабильность электоральных коалиций.

В Германии позиция определяется фактором исторической памяти и закреплённым в политической культуре принципом «безопасность Израиля как *raison d'état*». Поддержка Палестины в символической форме могла бы восприниматься как угроза этому консенсусу, что создаёт для правящих коалиций высокий внутриполитический риск. Следовательно, отказ от признания отражает не столько дипломатический расчёт, сколько воспроизведение внутренней идентичности и стремление удержать межпартийное согласие.

В Японии отказ от признания Палестины является результатом институциональной осторожности и внешнеполитической зависимости от США. Внутриполитическая система, ориентированная на стабильность и избегание резких решений, трансформирует внешнеполитическую позицию в стратегию «отсрочки», где сохранение союзнической линии важнее, чем символические шаги в отношении ближневосточной проблематики.

Таким образом, в случае США, Германии и Японии внешняя политика вновь предстает как прямое продолжение внутренней логики. Отказ от признания Палестины оказывается не следствием анализа регионального конфликта, а производной от внутриполитических ограничений и электоральных расчётов. Это подтверждает общий вывод: как в случае стран, признавших Палестину, так и в случае тех, кто отказался от этого шага, определяющим фактором является внутренняя динамика, а не собственно палестинский вопрос.

3. Израиль: редкий консенсус и внутренние противоречия

Признание Палестины рядом западных стран вызвало в Израиле эффект, редкий для местной политической сцены: коалиция, оппозиция и Форум семей заложников выступили единым фронтом против этого шага. В основе консенсуса лежит восприятие признания как «награды террору» и как акта, подрывающего перспективы возвращения заложников. Таким образом, на уровне национального дискурса речь идёт о единстве вокруг базовой установки: международные решения, игнорирующие израильскую безопасность, неприемлемы.

Однако внутри этого консенсуса сохраняются серьёзные различия в стратегических акцентах. Коалиция во главе с премьер-министром Биньямином Нетаньяху склоняется к радикальным ответным мерам: от частичной аннексии долины Иордана до пересмотра полномочий Палестинской администрации в зонах А и В. Оппозиция же, не отвергая жёсткой линии, использует ситуацию для критики правительства, утверждая, что дипломатическое поражение стало следствием его неэффективной политики. Форум семей заложников занимает особое место: он усиливает давление на обе стороны, требуя концентрации на возвращении похищенных, а не на внутриполитических расчётах.

Эта ситуация демонстрирует классическую логику «two-level games» (Putnam): внешнеполитический вызов становится инструментом внутренней борьбы за власть. Более того, консенсус оказывается условным: формальное единство в неприятии западного признания сопровождается конкуренцией за интерпретацию его причин и за право предложить ответные меры.

Знаковым моментом является роль общественного мнения. В условиях травматического опыта терактов и войны оно превращается в фактор, формирующий поле допустимых решений. Поддержка жёстких шагов создаёт для правительства «окно возможностей» для обсуждения радикальных мер, включая аннексию, несмотря на риски международной изоляции. Тем самым проявляется феномен «tail wagging the dog»: именно общественные настроения диктуют вектор внешней политики, а не наоборот.

Таким образом, в израильском контексте признание Палестины одновременно укрепило внутренний консенсус и усилило внутриполитическое соперничество. Это подтверждает общий вывод: даже при формальном единстве позиция Израиля формируется на пересечении давления общественности, стратегических разногласий элит и необходимости реагировать на внешнеполитические вызовы.

4. Неконвенциональные акторы: легитимация через

присвоение нарративов

Организация ХАМАС, призванная террористической в Израиле, США, Канаде, Великобритании, Франции, Австралии, Японии и рядом других стран, играет ключевую роль в трансформации дипломатических решений в инструмент внутренней мобилизации. Её стратегия основана не только на военной активности, но и на способности формировать собственные нарративы, присваивая себе результаты международных процессов.

Во-первых, любое признание Палестины западными государствами оперативно интерпретируется ХАМАСом как очередная «победа» над сионистским врагом в результате «сопротивления» и как доказательство эффективности насилия; в своей пропаганде это служит дополнительным призывом к продолжению борьбы.

Во-вторых, идеологическая база ХАМАС изначально исключает возможность светской палестинской государственности. В Хартии организации 1988 года [Hamas 1988] содержатся прямые положения:

- «Палестина — исламская земля, посвящённая будущим мусульманским поколениям до Судного дня. Ни один человек, ни одна организация и ни одно государство не имеет права отказаться от неё или части её» (ст. 11).
- «Националистические программы, предложенные светскими движениями, противоречат исламской идеологии. Нет решения палестинской проблемы кроме джихада» (ст. 13).
- «Движение ХАМАС считает мирные инициативы и международные конференции потерей времени и игрой» (ст. 13).

Эти положения демонстрируют, что международное признание Палестины в западном светском формате не только не отвечает целям ХАМАС, но и используется им для усиления собственной легитимности: населению преподносится сама символика признания, а не его конкретные параметры.

В-третьих, в глазах местного общества ХАМАС превращает международные акты в ресурс политического капитала. Даже если западные страны предполагают создание светской Палестины, на уровне массового восприятия закрепляется нарратив «победы сопротивления». Это позволяет ХАМАСу укреплять контроль над населением, одновременно подрывая позиции умеренных сил.

Таким образом, деятельность ХАМАС подтверждает третий постулат нашего исследования: несоответствие между западными моделями государственности и локальной реальностью приводит к парадоксальным последствиям. Попытка ослабить радикалов через дипломатическое признание оборачивается их фактическим усилением, а

символический ресурс международной легитимации становится инструментом в руках неконвенциональных акторов.

5. Палестинская автономия и экономическая зависимость

Ключевым вопросом в дискуссии о признании Палестины остаётся проблема реальной заинтересованности палестинских элит в создании независимого государства. На уровне официальной риторики Палестинская национальная администрация (ПНА) последовательно апеллирует к международным нормам, необходимости закрепления государственности и обеспечению прав палестинцев. Однако практическая динамика указывает на то, что существующие структуры власти во многом воспроизводятся благодаря внешнему финансированию.

Экономическая модель ПНА в значительной мере опирается на донорские ресурсы, поступающие через механизмы Организации Объединённых Наций, гуманитарные программы, целевые взносы отдельных государств и международных организаций. Аналогичная зависимость наблюдается и в секторе Газа, где распределение внешней помощи контролируется ХАМАС. Таким образом, сохраняется парадокс: существование как ПНА, так и ХАМАС во многом обеспечивается именно сохранением нынешнего переходного состояния, а не его преодолением через построение суверенного государства.

Создание полноценного государства объективно означало бы необходимость формирования самостоятельной экономики, развития институтов и обеспечения населения социальными услугами. Учитывая отсутствие у Палестины значительных природных ресурсов, конкурентоспособной промышленности и устойчивой налоговой базы, подобный процесс сопряжён с высокими рисками социального напряжения. В случае провозглашения государственности это неминуемо поставило бы под угрозу устойчивость существующих политических элит, которые лишились бы привычных внешних источников легитимации и поддержки.

Для ХАМАС перспектива исламского религиозного государства также не гарантирует устойчивости. Более того, подобная модель государственности вступает в противоречие с интересами большинства арабских государств, ведущих борьбу с радикальным исламизмом. Потеря внешнего финансирования и ограничение международной помощи в случае признания или провозглашения государственности способны вызвать управляемый коллапс и дестабилизацию сектора Газа.

Таким образом, на практике ПНА и ХАМАС объективно заинтересованы не в окончательном институциональном оформлении Палестины как

суверенного государства, а в сохранении текущего «переходного» статуса. Риторика о государственности используется ими преимущественно как инструмент мобилизации, получения международной поддержки и легитимации, но не как реальная цель политического строительства.

6. Глобальный сценарий: динамика кризиса и пределы дипломатии

Совокупность рассмотренных факторов позволяет зафиксировать несколько жёстких закономерностей.

1. Политизация медиапространства. Международные и национальные СМИ функционируют не как зеркала объективной реальности, а как инструменты артикуляции интересов властных коалиций и оппозиционных сил. Дипломатические инициативы в такой логике редуцируются до символических жестов, обслуживающих внутренние политические задачи.

2. Внутренние приоритеты государств. Признание Палестины в текущих условиях выступает инструментом внутриполитической мобилизации: Франция демонстрирует претензию на геополитическую субъектность, Великобритания стремится снизить электоральные риски, Канада балансирует между правозащитной риторикой и дискурсом безопасности. Тем самым международная политика подменяется продолжением внутренней борьбы.

3. Радикальные акторы и символическая легитимация. ХАМАС и схожие структуры присваивают любые дипломатические шаги и трансформируют их в подтверждение собственной правоты. Международное признание, задуманное как ограничение радикалов, объективно усиливает их позиции и подрывает перспективы светской государственности.

4. Экономическая зависимость палестинских элит. И ПНА, и ХАМАС демонстрируют структурную заинтересованность в сохранении нынешнего «переходного» состояния. Финансовая рента от донорских потоков обеспечивает стабильность их власти, а создание государства означало бы необходимость институциональной ответственности и риск утраты контроля.

5. Израильский консенсус и риск эскалации. Внутриполитическое единство Израиля по вопросу признания сопровождается готовностью к радикальным шагам, включая аннексию территорий. Влияние общественного мнения на формирование внешнеполитической линии усиливает вероятность эскалации и сокращает пространство для компромисса.

В совокупности эти тенденции формируют жёсткий сценарий: дипломатические декларации не устраняют конфликт, а воспроизводят его в новых институциональных и информационных формах. Международное признание Палестины при

существующих условиях не является шагом к миру; напротив, оно закрепляет статус-кво, усиливает радикальные силы и углубляет раскол как внутри региона, так и в глобальных институтах.

Заключение

Современная практика международных отношений демонстрирует устойчивый парадокс: государства, принимая решения о признании Палестины или выступая против этого шага, руководствуются в первую очередь своими внутренними и международными интересами. Международная арена в таком контексте превращается в пространство проекции электоральных трудностей, экономических вызовов и давления общественного мнения.

Тем самым создаётся ситуация, когда ни проблемы Палестины, ни проблемы Израиля не рассматриваются в качестве самостоятельных задач. На первый план выходит логика: «решая международную проблему, мы решаем собственные». Этот феномен не является единичным: аналогичные примеры наблюдаются в динамике конфликта на Украине, на Южном Кавказе, в отдельных регионах Европы и в зоне противостояния на Дальнем Востоке. Во всех случаях международные инициативы служат продолжением внутренних стратегий и инструментом продвижения geopolитических интересов, а не механизмом подлинного урегулирования локальных конфликтов.

На практике такая логика приводит к углублению противоречий, росту радикализма и снижению уровня безопасности. Каждый актор, стремясь стабилизировать собственное положение, косвенно дестабилизирует международную систему и усугубляет вызовы для других. Это и есть центральный парадокс признания Палестины: декларации о мире оборачиваются инструментами внутренней политики, а решения, принимаемые во имя глобальной стабильности,

становятся источником новых конфликтов.

Сценарий ближайшего будущего — это продолжение дипломатического и информационного противостояния, сопровождающегося усилением радикалов, сохранением статус-кво для палестинских элит и нарастающим расколом в международных институтах. Исходя из выдвинутых постулатов и проведённого анализа, можно заключить: признание Палестины в нынешних условиях не решает конфликта, а воспроизводит его в новых формах.

Библиография:

1. Бекяшев К.А. Международное право. - Москва: Проспект, 2022.
2. Богатуров А.Д. Политическая динамика современного мира: международные процессы и конфликты. - Москва: Аспект Пресс, 2020.
3. Валеев Р.М., Старченко Н.В. "Проблема признания государств в международном праве." *Российский журнал международного права*, 2018, № 3, с. 25–41.
4. Зимненко Б.Л. "Легитимность международного порядка и кризис механизмов глобального управления." *Международная жизнь*, 2021, № 10, с. 12–30.
5. Киссинджер Г. Мировой порядок. - Москва: АСТ, 2016.
6. Кузнецов В.И. "ООН и проблема признания государственности Палестины." *Вестник МГИМО-Университета*, 2019, № 4, с. 66–79.
7. Crawford J. *The Creation of States in International Law*. - Oxford: Oxford University Press, 2019.
8. Falk R., Tilley V. *Israeli Practices towards the Palestinian People and the Question of Apartheid*. - Beirut: ESCWA, 2017.
9. Goff P. *The Legitimacy of Global Governance Institutions*. - Oxford: Oxford University Press, 2020.

Yuri BOCHAROV (Israel),
PhD in political science, political scientist,
executive director of the Institute for
the Study of Information Warfare (ISIWIS)

LEGITIMACY CRISIS IN INTERNATIONAL RELATIONS: INSTITUTIONAL CONTRADICTIONS SURROUNDING THE RECOGNITION OF PALESTINE

Summary. This article examines the escalating crisis of legitimacy in international relations through the lens of institutional contradictions surrounding the recognition of Palestine. It explores how discrepancies between international legal norms, state political interests, and the structural shortcomings of global governance institutions generate fragmented patterns of recognition and undermine the universality of the international legal order. Particular attention is given to the role of the United Nations, including the limitations of collective recognition mechanisms, as well as the impact of geopolitical rivalries and unilateral actions by major powers on the erosion of institutional legitimacy. Through a comparative analysis of

different regional actors' positions, the study reveals that the question of Palestine's recognition serves as an indicator of deeper systemic instability affecting fundamental principles of sovereignty, self-determination, and the responsibilities of international organizations. The article argues that institutional ambiguity surrounding Palestine's status not only reflects existing contradictions but also reinforces a wider crisis of trust toward international institutions, challenging their capacity to function as universal mediators in conflict resolution.

Юрий Бочаров (Израиль),
кандидат политических наук, политолог,
исполнительный директор Института исследования
информационных войн (ISIWIS)

КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ВОКРУГ ПРИЗНАНИЯ ПАЛЕСТИНЫ

Резюме. В статье анализируется нарастающий кризис легитимности в международных отношениях через призму институциональных противоречий, связанных с признанием Палестины. Автор рассматривает, каким образом расхождения между нормами международного права, политическими интересами государств и структурной деформацией глобальных институтов приводят к фрагментации признания и подрывают универсальность международно-правового порядка. Особое внимание уделяется роли ООН, включая ограничения механизма коллективного признания, а также влиянию геополитической конкуренции и односторонних решений отдельных держав на эрозию международной легитимности. На основе сравнительного анализа позиций различных региональных блоков выявляется, что вопрос признания Палестины становится индикатором более глубокой системной нестабильности, затрагивающей фундаментальные принципы суверенитета, самоопределения и ответственности международных организаций. Статья демонстрирует, что институциональная неопределенность вокруг статуса Палестины не только отражает существующие противоречия, но и усиливает кризис доверия к международным институтам, ставя под вопрос их способность выступать универсальными посредниками в решении конфликтов.

Наида ГАДЖИНСКАЯ (Азербайджан),
доктор философии по истории, доцент Азербайджанского Государственного
Педагогического университета

Рафаил ДЖАФАРОВ (Азербайджан),
Магистрант факультета «Политических наук» по специальности
«Международные отношения и дипломатия»
Сараевского Государственного университета

ЗАВЕРШЕНИЕ КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ АНАЛИТИКОВ: ПУТЬ К МИРУ

Армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха с момента своего возникновения вышел далеко за рамки противостояния двух республик постсоветского пространства и приобрел отчетливо выраженный геополитический контекст. Помимо непосредственно вовлечённых в конфликт России и Турции, косвенно - Грузии и Ирана, в нем оказались задействованы также крупнейшие международные акторы, такие как ООН, ОБСЕ, СНГ и др. Именно от их позиций, а также от конфигурации региональной geopolитики зависел исход решения данного конфликта.

Своим многолетним существованием армяно-азербайджанский конфликт создал предпосылки для превращения стран региона в своего рода заложников геополитических процессов мировых держав. Под их воздействием значительно ослаблялись позиции участников конфликта и усиливалась их зависимость от внешних факторов.

В вопросах урегулирования армяно-азербайджанского конфликта руководство Азербайджанской Республики в лице Общенационального лидера Гейдара Алиева и его достойного продолжателя, ныне действующего Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева отстаивало путь его разрешения на основе норм международного права при условии сохранения территориальной целостности страны. Президент Азербайджана Ильхам Алиева неоднократно подчеркивал, «что карабахский вопрос остается для Азербайджана главным». [1, с. 367]

Конкретным результатом длительных переговоров между Арменией и Азербайджаном при посредничестве Минской группы ОБСЕ стала выработка «Мадридских принципов». Их реализация создавала условия для справедливого урегулирования армяно-азербайджанского конфликта. Однако деструктивная позиция армянского руководства и в целом мирового сообщества свели на нет всё позитивное содержание отмеченных выше документов [3].

Ситуация вокруг переговорного процесса

осложнялась еще и тем, что Азербайджан четко заявлял, что этот конфликт должен быть разрешен исключительно двумя конфликтующими сторонами, поскольку Азербайджан, наряду с другими странами, не признавал сепаратистскую Нагорно-Карабахскую Республику (Арцах), включая саму Армению. Более того, по мнению Азербайджана, НКР не должна была участвовать в посреднических процессах. Армения же пыталась привлечь НКР к переговорным процессам, что, приводило к жесткой критике как со стороны Азербайджана, так и со стороны сопредседателей Минской группы [5].

Анализируя работы зарубежных авторов, в которых объективно исследуются ключевые моменты мирных переговоров, легко увидеть, что на протяжении десятилетий нагорно-карабахский вопрос вызывал больше споров относительно влияния на него Запада и России, чем, собственно, сама проблема взаимоотношений между Азербайджаном и Арменией. Иными словами, попытки урегулирования конфликта на ранних этапах не смогли реализовать практические шаги к миру из-за серьезных противоречий между странами-членами Совета Безопасности, таких как Россия, США и Франция, которые активно участвовали в качестве миротворческих инициаторов. Неудивительно, что как Азербайджан, так и Армения, были недовольны переговорными процессами. Каждая из конфликтующих сторон придерживалась своей точки зрения и постоянно спорила о статусе Карабаха и о том, какой стране он действительно принадлежит.

Несложно заметить, что в течение длительного времени, несмотря на осуждение Армении в нарушении норм международного права и в оккупации международно-признанных территорий Азербайджана, резолюции ООН серьезно подрывались и не выполнялись ею. Армянская сторона постоянно пыталась найти оправдания, приводя аргументы, что Ереван не имеет никакой власти над руководством «Нагорно-Карабахской Республики». Однако, как известно, на практике они были тесно связаны друг с другом. Международное сообщество либо не оказывало

достаточного давления на конфликтующие стороны, либо вновь опасалось, что проблема нагорного Карабаха станет частью более широкого геополитического контекста [4].

Затрагивая вопрос о деятельности Минской группы ОБСЕ, приведем в пример мнение известного британского журналиста и аналитика, эксперта по Кавказу, автора работ о Карабахе, Азербайджану и Армении, Томаса де Валла, отмечавшего, что создание Минской группы предоставило ряду стран Европы, США и Турции реальную возможность в деле урегулирования конфликта. Однако существовала проблема, беспокоившая международное сообщество, и касалась она перерастания армяно-азербайджанского конфликта в более широкий контекст — в столкновение идеологий между «Западом и Россией» и существованием различных подходов к решению данного вопроса. А постоянные колебания между США и Россией лишь усугубляли проблему в рамках конфликта, а не решали ее [7]. Все инициативы международных организаций и стран-членов Совета Безопасности были «полнейшей профессиональной некомпетентностью», - продолжает автор. Он также отмечает, что у политиков было нулевое понимание сути конфликта, и они не имели рычагов влияния на стороны. Далее автором приводится цитата армянского президента Л. Тер-Петросяна, заявившего, что ОБСЕ начала серьезно заниматься Карабахом только после 1996 года; до этого «не было никакого мирного процесса; они больше соперничали друг с другом, чем думали о Карабахе» [7].

Польский журналист и эксперт по Кавказу W. Gorecki в своем труде «The Gordian Knot of the Caucasus: The Conflict over Nagorno-Karabakh» [6] проводит тщательный анализ исторических корней и современных измерений армяно-азербайджанского конфликта; показывает роль региональных и внешних акторов; вскрывает политические, военные и гуманитарные аспекты; выявляет причины повторяющихся эскалаций и сложности мирного урегулирования. Именно в этих факторах автор видит причину неразрешимости «гордиева узла». В то же время, как указывает автор, благодаря усилиям США, в частности, инициативам 1999 года, в Вашингтоне состоялась встреча руководителей Азербайджана и Армении, которая затем была продолжена в Женеве, Давосе и Ки-Уэсте в апреле 2001 года. В ходе этих встреч обсуждались вопросы создания самоуправляемого государства на правах автономии в нагорном Карабахе, Лачинского коридора под протекторатом Франции, США и России, возвращение оккупированных территорий Азербайджану [6].

Далее, как указывает W. Gorecki, переговоры привели к некоторым положительным шагам на пути к

миру. Таким шагом стала Майендорфская декларация 2008 года, подписанная Россией, Азербайджаном и Арменией и ставшая первой декларацией по нагорному Карабаху. Майендорфская декларация рассматривалась как один из первых официальных документов, подписанных после соглашения о прекращении огня в 1994 году. В данном документе как Азербайджан, так и Армения, вновь подтверждали свою приверженность мирному решению продолжавшегося конфликта на основе норм международного права, а также выражали свою поддержку Минской группе ОБСЕ и приверженность Мадридским принципам [6]. С мнением ряда авторов, выступавших с критикой деятельности Минской группы ОБСЕ в результате длительности ее действий в процессе урегулирования конфликта и утверждавших, что их инициативы ни к чему не привели и потерпели неудачу [13]. Однако, как известно, саммиты ОБСЕ в Будапеште (5-6 декабря 1994 г.) и Лиссабоне (2-3 декабря 1996 г.), завершившиеся оформлением Мадридских принципов, хотя и вселяли надежду на мирное решение конфликта, в конечном итоге также провалились.

Н. Пашиян, пришедший к власти в 2018 г. и занявший пост премьер-министра, своими абсурдным заявлением о том, что «Карабах — это Армения», фактически сорвал переговорный процесс и уничтожил всё то позитивное, что было наработано в ходе многолетних переговоров вовлеченных в конфликт сторон и свел к нулю возможность решения конфликта мирным путём. Об этом открыто сказал в своем интервью телеканалу «Аль-Арабия» от 5 октября 2020 года Президент Азербайджана И. Алиев [6].

Поэтому сложившаяся ситуация предоставила руководству Азербайджана право выбора единственного на тот момент пути урегулирования конфликта вокруг нагорного Карабаха - военный путь. Идя на этот шаг, Азербайджанская Республика действовала на основе положений Устава Организации Объединенных Наций, предполагавшего сохранение суверенитета и территориальной целостности каждой отдельной взятой страны, являющейся членом ООН. При этом Президент Азербайджана И. Алиев заявил: «...война за возврат утраченных территорий является вполне справедливой и никак не может считаться агрессией против так называемой «Нагорно-Карабахской Республики». Тем более, что это «государство» не признано ни одной страной мира, включая саму Армению» [6].

Также важно отметить, что Азербайджан по причине нежелания Совета Безопасности ООН выполнять принятые ею же резолюции в отношении армяно-азербайджанского конфликта оставил за собой право на военный аспект их реализации.

В ответ на очередную военную агрессию,

развязанную Арменией против Азербайджана, 27 сентября 2020 года азербайджанский народ начал Отечественную войну за освобождение оккупированных земель.

В ходе Отечественной войны в Карабахе Азербайджан открыто объявил о своём намерении обеспечить выполнение 4-х резолюций Совета Безопасности ООН, в которых содержались требования немедленного, безоговорочного и полного вывода армянских войск с оккупированных территорий.

Боевые действия на армяно-азербайджанском фронте продолжались 44 дня и завершилось полным поражением Армении. Международное сообщество признало тот факт, что нагорный Карабах был и остаётся неотъемлемой частью Азербайджана.

Военно-политическим результатом Отечественной войны в Карабахе стало принудительное выполнение обязательств, возложенных на Армению в четырех резолюциях Совета безопасности ООН и Основных принципов, выработанных Минской группой ОБСЕ. Добровольное выполнение этих обязательств в соответствии с международным правом могло бы стать важным шагом в деле мирного урегулирования армяно-азербайджанского конфликта, что сулило Армении устойчивые перспективы развития через экономическое сотрудничество со странами региона. Однако армянские власти выбрали иной путь [2].

Хотя окончательное мирное соглашение между Азербайджаном и Арменией еще не подписано, несколько пунктов соглашения о прекращении огня от 10 ноября 2020 года были выполнены. Один из них — открытие Арменией своего воздушного пространства для азербайджанских авиалиний для беспрепятственных полетов в Нахчыван [9].

Признание Арменией де-факто территориального суверенитета Азербайджана, включая Карабах, является значительным шагом на пути к миру между конфликтующими сторонами. По словам автора труда «Премьер Армении готов подписать существующий договор о мире с Азербайджаном» Э. Экберовой [10], премьер-министр Армении Н. Пашинян подтвердил готовность от имени своего правительства подписать окончательное мирное соглашение с Азербайджаном. Кроме того, это знаменует собой самый значительный прорыв в армяно-азербайджанских отношениях, сложившихся за три десятилетия военно-политического противостояния.

Согласно International Crisis Group [8], окончательное мирное соглашение будет иметь важное значение для установления мира на Южном Кавказе. Для Азербайджана это будет означать окончание навсегда карабахского спора, для Армении — гарантию ее суверенитета. Также утверждается, что обе стороны

обеспечат соблюдение территориальной целостности друг друга и приступят к задаче делимитации своих границ, согласившись снять международные межгосударственные правовые претензии друг к другу. Однако, последнее требование Азербайджана, что очень важно, заключается в том, чтобы Армения внесла изменения в действующую Конституцию страны. Конституция Республики Армения ссылается на Декларацию о независимости 1990 года, в которой подчеркивается «воссоединение» Армении с бывшей Нагорно-Карабахской автономной областью, которая входила в состав советского Азербайджана. Для Баку это означает претензию на его международно-признанную территорию и считается нелегитимным.

Азербайджан и сегодня не готов доверять Армении из-за того, что на протяжении долгих лет Армения не раз нарушила обязательства и поэтому необходимы прочные гарантии на пути к миру.

Согласно последним событиям, министр иностранных дел Армении А. Мирзоян официально объявил, что Армения готова начать переговоры с Азербайджаном относительно места и времени подписания окончательного Мирного соглашения, а также соглашается на роспуск Минской группы ОБСЕ [11].

Одним из последних международных событий, вызвавших огромный резонанс в мире, стало историческое мирное Соглашение — документ, подписанный при посредничестве Президента США Дональда Трампа Президентом Азербайджана И. Алиева и премьер-министром Армении Н. Пашиняном в Вашингтоне 8 августа 2020 года. Оба лидера конфликтующих сторон продемонстрировали свою приверженность миру на Южном Кавказе и намерение установить новую парадигму отношений в регионе.

Исторический документ под названием «Путь Трампа к международному миру и процветанию» (Trump Route for International Peace and Prosperity — TRIPP), известного в регионе как «Зангерзурский коридор», предусматривает соединение Азербайджана с его эксклавом Нахчываном через коридор по территории Армении, который будет находиться под контролем американской компании в течение почти столетия [12].

Что касается проекта TRIPP (участие США на Южном Кавказе), он затрагивает не только Армению и Азербайджан, но и всю геополитическую динамику региона, а также международное сообщество. Хотя пока трудно предсказать, как будет развиваться ситуация в ближайшем будущем и какой будет реакция соседних стран. Например, Европейский союз и его лидеры одобрили мирную сделку, назвав ее историческим документом, который принесет стабильность в регион. Для некоторых стран установление американского

контроля над Зангезурским коридором может быть воспринято как угроза их позициям в регионе (Иран и Россия) [12].

Как бы то ни было, ясно одно: Вашингтонское соглашение между конфликтующими сторонами, наконец, возродило надежды на мир и стабильность на Южном Кавказе не только на государственном уровне, но и для азербайджанцев и армян во всем мире, которые, похоже, устали от почти четырех десятилетий конфликта.

Кроме этого, Азербайджан, как и Армения, заявили о своей готовности содействовать роспуску Минской группы ОБСЕ и установлению дипломатических отношений. Также не вызывает сомнений, что Армения откажется от любых конституционных отсылок к территориальным претензиям в контексте Карабаха, поскольку это последний шаг к окончательному мирному соглашению.

Само Соглашение расценено как Арменией, так и Азербайджаном, как прочная основа для взаимного уважения и продвижения мира на Южном Кавказе. В статье V соглашения говорится, что оно послужит дополнительной основой для построения добрососедских отношений, которые будут основываться на неприкосновенности международных границ и запрете на использовании силы для захвата территории, что может принести новые массовые страдания людям. Согласно статье, новая реальность мирной сделки проложит путь к прекращению длительной вражды между Арменией и Азербайджаном [12].

Как заявили обе стороны, взаимное признание территорий друг друга означает, что Азербайджан навсегда поставил точку в карабахском споре, а для Армении означает обеспечение ее территориального суверенитета, открытие ее изолированных границ с Турцией и Азербайджаном (поскольку Турция закрыла свои границы с Арменией из-за эскалации в Первой Карабахской войне) и сотрудничество во имя светлого будущего.

Библиография:

1. Алиев И.Г. Каспийская нефть Азербайджана. - Москва: Известия, 2003
2. Вторая Карабахская война. - <http://files.Preslib.az>
3. Президент Ильхам Алиев: считаю, что решение должно быть достигнуто путём переговоров... - https://azertag.az/xeker/Prezident_Ilham_Aliev_Schi...
4. Резолюции Совбеза ООН по Карабаху: кто сорвал их выполнение и с какой целью? – <https://razm.info>
5. "Российская дипломатия и нагорно-карабахское урегулирование." *Международная жизнь*, 2012, № 2, с. 101-103
6. Górecki, W. The Gordian Knot of the Caucasus: The Conflict over Nagorno-Karabakh. - Warsaw: Centre for Eastern Studies (OSW Report), 2020.
7. De Waal, T. Black Garden: Armenia and Azerbaijan through Peace and War. - New York: New York University Press, 2003.
8. Armenia and Azerbaijan: Getting the Peace Agreement across the Finish Line. International Crisis Group. - <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/caucasus/armenian-azerbaijani-conflict/armenia-and-azerbaijan-getting-peace-agreement-across-finish-line>
9. Армения открыла свое воздушное пространство для Азербайджана? Мнения из Баку и Еревана. - <https://jam-news.net/ru/армения-открыла-свое-воздушное-пространство>
10. Ekberova, E. Премьер Армении готов подписать существующий договор о мире с Азербайджаном. - <https://www.aa.com.tr/ru/>
11. Armenia Ready to Discuss Location and Date of Signing Peace Treaty with Azerbaijan. https://news.by/eng/news/v_mire/armenia-ready-to-discuss-location-and-date-of-signing-peace-treaty-with-azerbaijan
12. Azerbaijan and Armenia sign peace deal at White House that creates a "Trump Route" in region. - <https://www.theguardian.com/world/2025/aug/09/azerbaijan-and-armenia-sign-peace-deal-at-white-house-that-creates-a-trump-route-in-region>
13. Tuncel, T. K. 2016. "A Short Assessment of the 4-Day War in Karabakh", Center for Eurasian Studies." Brief Analysis of the Four-Day Karabakh War

Naida HAJINSKAYA (Azerbaijan),
doctor of history, associate professor of
Azerbaijan State Pedagogical University

Rafail JAFAROV (Azerbaijan),
master's degree candidate specializing in
International Relations and Diplomacy at the
Faculty of Political Science, University of Sarajevo

ENDING THE KARABAKH CONFLICT THROUGH THE PRISM OF INTERNATIONAL ANALYSTS: THE PATH TO PEACE

Summary. This article examines the causes and outcomes of the Armenian-Azerbaijani Nagorno-Karabakh conflict and demonstrates the geopolitical significance of political and military methods for its resolution. Much attention is paid to the analysis of works by foreign authors and international analysts, which objectively examine key aspects of the peace negotiations, highlight the role of regional and external actors, uncover political, military, and humanitarian aspects, and identify the causes of repeated escalations and the complexities of a peaceful settlement.

Наида ГАДЖИНСКАЯ (Азербайджан),
доктор философии по истории, доцент
Азербайджанского Государственного Педагогического университета

Рафаил ДЖАФАРОВ (Азербайджан),
Магистрант факультета «Политических наук» по специальности
«Международные отношения и дипломатия»
Сараевского Государственного университета

ЗАВЕРШЕНИЕ КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ АНАЛИТИКОВ: ПУТЬ К МИРУ

Резюме. В статье раскрываются причины и итоги армяно-азербайджанского Нагорно-Карабахского конфликта, показана геополитическая значимость политических и военных методов его урегулирования. Большое внимание уделяется анализу работ зарубежных авторов, международных аналитиков, в которых объективно исследуются ключевые моменты мирных переговоров, показывается роль региональных и внешних акторов, вскрываются политические, военные и гуманитарные аспекты, выявляются причины повторяющихся эскалаций и сложности мирного урегулирования.

Huseyn SULTANLI (Azerbaijan),
PhD student of the department of International relations and foreign policy of the
Academy of Public Administration under the
President of the Republic of Azerbaijan

THE WEIMAR TRIANGLE AND GLOBAL LEADERSHIP: THE EUROPEAN UNION’S FINAL OPPORTUNITY?

The European Union’s (EU) strategic actorness is facing a unique and direct challenge. The second Trump administration issued a final yet decisive message to the international system – the United States was no longer going to operate as the ‘leader’ of a transatlantic alliance which it believes, for too long, was based on non-reciprocity and American over-extension. As the other highly influential actor in the relationship, the EU faced no other choice than to act. The on-going war in Ukraine was, since its beginning, portrayed in Brussels as a matter of ‘survival’ for European security, with member state support a ‘must’ as opposed to a ‘choice’. However, to this day, the EU remains divided on the matter and has been unable to influence events on the ground in a sufficiently meaningful way. This analysis will propose that, in addition to the policy deviation pursued by members like Hungary and Slovakia, it is in fact the division at the heart of the EU (among key founders and drivers of the project) that has been as influential in weakening its strategic actorness. The analysis will argue that if members are to unite over a consistent, norms-based, and future oriented foreign policy strategy, the Weimar Triangle (composed of Germany, France and Poland) must return as the starting point.

The Weimar Triangle: the background

The Weimar triangle, established in 1991 after the meeting of the German, French and Polish Foreign Ministers in the German city of Weimar, was aimed at providing the three countries with a platform to establish mutually beneficial cooperation and overcome historic barriers. The format worked at helping Poland integrate into the European alliance, taking the Franco-German model of post-war reconciliation as an example. The three countries were keen on building a “special relationship” at the highest level, also including each other’s parliaments and civil societies. The format was a key catalyst in helping Poland join NATO in 1999 and the European Union in 2004. Although the essence of the format was always the development of a shared vision for Europe, disagreements between leaders have led to fluctuating levels of engagement through this framework. Therefore, despite its overarching significance, it is not a format that is immune to diplomatic divergence. This has frequently limited the EU’s internal unity, something which necessitates a much closer assessment.

Defence and security: a definitive shift

From the outside, the EU might appear as a leading example of regional integration, where solidarity and mutual understanding are key operational principles. After all, the EU is the world’s largest single market. However, the reality from within is radically different. Despite the considerable authority and decision-making power of its core institutions (most notably the European Commission), the EU remains largely under the control of its member states and their (in)ability to converge on essential matters. In more than one instance, this has led to contradictory and self-harming policies that have presented the much broader organization as a politically motivated entity that does not adhere to a common idea, of which, in theory, values like equality and justice should be a key part.

The war in Ukraine, however, has proven to be a decisive challenge for the Union’s way of ‘thinking’ about matters of shared importance like defence and security. In previous periods, the EU appeared determined to maintain its ‘normative’ or ‘soft’ power status. This, on paper, was described as relying on diplomatic and normative power tools to uphold international law and subsequently international security.

However, the securitization of the European continent since February 2022 and specifically the fear that Russia might go even further into Europe have forced European allies to re-think their approach. This is already underway, with the EU having adopted numerous individual projects but also broader future-oriented policy frameworks. For example, ‘Rearm Europe’, announced in March 2025, pledges to mobilise €800 billion for defence investment by providing member states with financial levers at their immediate disposal. More precise and self-critical assessments such as the European Defence White Paper, titled “Readiness 2030”, have announced initiatives such as the “Strategic dialogue” with the defence industry which will aim to increase ‘military mobility’ – essentially enabling member states to move troops and equipment around the continent and across each other’s borders in the case of intensified “conflict” or “hybrid warfare”. This signals, at least in rhetoric, a definitive shift. The EU, led by the European Commission, has transitioned its approach to defence from one of sporadic investment to a full-scale readiness programme that is determined to finally establish agency on the battlefields.

It is precisely this stage of pledges and plans

materializing into real action that has historically proven to be the most difficult hurdle for the EU to overcome. First, there are competing positions on whether the EU should be ‘exchanging’ its normative or soft power status for a security turn which does not fit naturally with its foundational identity. This is illustrated by historic but also newly-emerging divisions between member states which tend to unite in groupings on two clear sides of the spectrum – to invest significantly and break uncomfortable stereotypes or maintain pragmatism and show restraint in an. However, there is limited consensus on what an alternative leadership ‘group’ or ‘arrangement’ would look like – would this be the “Weimar Triangle”, the “Weimar Triangle +” or a different set up? This aspect points to the heart of the issue – internally, the EU’s members are simply too fragmented and disjointed to be acting coherently in a sphere as complex as defence. This tends to translate into limited strategic relevance in almost all of its foreign policy endeavours. One additional but vital example is the South Caucasus, where the EU’s role over the years has slipped into being an unproductive one given the desire of members like France to support Armenia in ways that directly undermine Azerbaijani national interests but also the broader region’s security. This behaviour is not mirrored by others in the Union, with countries like Hungary blocking EU military aid to Armenia given its implications for a country as important to the EU’s geopolitical goals as Azerbaijan.

Even when something is agreed upon, this usually comes at the expense of months of compromising, negotiations and even change in political leadership which facilitates the said agreement. The urgency of fixing this structural limitation is in fact reflected by key European leaders. One of the first statements of the recently elected German Chancellor Friedrich Merz on the transatlantic alliance highlighted that the US will not be allowed to negotiate on trade bilaterally with specific member states. Instead, this has to be done on a collective and institutional level to ensure that member states prioritize uniting over a highly fragmented regional agenda. Even though disparity in controversial aspects such as spending commitments is inevitable, there is finally recognition in Brussels that member states have no choice but to work in solidarity if they are to survive the major reconfiguration currently taking place in the transatlantic alliance.

The EU’s ‘leverage’ issue

The on-going attempt at mediation between Russia and Ukraine is the most recent but revealing reminder of the EU’s troubled international role. Despite its heavy sanctions programme against Russia and consistent support for Ukraine, it is still the United States that has the upper hand when it comes to directly influencing the sides of the conflict and the course of events on the diplomatic level.

increasingly hostile international system whilst relying on external (American) security guarantees. The latter position is one that has faced increasing scrutiny, with the Trump Administration choosing to exclude the EU from its diplomatic initiatives and preferring to work in solitary. Second, there is a deep-rooted unease with the prospect of ‘delegating’ too much responsibility over defence and security spending to the European Commission, which some fear would lead to ‘over-centralization’.

President Trump did not support the ceasefire deadline of 12 May that was put forward by a group of influential European leaders, instead indirectly siding with President Putin’s wish to negotiate (in Istanbul on May 15) before any ceasefire agreement is announced. This is a strong indication that despite the EU’s self-proclaimed leadership and its support for Ukraine, its ability to directly influence Russia is extremely limited. In fact, only recently it was announced that in 2024 the EU spent 22 billion euros on imports of Russian oil and gas, which is more than the money it sent to Ukraine. Even though the EU High Representative for Foreign Affairs and Security Policy Kaja Kallas pointed out that this is exacerbated by a misbalance in the consumption of Russian resources between member states, with some not buying from Russia at all and some buying disproportionately, it is still a statistic that speaks of the EU’s limited leverage over Russia.

Issues with the EU’s leverage vis-à-vis Ukraine are exacerbated further by the current state of the transatlantic relationship, where collective confidence in NATO appears to be declining and the US has doubled down on isolated cooperation in accordance with its own interests. Donald Trump has for several years insisted that “Europe”, by which he indirectly addresses its most influential powers, has failed to contribute its fair share to mutual defence. In fact, only recently, NATO Secretary General Mark Rutte pointed out that, as of today, in three months Russia can produce three times as many weapons as NATO members can produce in one full year. Although the collective defence spending of EU member states rose from €218 billion in 2021 to €326 billion in 2024, it is a widely accepted fact that bigger increases will be needed which will, crucially, need to be more evenly spread between member states. This is supported by NATO Secretary General warning members that the minimum 2% commitment will soon have to be elevated to more than 3% of GDP, signalling a much broader intensification in defence spending.

Hence, on a political level, the EU faces the unprecedented challenge of balancing between its own geopolitical objectives whilst preserving the essence of the now weakened transatlantic alliance. Recently, Donald Trump doubled down on his criticism of the EU, both from

the perspective of existing contributions but also in terms of ‘negotiating capacity’, stating that negotiations with the EU are “harder” to deal with than those with China. This is a dangerous situation for the EU, with strained relations with Washington threatening to even further undermine its leverage over Russia. European leaders might be pursuing their independent mediation channels, but this too has had limited impact on the situation. The insistence of both the American and Russian presidents on their private face to face talks as the only ‘key’ to a resolution confirms that they simply do not view the Brussels system and its member states as influential actors in the overarching process. Despite countless sanctions, the EU has been unable to weaken the Russian economy sufficiently enough for the Kremlin to treat the ‘coalition of the willing’ as an equal or relevant enough party in the mediation process.

“Peace through strength” – and unity?

Fragmentation among the EU27 is well-documented. There is a profound and shared sense of disillusionment with the European project in member states like Hungary, Slovakia and even Romania. This stems from the feeling that the European Union is a project that has been ‘hijacked’ by a very specific agenda that is contradictory, based on the wrong principles and imposes moral and normative expectations on member states with which they simply do not align. This is a situation that has damaged the EU’s international legitimacy – instead of appearing as a united and exemplary model of integration, it appears fragmented from within and, crucially, deemed inoperable by the international community during crises and other critical situations.

Nevertheless, the Brussels system has always been effective at presenting unity amidst chaos and division. Its official documentation on upcoming defence and security pledges, including the Readiness 2030 White Paper, always uses unifying and positive language. The reality, however, as shown by recent efforts in Ukraine, is radically different. In addition to divisions between Brussels and the likes of Hungary on the Union’s Russia policy, there is also an alarming lack of adequate coordination between leading member states. Only recently, it was reported that President Macron of France and Prime Minister Meloni of Italy were involved in a “diplomatic row” over the latter’s exclusion from a quartet of European leaders which had been in direct contact with the White House throughout the Istanbul negotiations between Russian and Ukrainian delegations. According to Meloni, this was done because Italy had made it clear that it would not be willing to send troops to Ukraine to safeguard a potential ceasefire agreement. German Chancellor Merz had to intervene and use his joint press conference with Meloni to reiterate the importance of ‘unity’ whereas Meloni herself urged leaders to “abandon egotism”. This is one of several such episodes, with the

Italian Prime Minister also sharing a complicated relationship with the previous German Chancellor Olaf Scholz due to disagreements on migration policy.

Nevertheless, ever since the US announced its unwillingness to work with the EU on mediation in Ukraine, the Weimar triangle has undoubtedly gained new momentum. Germany, France and Poland have consistently merged their contacts with Ukraine and the Trump administration, expanding the format to include the United Kingdom and, on occasion, Italy. Some have characterized the new, slightly extended format as “Weimar+”, indicating that there is appetite for renewed cooperation that builds on previous formats. In fact, in recent months, a series of bilateral defence and security deals or pacts have been announced. For example, Poland and France upgraded their security ties to establish mutual guarantees and promise each other support in time of armed conflict. The UK and the EU have also followed suit, announcing a new defence and security pact which will ensure that officials from both sides meet once every six months to directly discuss progress, with the UK also agreeing to officially join the EU’s defence mobility scheme PESCO. Elsewhere, there is hope that Franco-German relations, considered to be the engine of European integration, will be revitalized after Friedrich Merz replaced Olaf Scholz, who struggled to find common language with President Macron.

The newly appointed European Commissioner for Defence and Space Andrius Kubilius recently emphasized the importance of pursuing peace “through strength”. Although only time will be the judge of whether effective or not, the EU has undoubtedly turned a corner on the scale of its commitments. It is mobilizing as many resources as ever before and using language as ambitious as ever before. However, in the same way that peace can only be achieved through strength, it also demands unity. The European Commission might be influential in its own right and might possess a new look after last year’s parliamentary elections, but a significant degree of collective decision-making still relies on the ability of member states to converge on fundamental issues. In the Ukraine case, this concerns the magnitude of military aid being sent to Ukraine and the management of the relationship with Russia.

Essentially, if the EU wants to finally “talk tough” to its strategic rivals and avoid being sidelined in defining moments, it must invest considerably not only in its defence capabilities but also in its internal harmony.

If the EU desires to gain leverage in complex international negotiations, these are certainly positive steps. The unpredictability that surrounds Donald Trump’s mediation between Ukraine and Russia should serve as a constant warning for the EU. In case the American president becomes increasingly agitated with the lack of progress, the EU could be left on its own in a fight it is simply

unprepared for.

Following his most recent conversation with President Putin, it was reported that Trump informed EU leaders that the US will try not to impose sanctions on Russia as it wishes to exhaust the negotiations track. This will significantly weaken the weight of any future EU sanctions package, especially given their already questionable impact on the Russian economy. It is for such scenarios that European powers must prepare themselves. For an organization that is already on strained terms with some of its members, restoring order and harmony within its nucleus is a vital first step for developing agency in shaping European, and then, international security.

Conclusion

The European Union, despite the long list of challenges it faces, maintains considerable influence around the world. However, there is broad consensus that its international legitimacy, defined by scholars as the ‘conferred right’ to act on behalf of others, is limited and has never made the definitive transition to ‘strategic actor’ status. The issues and divisions discussed might have been acceptable or not deemed as defining in previous periods of international affairs. In the aftermath of the Second World War, states agreed that economic cooperation was the priority, and the EU was very much a leader in this regard. This continued throughout the Cold War. Although the EU did begin to devote more attention to its security following

the 9/11 attacks and the 2003 Iraq War, it very much relied on Washington’s security guarantees during the ‘American Unipolar moment’.

The ‘relatively’ recent emergence of alternative centers of power, however, has forced the EU into a definite strategic re-calculation. There is a realization that in the current international climate of hostility, the persistent weakening of international legal mechanisms and recalibration of American foreign policy, the EU needs to possess a lot more than just economic coercive power. It must prove that it can unite its member states on the most crucial issues, restore a sense of inclusivity to prevent key states feeling isolated and disregarded, and must finally materialize its defence and security ambitions into practicable steps. All of these points cannot be achieved simultaneously and in their entirety. However, the EU has to start somewhere if it wishes to survive the shift from one international order to another, with the latter demanding precisely the things the EU appears to be lacking: unity, actorness, personality, and legitimacy. This, however, has to come from within, which is why any change must begin with the now revitalized Weimar triangle. If one was to take the title of the most recent European Political Community Summit in Albania (“a new Europe in a new world”) at face value, then policymakers in Brussels appear to have accepted the urgency of the challenge they face.

Bibliography:

1. NATO in Hague to discuss increase in defence industry production – Rutte. - <https://unn.ua/en/news/nato-in-the-hague-to-discuss-increase-in-defense-industry-production-rutte>
2. Poland and France sign ‘groundbreaking’ treaty, including mutual security guarantees. - <https://notesfrompoland.com/2025/05/09/poland-and-france-sign-groundbreaking-treaty-including-mutual-security-guarantees/>
3. Weimar+ joint statement on Ukraine and Euro-Atlantic security. - <https://www.gov.uk/government/news/weimar-joint-statement-on-ukraine-and-euro-atlantic-security>
4. Balfour, Rosa. Europe Tried to Trump-proof itself. Now it’s crafting a Plan B. - <https://carnegieendowment.org/europe?lang=en>
5. Dempsey, Jude. The Timely revival of the Weimar Triangle. - <https://carnegieendowment.org/europe?lang=en>
6. Questions and answers on Rearm Europe Plan/Readiness 2030. - https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/bg_qanda_25_790
7. White Paper for European Defence – Readiness 2030. - https://www.eeas.europa.eu/eeas/white-paper-for-european-defence-readiness-2030_en
8. EU Member States’ defence budgets. - <https://epthinktank.eu/2025/05/07/eu-member-states-defence-budgets/>
9. Merz tries to quell Meloni-Macron spat over Ukraine. - <https://www.ft.com/content/1048cabf-05ba-48b0-9811-6e327a926c76>
10. The new UK-EU deal at a glance. - <https://www.bbc.com/news/articles/czdy3r6q9mg0>
11. Maillard, Sébastien. Merz and Macron can restart Europe’s Franco-German engine. - <https://www.chathamhouse.org/>
12. Mansour, Renad, Salisbury, Peter. Between Order and Chaos: A New Approach to Stalled State Transformations in Iraq and Yemen. - <https://www.chathamhouse.org/2019/09/between-order-and-chaos/2-legitimacy>
13. Nienaber, Michael, Kubala, Michal. EU tells Trump: No side deals or shortcuts on trade negotiations. - <https://www.bloomberg.com/europe>
14. Niranjan, Ajit. EU spends more on Russian oil and gas than financial aid to Ukraine – report. - <https://www.theguardian.com/europe>

-
15. Ravid, Barak. Two-hour Trump-Putin call ends without ceasefire. - <https://wwwaxios.com/2025/05/19/trump-putin-call-ceasefire-agreement>
16. Reuben, Anthony. How much do NATO members spend on defence?. - <https://www.bbc.com/news/world-44717074>
17. Wintour, Patrick. Setback for Europe after Trump insists Ukraine has 'immediate' peace talks with Russia. - <https://www.theguardian.com/europe>

Huseyn SULTANLI (Azerbaijan),
PhD student of the department of International relations and foreign policy of the
Academy of Public Administration under the
President of the Republic of Azerbaijan

THE WEIMAR TRIANGLE AND GLOBAL LEADERSHIP: THE EUROPEAN UNION'S FINAL OPPORTUNITY?

Summary. This analysis explores a key factor undermining the European Union's geopolitical relevance, highlighting internal fragmentation as the key obstacle preventing the EU from achieving strategic actorness in international relations. The article suggests that the revitalization of the historic Weimar triangle format (Germany, France, Poland) presents EU leadership with a unique but decisive opportunity. As the United States becomes more transactional in its foreign policy engagements, the EU must find a way to reach internal consensus on matters of vital importance for European security. Focusing on the recent negotiations on Ukraine as one of the examples, the article argues that if the EU is to survive the current transition to a new international order, it must direct urgent attention to building its actorness and legitimacy through renewing and even extending formats like the Weimar triangle.

Гусейн СУЛТАНЛЫ (Азербайджан),
докторант кафедры Международных отношений и внешней политики
Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

ВЕЙМАРСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК И ГЛОБАЛЬНОЕ ЛИДЕРСТВО: ПОСЛЕДНИЙ ВАРИАНТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА?

Резюме. В данной работе рассматривается ключевой фактор, подрывающий геополитическую значимость Европейского Союза, и внутренняя раздробленность выделяется как главное аспект, препятствующий ЕС в достижении стратегической активности в международных отношениях. В статье предполагается, что возрождение исторического формата Веймарского треугольника (Германия, Франция, Польша) предоставляет руководству ЕС уникальную, но решающую возможность. По мере того, как Соединенные Штаты становятся все более транзакционными в своих внешнеполитических обязательствах, ЕС должен найти способ достичь внутреннего консенсуса по вопросам, жизненно важным для европейской безопасности. Сосредоточившись на недавних переговорах по Украине как на одном из примеров, в статье утверждается, что, если ЕС хочет пережить нынешний переход к новому международному порядку, он должен срочно сосредоточить внимание на укреплении своей активности и легитимности путем обновления и даже расширения таких форматов, как Веймарский треугольник.

Азерин АЛЛАХВЕРДИЕВА (Азербайджан),
магистрант Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Современное развитие Азербайджана определяет его как значимый игрок в глобальном и региональном политическом контексте, занимая уникальное геополитическое положение. Располагаясь в зоне высокой стратегической важности — историческом перекрестке мировых торговых путей, культурных традиций, религиозного многообразия и цивилизационных взаимодействий — Азербайджан выделяется особым статусом единственного государства на Южном Кавказе, граничащего с Россией и Ираном. Его выход к Каспийскому морю служит мостом в Центральную Азию, а соседство с Грузией открывает доступ к Черному морю.

В этом контексте, особенно актуальной становится задача обеспечения национальной безопасности и территориальной целостности.

В условиях текущей геополитической напряженности на кавказском регионе — обусловленной глобальными противоречиями, конфликтами и конкуренцией мировых центров силы — перед руководством Азербайджана стоит непростая задача обеспечения территориальной целостности страны. В эпоху вызовов национальный суверенитет становится приоритетом номер один для внешнеполитического курса государства.

Примером успешной реализации этого приоритета служат важные события последних лет.

В результате исторической победы в Отечественной войне, начавшейся 27 сентября 2020 года в ответ на провокации Армении, и проведенной 19–20 сентября 2023 года успешной антитеррористической операции территориальная целостность и суверенитет нашей страны были полностью восстановлены, юридическая сила Конституции Азербайджана установлена на всех освобожденных от оккупации территориях. Согласно Распоряжению Президента Азербайджанской Республики от 19 сентября 2024 года номер 294, 20 сентября было объявлено в Азербайджанской Республике Днем государственного суверенитета [1].

На этой прочной основе Азербайджан выстраивает дальнейшее развитие своего внешнеполитического курса.

Сегодня Азербайджанская Республика, руководствуясь национальными интересами нашего народа, в условиях новых реалий более решительно и

принципиально продолжает свою независимую политику, основываясь на требованиях Конституции и своих суверенных правах, уверенно движется к предстоящим стратегическим целям [1].

При этом приоритетным направлением остается защита границ и обеспечение устойчивого суверенитета.

После восстановления полноценного государственного суверенитета сегодняшний Азербайджан активно работает над укреплением и защитой своих границ, стремясь укрепить независимость в сложной геополитической обстановке.

Существенное значение в этом процессе имеет участие Азербайджана в международных организациях.

Как независимое государство Азербайджанская Республика является членом ряда международных организаций, в том числе Организации Объединенных Наций, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Совета Европы, Организации Исламская конференция, Содружества Независимых Государств и многих других. Азербайджан также постоянно развивает сотрудничество с такими организациями, как НАТО и Европейский Союз, а также свою деятельность в рамках антитеррористической коалиции. Азербайджанская Республика также является одним из учредителей региональной группы ГУАМ.

Участие в этих структурах служит реализации национальных интересов и упрочению международного авторитета страны.

Участвуя в этих организациях и региональных инициативах, Азербайджанская Республика преследует свои национальные интересы. Сегодня Азербайджанская Республика признана активным игроком и региональной державой, которая способствует установлению сотрудничества в современной системе международных отношений в качестве реализатора транснациональных проектов, вопросов глобальной безопасности, энергетической безопасности в Европе. Кроме того, роль Азербайджана как коридора между западной и восточной цивилизациями, а также Севером и Югом демонстрирует его репутацию важной страны. Конечно, всем известно, что такие достижения Азербайджана являются результатом прагматичной и рациональной внешней политики [2].

Благодаря этому внешнеполитическому курсу Азербайджан добился важнейших результатов на

международной арене.

Азербайджан, благодаря новой внешней политике, смог интегрироваться в систему экономических и политических интересов ведущих мировых держав. Это обеспечило стране надёжные гарантии безопасности и позволило наладить взаимовыгодное сотрудничество с другими государствами. Для успешного становления независимого государства ключевыми являются два аспекта: внутренний — связанный с решимостью и стремлением к суверенитету, и внешний — опирающийся на международные гарантии. В данном направлении были предприняты важные шаги, направленные на укрепление обоих факторов, что создало прочную основу для защиты и развития государства [3].

Следовательно, Азербайджан уверенно занимает активную позицию в глобальных политико-экономических процессах.

Сегодня Азербайджанская Республика играет значимую роль в ключевых экономических, политических и культурных процессах как в регионе, так и на мировой арене. Демократические преобразования и экономические реформы, проводимые в стране, наряду с её активной внешней политикой, привлекли внимание ведущих мировых держав, влиятельных международных организаций и структур. Всё это создало благоприятные условия для налаживания и укрепления взаимовыгодного сотрудничества, основанного на принципах международного права.

Особое место в этом сотрудничестве занимает взаимодействие с НАТО.

Азербайджанская Республика активно взаимодействует с НАТО, концентрируясь на совместных инициативах, направленных на укрепление стабильности в Европе и евроатлантическом регионе. Главная задача страны — внести значительный вклад в создание интегрированной системы безопасности, охватывающей как региональные, так и континентальные масштабы, при этом соблюдая принцип неделимости безопасности и исключая любые формы географической или политической дискриминации.

Такое сотрудничество реализуется через конкретные программы и инструменты.

Сотрудничество с НАТО осуществляется через ряд программ, таких как «Партнёрство ради мира», а также в рамках Совета евроатлантического сотрудничества. Ключевую роль играет Оперативный план индивидуального партнёрства, который выступает важным инструментом для углубления взаимодействия с альянсом. Этот план способствует достижению

стратегических целей в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а также модернизации системы национальной безопасности Азербайджана в соответствии с высокими стандартами НАТО. Более того, он служит платформой для усиления политического диалога, направленного на укрепление взаимовыгодного сотрудничества [4].

Вместе с тем, на внешнюю политику Азербайджана значительное влияние оказывает региональная обстановка.

Международное положение также значительно влияет на внешнюю политику и суверенитет Азербайджана. Отношения со странами-соседями в регионе Южного Кавказа играют особую роль в защите национального суверенитета Азербайджана.

В этом контексте стратегическое партнёрство с Турцией приобретает особое значение.

Азербайджан тесно сотрудничает с Турецкой Республикой в экономической и политической сферах. Турция активно поддерживает Азербайджан в защите его национального суверенитета.

Не менее важны и отношения с Российской Федерацией, оказывающие неоднозначное влияние на процессы суверенитета.

Отношения Азербайджана с Российской Федерацией также активно влияют на становление и защиту национального суверенитета страны. После победы во Второй Карабахской войне в 2020 году на территории Карабаха, на основании трёхстороннего договора, был направлен российский миротворческий контингент, и там были размещены российские военные. Этот процесс препятствовал восстановлению суверенитета. Однако вскоре, в 2022 году, Россия начала войну против Украины, и ей стало не до Карабаха. В 2023 году российские миротворцы покинули Карабах, и этот день считается днём полного восстановления национального суверенитета.

Библиография:

1. Azərbaycan Respublikasında 2025-ci ilin "Konstitusiya və Suverenlik İli" elan edilməsi haqqında Azərbaycan Respublikası Prezidentinin Sərəncamı. - <https://president.az/az/articles/view/67775>
2. Общая информация о международном сотрудничестве. - <https://genprosecutor.gov.az/ru/page/prokurorluq/beynelxalq-emekdasliq/beynelxalq-emekdasliq-haqqinda-umumi-melumat>
3. Чернявский С.И. Внешняя политика Азербайджанской Республики (1988-2003 гг.). - Баку: Аидил оглу, 2003. с. 504.
4. Гурбанов Т.М., Мехдиев Э.Т., Сафронов К.Ю.

- Конституционно-правовое регулирование внешней политики Азербайджанской Республики. Монография. - Уфа: Аэтерна, 2015. - 170 с.
5. Новрузов М.И. Внешняя политика страны: реалии современности и взгляд в будущее. - Баку: Право, 2013. - с. 264.
6. Аббасбейли А. Азербайджан в системе международных и региональных организаций. - Баку: Азернешр. 1999. - 256 с.
7. “Центральная Азия и Кавказ”. Центр социально-политических исследований. - www.ca-c.org

Azarin ALLAHVERDIYEVA (Azerbaijan),
master student of the
Academy of Public Administration
under the President of the Republic of Azerbaijan

FOREIGN POLICY OF AZERBAIJAN IN THE CONTEXT OF PROTECTING NATIONAL SOVEREIGNTY UNDER CONDITIONS OF GEOPOLITICAL INSTABILITY

Summary. Azerbaijan's modern development makes it a significant player in global and regional politics, granting the country a unique geostrategic position. Amid geopolitical tensions, the country's leadership prioritizes the protection of territorial integrity and national sovereignty. Following the historic victory in the Second Karabakh War and the successful anti-terror operation in 2023, state sovereignty was fully restored, and Azerbaijan's Constitution gained full legal force in the liberated territories.

Actively participating in international organizations such as the UN, OSCE, Council of Europe, OIC, and CIS, as well as cooperating with NATO and the EU, Azerbaijan strives to strengthen its international standing and safeguard its national interests. Special attention is given to strategic relations with Turkey and Russia, which play a crucial role in ensuring regional stability and security. Additionally, Azerbaijan continues to modernize its security system and enhance the country's defense capabilities in accordance with international standards.

Азерин АЛЛАХВЕРДИЕВА (Азербайджан),
магистрант Академии Государственного Управления
при Президенте Азербайджанской Республики

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Резюме. Современное развитие Азербайджана делает его важным участником глобальной и региональной политики, обеспечивая стране особое геостратегическое положение. В условиях геополитической напряженности руководство страны уделяет первостепенное внимание защите территориальной целостности и национального суверенитета. После исторической победы во Второй Карабахской войне и успешной антитеррористической операции в 2023 году государственный суверенитет был полностью восстановлен, а Конституция Азербайджана получила полную юридическую силу на освобожденных территориях.

Активно участвуя в международных организациях, таких как ООН, ОБСЕ, Совет Европы, ОИК и СНГ, а также сотрудничая с НАТО и ЕС, Азербайджан стремится укрепить свою международную позицию и защитить национальные интересы. Особое внимание уделяется стратегическим отношениям с Турцией и Россией, которые играют важную роль в обеспечении региональной стабильности и безопасности. Наряду с этим Азербайджан продолжает модернизацию своей системы безопасности и укрепляет оборон способность страны в соответствии с международными стандартами.

HEZBOLLAH'S DISARMAMENT IN THE CONTEXT OF THE CURRENT LEBANESE CRISIS: FROM THE IMPOSSIBLE TO THE INEVITABLE?

Hezbollah's politico-military influence in Lebanon has remained stable and seemingly unshakable over the past four decades. However, recent events have radically altered the balance of power both within the country and in the broader regional context. The issue of Hezbollah's disarmament, long considered a taboo, is now being openly discussed in both expert and political circles. This article offers an analysis of the preconditions and prospects of this process.

Historical Context: From Resistance to Domination

Founded in the early 1980s amidst the Lebanese Civil War and the Israeli occupation of the country's southern regions, Hezbollah (Arabic: حزب الله — “Party of God”) initially positioned itself as a religious-ideological resistance movement. The organization emerged with the active support of Iran's Islamic Revolutionary Guard Corps (IRGC), as a response to the growing influence of the West in the region and the Israeli military presence.

Hezbollah established its legitimacy—particularly among Lebanon's Shiite community—through a rhetoric of struggle against the “Zionist enemy” and the defense of Muslim identity. In its early years, the group engaged in guerrilla warfare against Israel, orchestrated terrorist attacks (including beyond Lebanon's borders), and simultaneously developed a broad network of social institutions ranging from schools and hospitals to charitable organizations. This dual strategy enabled Hezbollah to rapidly garner popular support in southern Lebanon, a region traditionally characterized by poverty and marginalization.

The withdrawal of Israeli forces from southern Lebanon in 2000 marked a major milestone in the history of the organization. Hezbollah claimed credit for driving out the occupiers, a narrative that significantly boosted its popularity and reinforced its political capital. Rather than disarming, as required by United Nations Security Council resolutions (notably Resolution 1559), the group continued to expand its military capabilities. In 2006, following the capture of two Israeli soldiers and the large-scale armed conflict that ensued, Hezbollah once again solidified its image as a “victor” that had withstood the might of the Israeli army. Despite the severe losses inflicted on Lebanon, this war was perceived within the Shiite community as an act of heroic resistance.

However, this moment also marked the beginning of Hezbollah's gradual transformation from a resistance movement into a powerful politico-military force with

regional ambitions. Its integration into the Lebanese political system, which had begun in the 1990s, entered a phase of institutionalization: Hezbollah secured seats in parliament, participated in the formation of governments, and in practice became a “state within a state,” maintaining its own armed forces, intelligence apparatus, and logistical networks.

After 2005, following the withdrawal of Syrian troops from Lebanon and the assassination of former Prime Minister Rafik Hariri, tensions between Hezbollah and other political forces intensified. While a portion of Lebanese society advocated for sovereignty, demilitarization, and the restoration of national unity, Hezbollah continued to operate according to the logic of resistance and the regional “Shiite Crescent,” coordinating its actions with Damascus and Tehran.

All of this led to a deepening of domestic political divisions: in 2008, Hezbollah militants, for the first time since the civil war, used weapons against fellow Lebanese—supporters of the pro-Western government. This marked a turning point: the group's military capabilities began to be viewed not as a means of national defense, but as a threat to internal stability.

Thus, Hezbollah's historical trajectory illustrates its evolution from a marginal insurgent movement into a dominant military-political actor on both the Lebanese and regional stages. However, as subsequent developments reveal, this process of militarization and regional entanglement became the foundation for the group's gradual loss of legitimacy in the eyes of the Lebanese public.

Causes of the Loss of Legitimacy

Despite its former popularity, Hezbollah's position has been steadily weakening since the early 2010s. This decline has been driven primarily by internal developments and events, including:

The assassination of Rafik Hariri in 2005 triggered a wave of public outrage, with a significant portion of the Lebanese population attributing responsibility for the attack to Hezbollah.

The armed clashes in Beirut in 2008, during which Hezbollah militants attacked areas controlled by government forces, set a dangerous precedent for the use of weapons against fellow citizens.

The organization's involvement in the Syrian Civil War on the side of Bashar al-Assad's regime further eroded public trust, as Hezbollah came to be seen as an instrument of Iranian foreign policy.

Resistance to the investigation into the 2020 Beirut

port explosion ultimately alienated a large segment of Lebanese society.

Among the external factors contributing to the erosion of Hezbollah's legitimacy, the following are particularly noteworthy:

- International pressure. In 2023–2024, pressure on Hezbollah from the United States and the Gulf states reached unprecedented levels. U.S. officials, including Morgan Ortagus, openly called for the group's disarmament and expressed support for Israeli strikes on its facilities.

- The decline of the Assad regime. The weakening of Syria's ruling regime has constrained Hezbollah's logistical and financial capabilities. The loss of a key ally that had ensured secure transit routes has significantly impaired the group's ability to sustain its military infrastructure.

- Diminished political influence. In the newly formed Lebanese government, Hezbollah has failed to secure control over the country's security apparatus and has lost its monopoly over the representation of the Shiite community. This shift signifies a reduction in its administrative and financial leverage within the state.

The Potential for Peaceful Disarmament: Preconditions and Constraints

Despite the persistent risk of escalation, certain developments suggest the possibility of a political solution. These are reflected in the following factors:

Hezbollah's leadership has expressed a conditional openness to negotiations on disarmament—provided that Israeli aggression comes to an end.

The Lebanese president has rejected the integration of Hezbollah fighters into the national army as an organized force, instead limiting the path to integration to individual contracts through official procedures.

Pressure is mounting from within the Shiite community itself: some of Hezbollah's previously loyal allies are now advocating for cooperation with the state and with Gulf countries.

Nevertheless, the risk of a violent scenario remains high. Any attempt at forced disarmament could trigger internal armed clashes, posing a serious threat to the country's fragile stability.

Forecasts and Possible Scenarios

An analysis of recent developments suggests three main scenarios for the evolution of the situation:

- Gradual political disarmament, in which Hezbollah loses influence due to the depletion of resources and a

decline in public support.

- Military confrontation, triggered either by external strikes or internal conflict.

- Integration into the Lebanese army on an individual basis, accompanied by the disarmament of the group's organizational structures.

In any of these scenarios, international mediation—primarily by the United Nations—as well as coordinated pressure from the United States, France, and the Gulf states will likely be required.

Conclusion

The disarmament of Hezbollah, long considered an unattainable goal, is becoming an increasingly plausible outcome due to a combination of political, military, and economic factors. While this is neither a swift nor a straightforward process, its initiation may represent a crucial step toward the restoration of Lebanese sovereignty and the promotion of regional stability. The primary task for the international community remains the creation of conditions under which this process can unfold peacefully and without compromising Lebanon's internal stability.

Bibliography:

1. Norton, A.R. Hezbollah: A Short History. - Princeton University Press, 2007.
2. Saad-Ghorayeb, A. Hizbu'llah: Politics and Religion. - Pluto Press, 2002.
3. Blanford, N. Warriors of God: Inside Hezbollah's Thirty-Year Struggle Against Israel. - Random House, 2011.
4. Levitt, M. Hezbollah: The Global Footprint of Lebanon's Party of God. - Georgetown University Press, 2015.
5. Salem, P. "The Changing Role of Hezbollah in Lebanon's Political System." *Middle East Institute*, 2023.
6. United Nations Security Council Resolutions 1559 (2004) and 1701 (2006).
7. Human Rights Watch. "Lebanon: Obstruction of Beirut Blast Investigation." 2021.
8. Al Arabiya, Haaretz, Al Jazeera — аналитические обзоры 2023–2024 годов.
9. Ortagus, M. *Public statements on Hezbollah. U.S. State Department 2024*, Archives. International Crisis Group. *The Fragile Balance of Power in Lebanon*, 2023.

Mahammed BABAYEV (Azerbaijan),
researcher in the field of international relations

HEZBOLLAH'S DISARMAMENT IN THE CONTEXT OF THE CURRENT LEBANESE CRISIS: FROM THE IMPOSSIBLE TO THE INEVITABLE?

Summary. For decades, the armed wing of the Shiite political organization Hezbollah has played a key role in Lebanon's military and political structure. However, significant changes are emerging in the early 2020s, indicating a possible transformation of this force. The article analyzes the internal and external reasons for Hezbollah's loss of legitimacy and assesses the prospects for its partial or complete disarmament. Particular attention is paid to the changing political balance in Lebanon, international pressure, geopolitical influences and public sentiment that contribute to a possible change in the status quo.

Махаммед БАБАЕВ (Азербайджан),
исследователь в области международных отношений

РАЗОРУЖЕНИЕ «ХЕЗБОЛЛЫ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИВАНСКОГО КРИЗИСА: ОТ НЕВОЗМОЖНОГО К НЕИЗБЕЖНОМУ?

Резюме. В течение нескольких десятилетий вооружённое крыло шиитской политической организации «Хезболла» играло ключевую роль в военном и политическом устройстве Ливана. Однако в начале 2020-х годов намечаются значительные изменения, свидетельствующие о возможной трансформации этой силы. Статья анализирует внутренние и внешние причины утраты легитимности «Хезболлы», а также оценивает перспективы её частичного или полного разоружения. Особое внимание уделено изменению политического баланса в Ливане, международному давлению, geopolитическим влияниям и общественным настроениям, способствующим возможному изменению статус-кво.

Марзия АСЛАН (Азербайджан),

магистрант кафедры Международных отношений и внешней политики
Академии Государственного Управления при
Президенте Азербайджанской Республики

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Изменение климата является одной из самых серьёзных проблем XXI века. Его последствия угрожают экосистемам, экономике и безопасности человека по всему миру. Для предотвращения катастрофических изменений и обеспечения устойчивого развития в будущем необходимо беспрецедентное многостороннее сотрудничество. Именно это требование приводит к формированию новой сферы международных отношений — климатической дипломатии, в рамках которой государства и международные организации ищут способы координации усилий по решению глобальных климатических проблем.

Международные усилия в области охраны окружающей среды начали формироваться с Конференции ООН по проблемам окружающей среды человека в Стокгольме (1972 г.), которая заложила основы последующих экологических соглашений. Однако именно к концу XX века изменение климата вышло на первый план глобальной дипломатии как приоритетная международная проблема. Создание Межправительственной группы экспертов по изменению климата стало ключевым этапом в 1988 году, заложившая научную основу для понимания климатических процессов и оценки их потенциальных последствий [1].

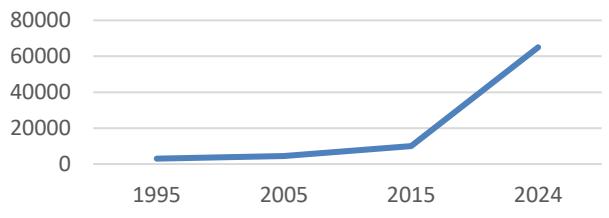
Возникновение самой климатической дипломатии связывают с 1992 годом. На Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро была принята Рамочная конвенция ООН об изменении климата (UNFCCC) [2]. Впервые было закреплено, что глобальное потепление представляет собой общечеловеческую проблему, требующую совместных действий. Более 196 государств подписались под обязательством «защитить климатическую систему в интересах нынешнего и будущих поколений».

Конвенция подчёркивала особую ответственность индустриально развитых стран за изменение климата. Длительная индустриализация и сопровождающие её выбросы парниковых газов были названы основной причиной негативных изменений в глобальной экосистеме. Рост благосостояния этих государств сопровождался значительным ущербом окружающей среде. В этой связи развитые страны

приняли на себя обязательство поддерживать развивающиеся государства через финансовую, технологическую и научную помощь, а также посредством передачи опыта и инноваций. Кроме того, индустриально развитые страны должны были стать мировыми лидерами по сокращению выбросов и реализации амбициозных климатических программ.

В статье 7 Конвенции была учреждена Конференция сторон (Conference of the Parties, COP) — новый формат международного сотрудничества. COP рассматривает ход выполнения Конвенции и связанных с ней документов, а также принимает решения, необходимые для её эффективной реализации. Первая конференция COP прошла в 1995 году в Берлине. С тех пор такие встречи проходят регулярно, как правило, дважды в год, в различных регионах мира — от Европы до стран Латинской Америки, Африки и Азии. К декабрю 2016 года состоялось уже 22 конференции, число участников постоянно росло: в Марракеше (2016 г.) участие приняли более 20 тысяч делегатов. Важной вехой стала 29-я Конференция сторон (COP29), состоявшаяся в Баку в 2024 году — первой на постсоветском пространстве. В ней участвовали главы государств и правительства более 80 стран. Мировые лидеры и эксперты обсудили усиление климатического финансирования, внедрение углеродных рынков и адаптацию к новым вызовам. COP29 продемонстрировала как достижения, так и трудности в согласовании действий между развитыми и развивающимися странами. В частности, была достигнута договорённость о новой цели климатического финансирования — мобилизовать 300 млрд долларов ежегодно до 2035 года для поддержки усилий развивающихся стран, однако обсуждение отказа от ископаемых видов топлива и «глобального обзора» было отложено на COP30 в Бразилии.

Численности представителей стран на конференциях ООН

Через механизмы СОР возникли ключевые международные соглашения. Киотский протокол (1997 г.) впервые установил обязательные целевые показатели по сокращению выбросов для промышленно развитых стран. Парижское соглашение (2015 г.) закрепило глобальную рамку по ограничению роста температуры «значительно ниже 2 °C» относительно доиндустриального уровня, подчеркнув более инклюзивный и гибкий подход. Эволюция климатической дипломатии отражает переход от разрозненных инициатив к унифицированному и комплексному процессу.

Международное сотрудничество остаётся краеугольным камнем борьбы с изменением климата. Поскольку климатические процессы трансграничны, ни одно государство не способно решить их в одиночку. Совместные усилия необходимы для снижения выбросов парниковых газов, развития и распространения чистых технологий, а также укрепления устойчивости к последствиям климатических изменений. Повестка дня ООН до 2030 года подчёркивает значимость международного сотрудничества: Цель 13 призывает к срочным действиям по борьбе с изменением климата на всех уровнях.

Несмотря на успехи, климатическая дипломатия сталкивается с рядом современных вызовов таких как:

- Геополитическая напряжённость. Конфликты и соперничество ведущих держав, таких как США и Китай, осложняют поддержание устойчивого диалога.
- Экономическое неравенство. Многие развивающиеся страны не имеют финансовых и технологических ресурсов для масштабных климатических мер, что делает финансирование особенно спорным вопросом.
- Расхождение национальных интересов. Государства часто отдают приоритет экономическим и политическим целям, что ведёт к недостаточному прогрессу в реализации соглашений.
- Проблемы в реализации. Даже после подписания соглашений существует разрыв между заявленными обязательствами и их фактическим выполнением [3].

История международных климатических переговоров даёт основания для пессимизма: формальные соглашения часто задерживаются, а политические разногласия остаются острыми. Вместе с тем климатическая дипломатия достигла значимых результатов. Глобальные дискуссии повлияли на национальные политики даже без формально обязательного договора.

Европейский союз сыграл ключевую роль, внедрив концепцию «win-win» решений, которая доказала, что климатическая политика может приносить экономические выгоды и не противоречит экономическому росту. Выгоды сокращения выбросов включают экономию средств, повышение конкурентоспособности, улучшение энергетической безопасности, снижение зависимости от нестабильных регионов и улучшение здоровья населения [4].

К 2007 году «win-win» стала ядром стратегии ЕС на переговорах, а экономические аргументы были последовательно представлены на всех конференциях, включая Копенгагенскую (2007–2009 гг.).

Влияние ЕС распространилось и за пределами ООН через Картахенский диалог о прогрессивных действиях, в который вошли государства, готовые развиваться как низкоуглеродные экономики. ЕС подкреплял риторику реальными мерами — «Энергетическим и климатическим пакетом» 2008 года, обязавшим страны-члены сократить выбросы минимум на 20 % к 2020 году. Уже к 2012 г. ЕС превысил цели: выбросы сократились на 18 %, углеродоёмкость экономики снизилась на 28 %, при этом экономика выросла на 45 % [5].

Мировое распространение концепции «win-win» видно по росту национальных инициатив. К 2012 году 67 % глобальных выбросов находились под действием законодательства или стратегий, причем большинство действий предпринимались странами, в частности, в Азии и Латинской Америке. Южная Корея, Бразилия, Китай и Австралия внедряли «зелёный рост», цели по возобновляемой энергии и системы торговли квотами.

Китай в 2007–2011 гг. пошёл на два крупных компромисса: признал необходимость смягчения выбросов в развивающихся странах и согласился на переговоры по будущему глобальному договору. Внутри страны Китай стал ведущим инвестором в возобновляемую энергетику, внедрил низкоуглеродное развитие в пятилетние планы (2011–2015 гг.) и признал климатическую политику «возможностью для роста» [6].

Сегодня наблюдается заметный контраст. С одной стороны, переговоры ООН не всегда приводят к формальным соглашениям, а политические разногласия

между ведущими державами сохраняются. С другой стороны, на практике климатическая политика продвигается: меры на национальном и многоуровневом уровнях продолжают активно внедряться.

Историческое соглашение между США и Китаем показывает силу дипломатии и открывает новую главу глобальной климатической политики. Сегодня изменения не универсальны, но все они направлены на формирование низкоуглеродной экономики с использованием возобновляемой энергии и повышения энергоэффективности [7].

Климатическая дипломатия остаётся центральным механизмом координации глобальных усилий. Она доказала свою эффективность как средство распространения инновационных концепций, формирования национальных и региональных политик и вовлечения как государств, так и негосударственных акторов в глобальное управление климатом. Несмотря на формальные трудности и разногласия, дипломатия создаёт основу для долгосрочного устойчивого развития, интеграции научного прогресса и справедливого распределения ресурсов, открывая

перспективы для повышения эффективности борьбы с изменением климата в XXI веке.

Библиография:

1. Райнхардт, Р. Климатическая дипломатия: гибрид политики, гражданского активизма и науки. – 2020. – 82 с.
2. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. Рио-де Жанейро. - http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml
3. Апанович, М., Барабанов О., Маслова, Е., Райнхардт, Р., Саворская, Е., Черемисин, П. Климатическая политика в глобальном обществе риска. – 2020. – 26 с.
4. DIPLO. - www.diplomacy.edu/topics/climate-diplomacy
5. STUDY Requested by the AFET and ENVI committees - Climate Diplomacy, 2018. – 10 с.
6. Reimer N. Schlusskonferenzen. Geschichte und Zukunft der Klimadiplomatie. - München, 2018.
7. Radoslav S. Dimitrov. Climate diplomacy. - 2015. - 104 с.

Marziyya ASLAN (Azerbaijan),
master's student of the department of International relations and foreign policy of the Academy of
Public Administration under the President of the Republic of Azerbaijan

CLIMATE DIPLOMACY AS A NEW INSTRUMENT OF GLOBAL POLITICS: LEGAL FOUNDATIONS AND POLITICAL PROSPECTS

Summary. In this article, I examine climate diplomacy as a new instrument of global politics that has emerged in response to the threat of global climate change. I analyze the historical stages of its development — from the 1972 Stockholm Conference to COP29 in Baku in 2024 — and show how international agreements, including the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC), the Kyoto Protocol, and the Paris Agreement, have established the legal basis for multilateral cooperation.

I emphasize that climate diplomacy has become an important mechanism for coordinating state efforts, advancing a low-carbon economy, and promoting the “win-win” concept, which demonstrates the compatibility of climate measures and economic growth. The article also analyzes contemporary challenges — geopolitical tensions, economic inequality, and diverging national interests. Despite these difficulties, I argue that climate diplomacy exerts a significant influence on national policies and shapes a long-term strategy for sustainable development by integrating science, technology, and the economy.

Марзия АСЛАН (Азербайджан),
магистрант кафедры Международных отношений и внешней политики
Академии Государственного Управления при Президенте Азербайджанской Республики

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Резюме. В данной статье климатическая дипломатия рассматривается как новый инструмент мировой политики, возникший в ответ на угрозу глобального изменения климата. Я анализирую исторические этапы её становления —

от Стокгольмской конференции 1972 года до COP29 в Баку в 2024 году. Показывается, как международные соглашения, включая Рамочную конвенцию ООН об изменении климата, Киотский протокол и Парижское соглашение, сформировали правовую основу для многостороннего сотрудничества.

Подчёркивается, что климатическая дипломатия стала важным механизмом координации усилий государств, продвижения низкоуглеродной экономики и распространения концепции «*win-win*», доказывающей совместимость климатических мер и экономического роста. В статье также анализируются современные вызовы — геополитическая напряжённость, экономическое неравенство и расхождение национальных интересов. Несмотря на эти трудности, я показываю, что климатическая дипломатия оказывает серьёзное влияние на национальные политики и формирует долгосрочную стратегию устойчивого развития, интегрируя науку, технологии и экономику.

Порядок публикации и требования к оформлению статей международного научного журнала «Право и политология»

Для опубликования статьи в журнале необходимо отправить на электронную почту журнала публикуемые материалы. В конце текста статьи необходимо указывать электронный адрес автора (авторов). Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов должен быть от 8 до 15 страниц (Times New Roman, 14 шрифт, 1,5 интервала, верхнее, нижнее, правое и левое поля должны быть 2 см)

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторов), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- электронный адрес и телефон автора (соавторов);
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- ключевые слова (не менее 10 слов);
- основной материал (текст) статьи;
- список использованной литературы.

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев Н.Г. Армянская экспансия и международные договоры по Южному Кавказу в XX-XX вв. (Историко-правовое исследование). – Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2021. – 184 с.
2. Алmond, G. A., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан – новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Makili-Aliyev, Kamal. Contested Territories and International Law. A Comparative Study of the Nagorno-Karabakh Conflict and the Aland Islands Precedent. – London & New York: Routledge, 2019. – 114 pp.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.
7. В электронных источниках является обязательным указание даты доступа (обращения). Израиль ведет кибервойну против Ирана? – http://aze.az/news_izrail_vedet_kibervoynu_57001.html (29.04.2011 16:08).

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование.

Решение о публикации статьи в журнале принимается главным редактором журнала.

The order of publication and requirements for the design of articles of the scientific journal "Law and Politology"

To publish an article in the scientific journal "Law and Politology", the author should submit the materials in electronic form to the editorial office of the journal. Only original articles that have not been previously published in other publications are subject to publication in the journal.

The volume of published materials should be from 8 to 15 pages (Times New Roman, 14 font, 1.5 spacing, upper, lower, right and left margins should be 2 cm).

Articles published in the journal consist of the following elements:

- information about the author (co-authors), including: Full name of the author (co-authors), academic degree of the author (co-authors), place of work or study of the author (co-authors), position of the author (co-authors);
- e-mail address and phone number of the author (co-authors);
- a brief abstract of the article (500-580 pages), giving a general description of the work (in Russian and English);
- keywords (at least 10 words);
- the main material (text) of the article;
- list of references.

The design of footnotes is end-to-end: the number and page of the scientific source are indicated in the text (in square brackets). The list of references is published at the end, in the order of citation, according to the example below:

1. Aliyev N.G. Armenian expansion and international treaties on the South Caucasus in the XX-XX centuries. (Historical and legal research). – Kiev: Dmitry Burago Publishing House, 2021. – 184 p.
2. Almond, G. A., Verba, S. Civic culture and the stability of democracy. - Polis, 1992, No. 4, p. 122-134.
3. On the approval of the Strategy for the Social Integration of Persons with Disabilities (2010-2013). Law of the Republic of Moldova No. 169 of July 9, 2010 - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, October 12, No. 200-201, p. 660.
4. Speech by President Ilham Aliyev at a political briefing on the theme "European Union and Azerbaijan - new ways of cooperation", held on May 19, 2004. - Azerbaijan, 2004, May 22.
5. Makili-Aliyev, Kamal. Contested Territories and International Law. *A Comparative Study of the Nagorno-Karabakh Conflict and the Aland Islands Precedent*. – London & New York: Routledge, 2019. – 114 pp.
6. Osaka Declaration on Tourism Development. – www.world-tourism.org.
7. In electronic sources, it is mandatory to indicate the date of access (reference). Is Israel waging a cyberwar against Iran? – http://aze.az/news_izrail_vedet_kibervoynu_57001.html (29.04.2011 16:08).

Articles proposed for publication in the journal undergo mandatory peer review. The decision to publish an article in the journal is made by the co-chairs of the editorial board of the journal.